

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-03-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-03-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэльевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантury и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАЕ, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспернского совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, Республика Мордовия, г. Республика Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное

автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafaelevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and

Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrova Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

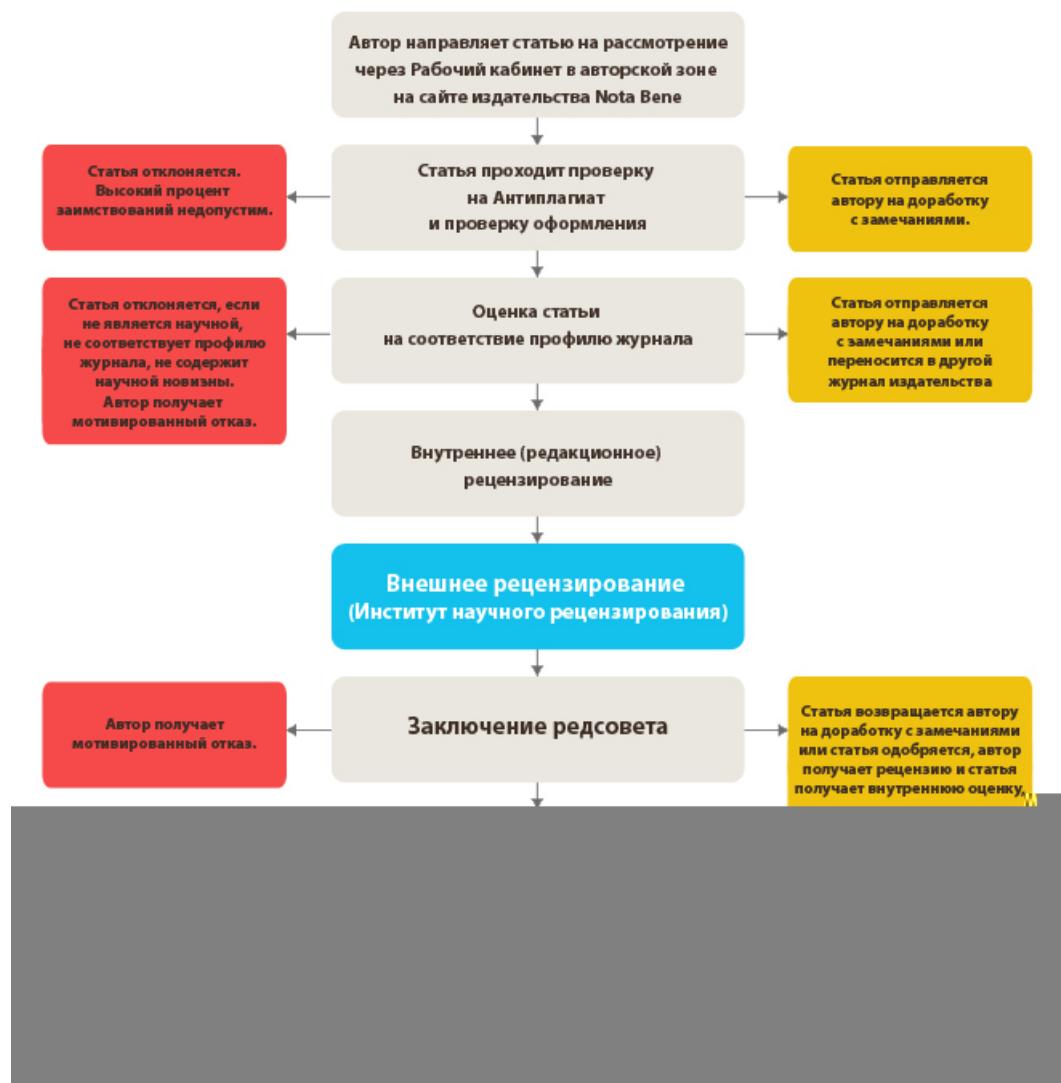
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Руденко Т.И. «Чайка» А. П. Чехова в английских переводах (1909–2019 гг.): опыт сопоставления	1
Каменева Н.А. Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык	9
Дондик Л.Ю. Оценка качества поэтического перевода (на материале переводов британской поэзии на русский язык)	16
Павлова Т.А., Потовская К.С. Культурная реалия как феномен языка и художественного текста.	30
Шорова М.Б., Бориева М.К., Текуева А.А. Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации	38
Глазкова М.М., Ильина С.А. Специфика и функции концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэзии В. Я. Брюсова	50
Чэн Ю. Порядок слов в многокомпонентных кулинаронаимах русского и китайского языка и его влияние на восприятие информации о блюде	65
Пыхтина И.Ю., Бубнова Н.А. Нarrативная структура рассказа Ю. П. Казакова "Арктур - гончий пес"	83
Глухова Е.С. Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе	90
Егошкина В.А. Специфика репрезентации речевых стратегий и тактик в просветительских аудиоподкастах	103
Англоязычные метаданные	119

Contents

Rudenko T. "The Seagull" by A. P. Chekhov in English translations (1909-2019): the experience of comparison	1
Kameneva N.A. Formation of modern English abbreviations in business and scientific communications and their translation into Russian	9
Dondik L.Y. Assessment of the quality of poetic translation (based on the material of translations of British poetry into Russian)	16
Pavlova T.A., Potovskaya K.S. Cultural reality as a phenomenon of language and artistic text.	30
Shorova M.B., Borieva M.K., Tekueva A.A. The role of mass media in the development of intercultural communication in the context of digitalization	38
Glazkova M.M., Ilyina S.A. The specifics and functions of the concepts of LIFE and DEATH in V. Y. Bryusov's poetry	50
Chang Y. The word order in multicomponent culinary synonyms of the Russian and Chinese languages and its influence on the perception of information about the dish	65
Pyhtina I.Y., Bubnova N.A. The narrative structure of Yu. P. Kazakov's short story "Arcturus the Hound Dog"	83
Glukhova E.S. Features of the use of cognitive biases in native advertising	90
Egoshkina V.A. The specifics of the representation of speech strategies and tactics in educational audio podcasts	103
Metadata in english	119

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Руденко Т.И. «Чайка» А. П. Чехова в английских переводах (1909–2019 гг.): опыт сопоставления // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69842 EDN: VWBEMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69842

«Чайка» А. П. Чехова в английских переводах (1909–2019 гг.): опыт сопоставления

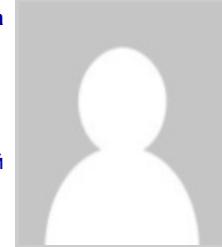
Руденко Татьяна Ивановна

ORCID: 0000-0002-2672-2648

кандидат филологических наук

доцент кафедры контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1

✉ ti.rudenko@mpgu.edu

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69842

EDN:

VWBEMX

Дата направления статьи в редакцию:

13-02-2024

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению основных переводов пьесы А. П. Чехова «Чайка» на английский язык. Цель работы – определить ключевые переводческие тенденции при передаче вышеуказанного произведения, в зависимости от года его создания. Теоретической основой данного исследования послужили труды, посвященные теории перевода отечественных и зарубежных исследователей (таким, как Алексеева, 2004; Виноградов, 2001; Влахов, Флорин, 1986; Нелюбин, Хухуни, 2008; Прошина, 2019; Федоров, 1983; De Waard, Nida, 1986; Nida, Taber, 1982; Savory, 1968). Материалом исследования послужил оригинал пьесы А. П. Чехова «Чайка» и двенадцать ее переводов на английский язык, опубликованные в период с 1909 года по 2019 годы в Великобритании и Соединенных Штатах Америки. В качестве методов в данном исследовании использовались следующие: сопоставительный метод, описательный метод, метод компонентного анализа. На основе проведенного нами исследования, мы приходим к выводу о том, что переводы пьесы А. П. Чехова «Чайка» на английский язык

можно разделить на собственно переводы литературного текста, сохраняющие смысловое содержание, и интерпретационные варианты, целью которых является адаптация не только языковая, но и культурная, для зрителя, вовсе не знакомого или плохо знакомого с первоначальным источником. Излишняя доместикация и попытки приблизить перевод произведения к реалиям другой культуры свойственны не столько англоязычным переводчикам, которые все же пытались передать авторский стиль А. П. Чехова и разъяснить те или иные реалии иностранному читателю, сколько авторам русского происхождения, являющимся носителями русского языка, но ориентирующимся на иную, в той или иной степени чуждую им, культурную традицию.

Ключевые слова:

оригинал, перевод, художественный текст, Чехов, Чайка, переводческие трансформации, эквивалентность, доместикация, реалия, сопоставление

Общеизвестно, что пьеса в четырех действиях А. П. Чехова «Чайка» написана в 1986 году и впервые вышла в свет в журнале «Русская мысль». Премьера постановки состоялась 17 октября 1896 года на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге. С 1909 по настоящее время известно более 20 переводов произведения на английский язык.

Первым полагают перевод произведения 1909 года Джорджа Лесли Кальдерона, английского драматурга, литературоведа, лингвиста, исследователя творчества А. П. Чехова. Текст отличает максимальное приближение к оригиналу, стремление к точной передаче языковых и внеязыковых реалий, что выражалось, в частности, в наличии проставленных знаков ударения в фамилиях главных действующих лиц (например: Arcádina, Tréplef, Sórin, Shamráyef, Trigórín, Yákof). Этот прием не прослеживается более ни в одном из вариантов перевода на английский язык. Данное явление мы можем объяснить тем фактом, что это была первая постановка пьесы в Великобритании, состоявшаяся в Королевском театре (Глазго), соответственно перед Джорджем Лесли Кальдероном стояла задача ознакомить зрителей и читателей с абсолютно новым произведением и, предполагаем, что переводчик, расставив ударения, решил таким образом облегчить задачу актерам разобраться в произношении русских фамилий.

Второй перевод произведения был выполнен американской переводчицей русского происхождения Мариан Фелл в 1912 году, и считается первым опубликованным переводом в США. Однако в России Мариан Фелл подверглась жесткой критике со стороны многих литературоведов, и прежде всего К. И. Чуковского, за искажение оригинальных русских текстов и разрушение аутентичности произведений А. П. Чехова. Автора перевода упрекали в чрезмерном приближении перевода к нормам английской культуры, излишнем использовании приема доместикации. К. И. Чуковский был очень эмоционален в своей оценке: «Я только что прочитал книгу «Plays by Anton Tchekoff», «Пьесы Антона Чехова», в переводе мисс Марианны Фелл, и многое для меня стало ясно. Это не перевод, а уголовщина. Какая-то сплошная клевета. Читаешь, и хочется закричать караул. Чехов, душа нашей души, здесь оболган и осмеян перед всеми, выставлен каким-то пошляком, и, если бы я был англичанин и прочитал бы эти самые Plays, я тоже решил бы, что русские — кретины, а их литература, которой они так кичатся, — бормотание пьяных дикарей» [8].

В качестве примера излишней доместикации можно отметить передачу имен собственных

главных действующих лиц, при которой переводчица постаралась заменить русские имена их английскими эквивалентами в тех случаях, где это было возможно. Так, Петр передается как Peter, Евгений – английским вариантом Eugene, Семен – Simon, а Яков – Jacob [10]. При этом в тех случаях, где эквивалент подобрать было сложно (только путем искажения изначального варианта имени) или невозможно вообще, М. Фелл использовала приемы транскрипции или транслитерации (например, Маша – Masha, Ирина Аркадина – Irina Arkadina, Илья Афанасьевич Шамраев – Ilia Shamraeff). В результате произошло смешение вариантов имен героев пьесы, при котором часть персонажей имеют английские имена, а другая – русские варианты транслитерированные или транскрибированные на английский язык, что полностью искажает исходный текст (перед зрителем или читателем, ранее не знакомым с произведением, мог встать вопрос, с чем связаны англоязычные имена действующих лиц: это является авторской задумкой, при которой часть имен героев иностранные, или интерпретация конкретного переводчика).

В течение следующих четырех десятилетий 20 века (с 1912 до 1950 год) вышло всего несколько переводов пьесы «Чайка» на английский язык, выполненных в Соединенных Штатах Америки, что связано, скорее всего, с теми трагическими историческими событиями, которые своей значительностью не позволяли в полной мере погрузиться в философскую глубину чеховских пьес.

В 1923 году вышел перевод Констансы Клары Гарнетт – английской переводчицы, которая за годы своей работы перевела порядка 70 томов русской литературы, таких авторов, как Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др. Данный перевод отличает стремление к адаптации текста для понимания аудитории, не знающей России, достаточно вольное отношение к деталям. Это выражалось, в частности, в использовании варианта транслитерации имен главных героев, принятого в западной традиции, что не соответствует семантике оригинала: Ирина Николаевна Аркадина передана как "Irina Nikolayevna Arkadin" [22]; Нина Михайловна Заречная – "Nina Mihailovna Zarechny" [Там же]. Также в ряде случаев переводчик использовала добавления вежливых форм обращений к героям, отсутствующих в оригинале. Так, например, фраза «Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича» [7] в переводе К. Гарнетт выглядит следующим образом: "Yes. Miss Zarechny will act: it is Konstantin Gavrilitch's play" [22]. Переводчик добавляет форму Miss, а при транслитерации фамилии не обращает внимания на изменившийся падеж. Можем предположить, что лексическое добавление "Miss" было использовано К. Гарнетт, чтобы упоминание человека по фамилии, без использования имени, звучало уважительнее. Однако данный принцип переводчик использует не в каждом подобном случае.

В 1950 году был издан перевод американского педагога, драматурга, писателя, литературного критика и переводчика Старк Янга. С. Янг приводит достаточно объемное предисловие к переводу пьесы, в котором разъясняет ряд своих переводческих решений, поясняет передачу лексем, к которым сложно найти эквивалент в английском языке, проводит сопоставление своего перевода с ранее изданными, ряд из которых подвергает критике, в том числе и вариант К. Гарнетт. Например, С. Янг считает спорным выбор переводческого решения К. Гарнетт передать лексическую единицу «произведения» на английский язык словом "books" (буквально «книги») в следующей фразе Треплева: «А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но, прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит» [7] / "And I don't respect him.

You want me to think him a genius, too; but forgive me, I can't tell lies, his books make me sick" [13]. С. Янг отмечает, что в данном случае была использована лексическая единица "books" в качестве собирательного существительного, служащего обозначением "... productions, compositions, creations, works, but only indirectly books" [Там же] / постановок, сочинений, творений, работ, но только косвенно книг. Однаконой аргументации этого варианта перевода автор не видит. Сам С. Янг делает выбор в пользу слова "creations" как наиболее близкого по значению к лексеме «произведения»: "And I don't respect him. You want me too to think he's a genius, but, forgive me, I can't tell lies-his creations make me sick" [Там же].

В 1954 году в Великобритании выходит новый перевод пьесы, выполненный русской эмигранткой, мемуаристкой и переводчицей Елизаветой Жибуртович (известной в Англии под именем Лидия Джонсон), издававшей свои произведения под псевдонимом Елизавета Фен (Elisaveta Fen). В дальнейшем перевод произведения на английский язык начинает издаваться по несколько раз в каждом десятилетии 20-21 веков как в Великобритании, так и в США, среди которых мы можем выделить следующие варианты:

- 1) американской актрисы, педагога и переводчицы русской литературы 19 века Энн Даннigan 1964 года, выполненный по подстрочнику американского драматурга Роберта Брюстайна;
- 2) американского драматурга Жан-Клода ван Италли 1974 года;
- 3) перевод 1986 года, выполненный Майклом Фрейном – английским журналистом, драматургом, переводчиком;
- 4) перевод 1994 года Николаса Сондерса – американского актера и режиссера (российского происхождения) и Фрэнка Дуайера – американского поэта, драматурга, актера, театрального режиссера;
- 5) перевод 2002 года Петера Карсона – английского издателя, редактора, переводчика русской литературы;
- 6) перевод 2015 года, выполненный британским режиссером, драматургом, а также театральным деятелем Дэвидом Хэя по подстрочнику Хелен Раппапорт, британской писательницы, специализирующейся на переводе русских пьес, в том числе произведений А. П. Чехова.

Нам хотелось бы остановится подробнее на последнем варианте перевода произведения, выполненном в 2017 году в США, изданном в 2019 году, по подстрочнику Александры Чистяковой-Лякомб (как указано в предисловии к переводу, Александра Чистякова-Лякомб российская эмигрантка, работает адвокатом, путешествует по миру, любит театр), адаптированного для театральной постановки Жанис Л. Бликст.

Как отмечает Жанис Л. Бликст, постановщик пьесы, необходимость нового перевода пьесы обусловлена следующим: "When we see his plays produced in English, there's another playwright's voice involved. It's not just Chekhov. It's Chekhov and Bristow, Chekhov and Hampton, Chekhov and Stoppard, Chekhov and Schmidt, Chekhov and Dunnigan..." [17] / Когда мы видим его пьесы, поставленные на английском языке, в них звучит голос другого драматурга. Это не просто Чехов. Это Чехов и Бристоу, Чехов и Хэмптон, Чехов и Стоппард, Чехов и Шмидт, Чехов и Данниган (здесь и далее перевод автора – Т.Р.). Жанис Л. Бликст поставил цель при переводе произведения сохранить как можно больше от оригинала, одновременно с этим воссоздав совершенно новое и

«свежее» произведение ("What I will say is that we crafted a version of The Seagull that is brand new, completely fresh, and retains as much of the intentions of the original script as possible" [Там же] / Что я скажу, так это то, что мы создали версию «Чайки», которая является совершенно новой, абсолютно свежей и сохраняет как можно больше намерений оригинального сценария). Жанис Л. Бликст подчеркивает также, что получившееся произведение, безусловно, не лишено «голоса» переводчика, однако это – "Chekhov as you've never read him before [Там же]" / Чехов, каким вы его никогда раньше не читали.

Анализируя получившийся перевод, можно прийти к выводу, что это скорее вольная интерпретация А. П. Чехова, нежели собственно перевод текста. В описании действующих лиц в данном варианте были добавлены характеристики персонажей, которые не просто отсутствуют в тексте произведения, но и не всегда и не в полной мере соответствуют фактологическому содержанию оригинала. Указан не только возраст каждого героя произведения (хотя они отсутствуют в оригинальном тексте), род их деятельности, адаптированный под современные американские реалии, но и личностные характеристики, которые носят, скорее, субъективный характер, и, возможно, предназначались для исполнителей пьесы в качестве подсказки, как следует трактовать персонажей.

Приведем примеры:

- 1) Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса передано как "ARKADINA (Dina) / Irina Nikolayevna Arkadina, 45 – a famous stage actress, beautiful, clever";
- 2) Константин Гаврилович Треплев, ее сын, молодой человек – "Constantine – Konstantin Gavrilovich Treplev, 25 / Arkadina's son, an aspiring playwright, a dreamer";
- 3) Нина Михайловна Заречная, молодая девушка, дочь богатого помещика – "NINA – Nina Mikhailovna Zarechnaya, 20 / Constantine's love, neighbor girl, aspiring actress, scattered, flakey, but kind and hopeful";
- 4) Илья Афанасьевич Шамраев, поручик в отставке, управляющий у Сорина / "SHAMRAYEV – Ilya Afanasyevich Shamrayev - Sorin's estate manager. A "townie" – respected, but disapproving of the "artist" lifestyle";
- 5) Полина Андреевна, его жена / "POLINA – Polina Andreyevna Shamrayeva – Shamraev's wife. Townie girl, had ambitions, settled for life. Loves Dorn";
- 6) Маша, его дочь / "MASHA – Ilya and Polina's daughter. Smart, biting, resigned. Would love for Constantine to notice her, doesn't expect it to ever happen";
- 7) Борис Алексеевич Тригорин, беллетрист / "TRIGORIN – Boris Alexeyevich Trigorin, 40 - Arkadina's lover, a famous writer, brilliant, impractical";
- 8) Евгений Сергеевич Дорн, врач / "DR. DORN – Yevgeny Sergeyevich Dorn - local doctor, friend of the family. 55. Educated, well traveled, flirts with the women, has an affair with Polina, can't be tied down";
- 9) Семен Семенович Медведенко, учитель / "MEDVEDENKO – Semyon Semyonovich Medvedenko – local townie schoolteacher, loves Masha, supports his family, a good, yet boring man";
- 10) Яков, работник / "YAKOV – works on the estate – neighborhood guy, not the brightest"

[\[17\]](#).

Отметим, что «Повар» и «Горничная» в данной интерпретации были вовсе исключены из списка действующих лиц.

В самом тексте пьесы различные реалии также были вольно интерпретированы. Например, фраза Медведченко, обращенная к Маше, содержащая реалию-деньги передается следующим образом: «Я получаю всего 23 рубля в месяц...» [\[7\]](#) / "I get only twenty-twocents an hour..." [\[17\]](#). Вероятно, здесь речь идет не столько об эквивалентности передачи реалии, сколько о передачи смыслового компонента «ничтожная зарплата».

Таким образом, на основе проведенного нами исследования, мы приходим к выводу о том, что переводы пьесы А. П. Чехова «Чайка» на английский язык можно разделить на собственно переводы литературного текста, сохраняющие смысловое содержание (к таковым можно отнести, например, версии Дж. Кальдерона, С. Янга, Дэвидом Хэа), и интерпретационные варианты (самый яркий пример – перевод А. Лякомб), целью которых является адаптация не только языковая, но и культурная, для зрителя, вовсе не знакомого или плохо знакомого с первоначальным источником. Отметим, что излишняя доместикация и попытки приблизить перевод произведения к реалиям другой культуры свойственны не столько англоязычным переводчикам, которые все же пытались передать авторский стиль А. П. Чехова и разъяснить те или иные реалии иностранному читателю, сколько авторам русского происхождения, являющимся носителями русского языка, но ориентирующимся на иную, в той или иной степени чуждую им, культурную традицию.

Библиография

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. М.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Академия, 2004. 352 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Изд-во Института общего среднего образования Российской академии наук, 2001. 224 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 360 с.
4. Прошина З. Г. Теория перевода (на английском языке). М.: Юрайт, 2019. 320 с.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
6. Нелюбин, Л. Л. Хухун Г. Т. История науки о языке. Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью “ФЛИНТА”, 2008. 376 с.
7. Чехов А. П. «Чайка», 1986. Электронный ресурс. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html> (дата обращения: 02.02.2024).
8. Чуковский К. И. Критика. Электронный ресурс. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/v-zashhitu-chexova> (дата обращения: 21.08.2023).
9. Chekhov A. Chekhov: the major plays. A new translation by Ann Dunnigan with a foreword by Robert Brustein. A Signet classic, 1964. 381 p.
10. Chekhov A. Plays by Anton Tchekhoff. Translated from the Russian, with an introduction by Marian Fell. Charles Scribner's sons, 1912. 233 p.
11. Chekhov A. Plays. L.: Penguin books, 2002. 359 p.
12. Chekhov A. The Sea Gull. Translated by Nicholas Saunders and Frank Dwyer. USA: A Smith and Kraus Book, 1994. 95 p.
13. Chekhov A. The Sea Gull. Translated from the Russian of Anton Chekhov by Stark

- Young. Samuel French Inc., 1950. 80 p.
14. Chekhov A. The Sea Gull and other plays. translated by Elisaveta Fen. Penguin Books; Later Edition, 1954. 207 p.
15. Chekhov A. The Seagull by Jean-claude Van Itallie. Dramatists play service Inc., 1974. 57 p.
16. Chekhov A. The Seagull. Translated by Michael Frayn. A Methuen Paperback, 1986. 67 p.
17. Chekhov A. The Seagull. Translated from the Russian by Alexandra LaCombe. Sordelet Ink, 2019. 124 p.
18. Chekhov A. Young Chekhov: Platonov, Ivanov, The Seagull / Transl. by D. Hare. L.: Faber & Faber, 2015. 123 p.
19. De Waard Jan, Nida E. A. From One Language to Another. Nashville: TN, Thomas Nelson, 1986. 224 p.
20. Nida E.A., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill. 1982. VIII. 218 p.
21. Savory Th. The Art of Translation. London: Jonathan Cape, 1968. 191 p.
22. Tchekov A. The plays of Anton Tchekov. Translated by Constance Garnett. Modern Library: New York, 1923. 327 p.
23. Tchekhof A. Two Plays by Tchekhof / transl. by G. Calderon. N.Y.: Mitchell Kennerley, 1909. 155 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемый материал ориентирован на спектральный анализ английских переводов пьесы А.П. Чехова «Чайка». Опыт, который обобщается в формате сопоставлений, хронологически растягивается на сто лет. Это, несомненно, придает работе весомость, научную значимость, практическую пользу. В начале труда автор отмечает, что «пьеса в четырех действиях А. П. Чехова «Чайка» написана в 1986 году и впервые вышла в свет в журнале «Русская мысль». Премьера постановки состоялась 17 октября 1896 года на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге. С 1909 по настоящее время известно более 20 переводов произведения на английский язык». Работу отличает концептуально-взвешенный анализ вопроса, стадиальность в данном случае вполне уместна, так как перевод пьесы А.П. Чехова претерпевал ряд изменений и корректив. Следовательно, выбранный вектор рассмотрения вопроса актуален, достаточно нов, интересен. Не исключает в исследовании, что и хорошо, помимо эмпирики описания, аналитический фактор. Включения указанного порядка ярко дополняют научную нарративу. Например, «Первым полагают перевод произведения 1909 года Джорджа Лесли Кальдерона, английского драматурга, литературоведа, лингвиста, исследователя творчества А. П. Чехова. Текст отличает максимальное приближение к оригиналу, стремление к точной передаче языковых и внеязыковых реалий, что выразилось, в частности, в наличии проставленных знаков ударения в фамилиях главных действующих лиц (например: Arcádina, Tréplef, Sórin, Shamráyef, Trigórín, Yákof). Этот прием не прослеживается более ни в одном из вариантов перевода на английский язык. Данное явление мы можем объяснить тем фактом, что это была первая постановка пьесы в Великобритании, состоявшаяся в Королевском театре (Глазго), соответственно перед

Джорджем Лесли Кальдероном стояла задача ознакомить зрителей и читателей с абсолютно новым произведением и, предполагаем, что переводчик, расставив ударения, решил таким образом облегчить задачу актерам разобраться в произношении русских фамилий», или «В 1923 году вышел перевод Констансы Клары Гарнетт – английской переводчицы, которая за годы своей работы перевела порядка 70 томов русской литературы, таких авторов, как Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др. Данный перевод отличает стремление к адаптации текста для понимания аудитории, не знающей России, достаточно вольное отношение к деталям. Это выражалось, в частности, в использовании варианта транслитерации имен главных героев, принятого в западной традиции, что не соответствует семантике оригинала...», или «В 1950 году был издан перевод американского педагога, драматурга, писателя, литературного критика и переводчика Старк Янга. С. Янг приводит достаточно объемное предисловие к переводу пьесы, в котором разъясняет ряд своих переводческих решений, поясняет передачу лексем, к которым сложно найти эквивалент в английском языке, проводит сопоставление своего перевода с ранее изданными, ряд из которых подвергает критике, в том числе и вариант К. Гарнетт» и т.д. Таким образом, воссоздается выверенный диалог мнений, а это важно и ценно для заинтересованного читателя. Уместно вводятся в текст статьи примеры: «С. Янг считает спорным выбор переводческого решения К. Гарнетт передать лексическую единицу «произведения» на английский язык словом “books” (буквально «книги») в следующей фразе Треплева: «А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но, прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит» [7] / “And I don't respect him. You want me to think him a genius, too; but forgive me, I can't tell lies, his books make me sick”. С. Янг отмечает, что в данном случае была использована лексическая единица “books” в качестве собирательного существительного, служащего обозначением "...productions, compositions, creations, works, but only indirectly books" [Там же] / постановок, сочинений, творений, работ, но только косвенно книг» и т.д. Использование т.н. языковых скреп (нам хотелось бы остановиться, как отмечается, анализируя, отметим и т.д.) поддерживает внутреннюю логику повествования, переход от условной одной части / мысли к другой. Статья имеет цельный вид, она объективна, полновесна, конструктивна. Методология исследования не противоречит современным наработкам. В итоговой части автор приходит к следующему выводу: «на основе проведенного нами исследования, мы приходим к выводу о том, что переводы пьесы А. П. Чехова «Чайка» на английский язык можно разделить на собственно переводы литературного текста, сохраняющие смысловое содержание (к таковым можно отнести, например, версии Дж. Кальдерона, С. Янга, Дэвидом Хэз), и интерпретационные варианты (самый яркий пример – перевод А. Лякомб), целью которых является адаптация не только языковая, но и культурная, для зрителя, вовсе не знакомого или плохо знакомого с первоначальным источником...». Список библиографических источников объемен, основные номинации введены в текст в формате цитаций, отсылок. Данный материал уместно использовать в рамках освоения дисциплин по теории и практике перевода. Рекомендую рецензируемую статью «Чайка» А. П. Чехова в английских переводах (1909–2019 гг.): опыт сопоставления» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Каменева Н.А. Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69888 EDN: VYIMJE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69888

Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык

Каменева Наталия Александровна

ORCID: 0000-0002-4768-6383

кандидат экономических наук

доцент кафедры «Иностранные языки и речевая коммуникация», АНО ВО «Московский международный университет»; доцент кафедры «Философия, история и межкультурные коммуникации», Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ)

125040, Россия, г. Москва, пр. Ленинградский, 17

✉ n-kameneva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69888

EDN:

VYIMJE

Дата направления статьи в редакцию:

17-02-2024

Аннотация: Для полноты и точности передачи смысла большинство новых понятий, как в русском, так и в английском языках, выражается с помощью словосочетаний или сложных слов. Но многокомпонентные термины, заключающие в себе смысл понятий, часто бывают достаточно громоздки, вследствие чего возникает необходимость их сокращения тем или иным способом и появления аббревиатур. Аббревиатура, прежде всего, связана с основной – коммуникативной – функцией языка и обеспечивает потребности общения за счет концентрирования информации в коммуникативных целях, тем самым, повышения информационной ценности элементов языкового материала. Объектом исследования является явление аббревиации англоязычной терминологии в деловом и научном дискурсе. Предметом работы является анализ структурно-семантических особенностей аббревиальной лексики, способов образования

англоязычных аббревиатур и их перевода на русский язык. В статье использованы: сравнительный метод исследования для сопоставления терминов и их аббревиатур и выявления структурных и семантических преобразований; метод анализа семантической структуры аббревиатур для установления их общих и отличительных свойств; метод контекстуального анализа для определения степени языковой экономии за счет использования аббревиатур и выявления различия между семантически близкими сокращениями. Новизна исследования заключается в выделении, анализе и обобщении способов образования и перевода англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях. Сделаны следующие выводы: Неточный перевод аббревиатур может изменить или исказить предполагаемый смысл. Для передачи иноязычных сокращений на русский язык могут использоваться такие методы, поиск переводческого эквивалента, полное заимствование сокращения, транслитерация, транскрипция, перевод расшифровки сокращения, перевод расшифровки сокращения и создание аббревиатуры на переведяшем языке, транскрипция побуквенного произношения сокращения. Среди основных сложностей перевода аббревиатур названы трудности в идентификации сокращений и проблемы их соотнесения с полной лексической единицей, а также явление омонимии терминологических единиц. Немаловажно учитывать нормализацию переведённого текста и его соответствие литературным и лингвистическим нормам и культурным традициям языка перевода.

Ключевые слова:

аббревиация, многокомпонентные термины, акроним, словослияние, усечение слов, алфавитизмы, омонимия, дискурс, семантическое соответствие, контекст

Введение

За последние десятилетия в современных языках проявилась тенденция к стремлению передачи максимально возможной фактической смысловой информации за минимальное количество времени. Данный фактор объясняет по-настоящему взрывной рост использования различный аббревиатур в устной и письменной речи. Растущее число аббревиатур, которые находят применение в современных языках, вполне естественно.

Сокращения являются важным компонентом многих научных, публицистических статей и коммерческой документации, и если их эффективно использовать, они не только сокращают пространство, но и существенно облегчают чтение и понимание текста. Переводчики часто сталкиваются со сложными предложениями, изобилующими терминами, для которых у нас уже есть устоявшиеся сокращенные формы. В данной статье рассматриваются характерные особенности аббревиатур и акронимов в публицистических и научных текстах и бизнес-документах. Статья не может охватить все возможные существующие варианты сокращений, доступные для рассмотрения, но содержит практические примеры, с которыми часто сталкиваются лингвисты и переводчики.

Образование англоязычных аббревиатур

Язык публицистики, коммерции и науки содержит множество сокращений и акронимов. Если аббревиатурой называют сокращенную разными способами форму написания слов или словосочетаний, (напр., NYC – «New York City»), то под акронимом понимают терминологическую единицу, составленную из первых букв слов, но которая произносится как одно неделимое целое и отдельно взятое слово (напр., Benelux,

UNESCO, CAPTCHA – «проверочный код Completely Automated Public Turing test to tell Computers and Humans Apart», WMD («a weapon of mass destruction») [\[1; 5\]](#).

Сокращение терминов и создание аббревиатур стало достаточно распространенным способом словообразования в современным языкоzнании [\[3, с.107\]](#). Способы словообразования посредством аббревиатур и различных сокращений представлены в Таблицу.

Таблица. Образование современных аббревиатур [\[1; 4\]](#)

Название	Описание способа образования	Примеры
Initialisms or alphabetisms («инициализмы или алфавитизмы»)	Термины из начальных букв каждой словарной единицы, произносящиеся отдельно в соответствии с алфавитом данного языка.	BRICS, ANSI («Институт национальных стандартов, США»); NFL («National Football League»); FRS («Federal reserve System»).
Abbreviations-internationalisms («Аббревиатуры-интернационализмы»)	Выражают понятия, известные исконным народам-носителям языка нескольких стран.	UNO («United Nations Organization»); UEFA («United European Football Association»).
Clipping, shortening («усечение»)	Сокращение слова, как правило, до одного слога.	Photo; exam; lab; tab; urb. («urban»); usurp. («usurpandus» – используемый).
Blending («словосмешение, «словослияние»)	Обычно сочетанием части слова – началом одного слова и окончанием другого.	Smog; brunch; edutainment («education plus entertainment»); transistor; internet; yuppie («young urban professional»); dancercise («dancing plus exercise»); Cubonics («mix of Cuban Spanish and English»).
Contractions («стяжения»)	Два или даже три слова, объединенные в одно, укороченное слово, при этом некоторые буквы выбрасываются. На письме вместо отсутствующих букв ставится апостроф. Также сокращение гласных с слове.	Don't, doesn't; Where's; wkend («weekend»); tmrw («tomorrow»); bdgt («budget»).
Hybridization («гибридизация»)	Образование производных или сложных слов,	Blockbuster; Eurobonds; mankind; broadcast; USB

	состоящее из производных элементов разного этимологического происхождения.	host; USB device; hi-tech market; Internet provider; household; web page; spam mailing («спам-рассылка»).
--	--	---

Помимо этого, данная классификация также может быть дополнена аббревиатурами, образованными сочетанием начальной буквы слова с другим словом: A-bomb («атомная бомба»), A-life («искусственная жизнь»), e-discourse («сетевой дискурс»), e-commerce и т.д. [1, с.52] В аббревиатурах с амперсандом (&) отсутствуют пробелы, новые термины читаются слитно: R&D («Research&Development»), S&P («Рейтинговое агентство Standard & Poor's»). Часто встречающиеся в публикациях латинизмы печатаются сокращенном виде с точками (напр., err., h. e., i.e. и пр.) [5]. Бессспорно, в одной статье невозможно отразить все многообразие современных аббревиатур.

Некоторые издатели не требуют расшифровки аббревиатур и акронимов, которые зарегистрированы в официальных толковых словарях и справочниках. Тем не менее, в большинстве специализированных и научных журналах предусмотрен собственный стиль оформления, согласно которому использование менее привычных сокращений должно быть ограничено теми терминами, которые встречаются достаточно часто, чтобы оправдать сокращение – примерно пять или более раз в статье или главе – и термины должны быть указаны по буквам при их первом появлении.

Аббревиатуры различной структуры и происхождения проникают во все слои лексикона современных европейских языков. Они накапливают информацию в языковом знаке для ее более быстрой передачи и усвоения. Кроме того, общепринятые сокращения повышают эффективность коммуникации, отражают тенденцию к более рациональному и удобному использованию разговорных языков, дополняют их и обогащают.

В публицистических и научных текстах, в соответствии с традицией журнала, используемые сокращения помогают создать желаемый контекст. После первого упоминания термина в полной форме аббревиатуры выполняют функцию ключевых понятий, которые в дальнейшем используется в публикациях. Помимо этого, они выступают в качестве графических визуализаторов новых терминов и привлекают внимание читающей аудитории к соответствующим разделам текста, а также служат маркерами информационного пространства текста и организуют архитектонику текста соответствующим образом.

В то же время нужно отметить, только что недавно появившаяся в литературе аббревиатура должна соответствовать структуре определенного языка и в целом подчиняться правилам перевода лексики данного языка, в процессе перевода устанавливаются семантические соответствия между корреляционными единицами исходного языка и языка перевода. С помощью аббревиатуры передается основное значение термина без дополнительных коннотаций.

Множественное число аббревиатур, состоящих из заглавных букв, образуется добавлением окончания «s» («URLs», «PhDs», «vols»). Сокращения, образованные из строчных букв, или аббревиатуры с точками, образуют формы множественного числа с помощью апострофа и окончания «s» (напр., «do's» и «don'ts»). Существует ряд исключений таких как: р. («страница») – pp. («страницы»), п. («примечание») – pp. («примечания»), MS («рукопись») – MSS («рукописи»). Некоторые аббревиатуры образуют множественное число путем удвоения последней буквы.

Перевод аббревиатур

При осуществлении перевода важно, чтобы аббревиатуры могли выполнять различные синтаксические функции в соответствии с правилами грамматики английского языка, т.е. иметь формы множественного числа, показывать притяжательный падеж и прошедшее время, а также использовать аффиксы и артикли. Все это часто затрудняет понимание сокращений в текстах и перевод.

Перевод различных аббревиатур – это чрезвычайно сложный процесс, направленный на достижение хрупкого баланса между эквивалентностью исходного текста и используемыми стратегиями перевода. Как правило, переводчики испытывают сопоставимые, т.е. почти одинаковы трудности при переводе аббревиатур со своего родного языка на иностранный и с иностранного языка на свой родной.

Использование аббревиатур в деловом, публицистическом и научном дискурсе, особенно в периодических изданиях и коммерческой документации, связано с наличием общей терминологической базы. На этапе восприятия аутентичной с трудностями в идентификации сокращения и проблемами его соотнесения с полной терминологической единицей. Многозначность аббревиатур создает дополнительные трудности в распознавании их смыслового содержания и приводит к появлению омонимии терминологических единиц [2, с. 96]. К примеру, сокращение «ВС» может означать: «Bankruptcy Court», «birth certificate», «before Christ» and «British Council» [1, с. 18].

В процессе перевода и адаптации аббревиатур решение перцептивных и когнитивных задач при понимании заданного иноязычного текста трансформируется в переводческую. На этапе перекодирования вариативность переводческих соответствий вступает в противоречие с требованием единого значения термина и однозначной эквивалентности его перевода на заданный язык. Переводчик должен не только перевести оригинальное сообщение с учетом межъязыкового соответствия аббревиатуры, но и следовать нормам языка перевода и издательской практике конкретного издания. Очевидная ошибка перевода может рассматриваться как нарушение осуществления соответствующей коммуникации.

Основополагающим принципом перевода аббревиатур является необходимость достижения баланса эквивалентности аббревиатур на языке оригинала и на переводимом языке. Этот принцип может быть реализован с использованием нескольких методов перевода. Среди известных методов перевода аббревиатур называют, прежде всего, замену сокращения исходного языка эквивалентным сокращением языка перевода, полное заимствование сокращенного термина или понятия, его транслитерацию, транскрипцию, перевод расшифровки сокращения, перевод расшифровки аббревиатуры и создание аббревиатуры на переведящем языке, транскрипция побуквенного произношения сокращения.

В отдельных случаях отсутствия соответствующих сокращений в словарях языка перевода возможен и описательный перевод аббревиатуры, при котором интерпретируется корень аббревиатуры с учетом ее микроконтекста. Новое производное сокращение должно быть одобрено специалистами данной области знаний.

Заключение

В результате исследования сделаны следующие выводы:

·Перевод аббревиатур – это сложный процесс, включающий когнитивные,

лингвистические и культурологические аспекты. Высокие требования к качеству перевода и растущий объем межкультурной и деловой коммуникации требуют, чтобы переводчик не только хорошо знал предмет, но и был хорошо осведомлен об иноязычных переводческих, лексикографических и лингво-культурных нормах и традициях и был готов к постоянному увеличению переводческих соответствий аббревиатур и освоению новых для оптимизации межкультурного диалога.

- Немаловажно помнить о нормализации переведенного текста, т.е. о его соответствии литературным и лингвистическим нормам и культурным традициям языка перевода.
- Использование сокращений и акронимов на национальных языках часто оправдано, поскольку сокращения могут сэкономить время, но их неадекватный перевод или использование может стать причиной ошибки в переводе
- Аббревиатуры вторгаются в повседневную речь определенных социальных групп и регистрируются в различных специализированных словарях, в том числе в электронных источниках. Это дает возможность не только изучать, но и анализировать сам процесс образования сокращенных слов носителями языка.

Библиография

1. Англо-русский словарь современных сокращений. Под ред. В.А. Луцкевича и др. – М.: Рус.яз., 2002. – 176 с.
2. Егорова М.А. *Омонимичные аббревиатуры в английском языке*. Казанская наука. 2022. № 10. С. 95-97.
3. Демьянова Ж.В. Изучение аббревиатуры на занятиях по английскому языку в вузе. Глобальный научный потенциал. 2021. № 7 (124). С. 107-110.
4. Cambridge Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения 17.02.2024)
5. Oxford English Dictionary <https://www.oed.com/search/dictionary/> (Дата обращения 17.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей перевода на русский язык аббревиатур как характеристики текстов нашего времени, частотность употребления которых увеличивается в современных языках, ввиду динаминости современной жизни и ускоряющегося потока информации.

Сокращения являются важным компонентом многих научных, публицистических статей и коммерческой документации, и, если их эффективно использовать, они не только сокращают пространство, но и существенно облегчают чтение и понимание текста. В данной статье рассматриваются характерные особенности аббревиатур и акронимов в публицистических и научных текстах и бизнес-документах, что важно при подготовке будущих специалистов языку профессиональной коммуникации.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоизнании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология

исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на английском и русском языках. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает всего 5 источников, среди которых 3 словаря. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, переводоведении. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дондик Л.Ю. Оценка качества поэтического перевода (на материале переводов британской поэзии на русский язык) // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69934 EDN: VUITDC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69934

Оценка качества поэтического перевода (на материале переводов британской поэзии на русский язык)

Дондик Людмила Юрьевна

ORCID: 0000-0001-5955-5017

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет

622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ dondik2006@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69934

EDN:

VUITDC

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье являются особенности оценки качества перевода поэтических текстов. Объектом исследования является перевод поэтического текста как сложный многоаспектный процесс. В данной работе нас будут интересовать критерии оценки качества перевода поэтического произведения, так как комплексная оценка качества поэтического перевода остается нерешенной проблемой, а потребность в проведении подобной процедуры сохраняется. Под критериями оценки поэтического перевода подразумеваются такие признаки качественного поэтического перевода, на основе которых может производиться стандартизированная оценка любого поэтического перевода, например, в условиях конкурса переводов. Для разработки критериев оценки автором подробно рассматриваются трудности перевода поэзии. Анализируются результаты сравнительного анализа оригинальных и переводных поэтических текстов на основе выделенных критериев. В работе применяются методы направленной выборки, сопоставительный лингвистический (фонетический, семантический, синтаксический)

анализ параллельных текстов, лингвопрагматический анализ с использованием элементов культурологического и стилистического анализа, а также количественные методы обработки данных. Научная новизна исследования заключается в том, что предложена методика анализа стихотворения с опорой на оценку качества поэтического перевода. Уточняется понятие качества поэтического перевода, сформулированы критерии комплексной оценки качества поэтического перевода. Проведен сопоставительный анализ параллельных оригинальных и переводных текстов – произведений британской поэзии и их переводов на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками. Качество поэтического перевода может быть объектом комплексной оценки, которая проводится с использованием ряда критериев: сохранение оригинального авторского замысла, композиции и рифмы поэтического произведения, подбор переводчиком соответствующих эквивалентов, отсутствие значительных перестановок, опущений и искажений, а также соблюдение норм языка перевода. Критерии комплексной оценки качества поэтического перевода могут быть рекомендованы организаторам конкурсов переводов для оценивания работ участников конкурсов, так как позволяют снизить действие субъективных факторов при анализе качества и дают возможность ранжировать варианты перевода, выявить наиболее качественные из них.

Ключевые слова:

поэтический перевод, качество перевода, адекватный перевод, эквивалентность, комплексная оценка качества, критерии оценки, прагматический аспект перевода, стандартизация процедуры оценки, инвариант, интерпретация

В современном обществе существует потребность в качественных переводах, способных раскрыть оригинальный текст как можно более полно и в плане содержания, и в плане выражения. Однако вопросы стандартизации измерения качества перевода, обеспечения прозрачности, объективности его оценки до сих пор остаются нерешенными. Несмотря на то, что многие ученые рассматривают эту проблему, нет единой концепции оценивания качества переводных материалов.

Для разработки системы критериев оценки качества поэтического перевода, необходимо определить основные особенности поэтического текста как объекта переводческой деятельности, а также уточнить понятие о качестве перевода.

Главная функция поэзии как разновидности художественной речи построенной на особой форме организации текста, предполагающей важную роль ритма и рифмы, состоит в передаче субъективного отношения личности к миру, в выражении эмоций и чувств автора в стихотворной форме [1]. Поэзия является эмоционально наполненным жанром литературы, это публичное самовыражение поэта, его переживаний посредством стилистических приёмов. Литераторы нередко используют свой собственный образ в качестве главного лирического героя стихотворного произведения, а изложение ведется от первого лица.

К жанрообразующим чертам поэтического текста относят небольшой объём, композиционную упорядоченность, ритм и рифму, лирический сюжет, смысловую законченность, повышенную эмоциональность, наличие чёткой авторской позиции (авторской модальности), авторской оценки [2],[3]. В использовании устойчивых формально-смысловых индивидуально-авторских кодов реализуется такая особенность

поэтического произведения, как герметичность. Метафоры, эпитеты, аллегории, гиперболы и другие фигуры речи позволяют автору сделать его послание читателю не прямолинейным, а «зашифрованным», аллюзивным, что, с одной стороны, затрудняет первичное восприятие формы и содержания текста, но, с другой стороны, определяет возможность множественной интерпретации стихотворного произведения.

В отечественной лингвистике проблема качества перевода соотносится с понятием адекватного перевода. Адекватный перевод – это больше реальность, чем миф, в отличие от перевода эквивалентного, ориентированного на инвариантность, полное денотативное сохранение плана содержания [4]. Адекватный перевод предполагает не только сохранение исходной синтаксической и структурно-семантической составляющих, но равнозначность воздействия на читателей оригинального и переводного текстов, то есть передачу содержания исходного текста равнозначными средствами другого языка. Такой перевод лишён существенных искажений, он понятен читателю и обеспечивает полноту межъязыковой коммуникации [5],[6].

Ю. Найда различает динамическую и формальную эквивалентность. Последняя ориентирована на оригинал и достигается путем сохранения в переводе аналогичных частей речи и конструкций, отсутствием перестановок, разбивкой на абзацы и сохранением первоначальной пунктуации. Для данного типа эквивалентности характерно калькирование идиом, любые отклонения от оригинала обязательно объясняются в сносках. Формальная эквивалентность достигается с помощью форенизации – стратегии перевода, ориентированной на сохранение и бережное воспроизведение особенностей оригинала, всей полноты содержащейся в нем информации. Динамическая эквивалентность ориентирована на читателя («реакцию рецептора»), её приоритетом выступает оказание воздействия того же уровня, что и прагматические возможности оригинального текста. Динамической эквивалентности соответствует такая стратегия перевода как доместикация. Главная функция доместикации перевода состоит в полноценной коммуникативной замене оригинала. Использование переводчиком этой стратегии подразумевает максимальную адаптацию к нормам принимающей культуры, стремление сделать переводной текст легким и удобным для восприятия адресатом, устранение любых языковых или содержательных особенностей оригинала, затрудняющих понимание иностранного текста [7].

Таким образом, качество перевода – комплексное понятие, характеристика результата переводческой деятельности, которая определяется высокой степенью соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от нормы.

До сих пор нерешенным остается вопрос о возможности измерения качества переводных вариантов, о ведущих критериях при сравнении текста оригинала и его переводов. Однако проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод о необходимости учета следующих критериев измерения и оценки качества перевода. Качественный перевод должен быть точным, обеспечивающим передачу содержания оригинала в деталях, и не нарушающим нормы языка перевода; с функциональной (прагматической) точки зрения перевод должен соответствовать цели коммуникации, установленной автором оригинального текста. При разработке модели измерения качества поэтического перевода важно учитывать не только те аспекты, которые будут оцениваться, но и то, каким образом возможна оценка степени эквивалентности и адекватности как основного требования к качеству переводных материалов [8]. Поскольку стихи относятся к художественным текстам, то их качественный перевод может не быть эквивалентным на уровне отдельных сегментов текста, но должен быть адекватным на уровне эстетического

воздействия на читателя [9].

Перевод – это деятельность, требующая огромного артистизма и творческой направленности, так как для достижения максимальной эквивалентности перевода, для изучения активного словарного запаса, который использует литератор, для определения его отношения к явлениям и событиям лингвист должен быть знаком не только с эпохой, в которую проживал автор текста, но и с его многими другими работами. Чтобы наиболее чётко отразить эмоции и чувства автора, переводчику следует вжиться в его роль: овладеть манерой и речью литератора, подхватить интонацию и ритм стихотворения, сохранив при этом и поэтическую индивидуальность своего родного языка [10]; специалист постоянно находится в ситуации выбора между точностью и красотой перевода. С одной стороны произведение должно быть лирическим и эстетическим, с другой – максимально приближенным к реалиям литератора [11].

Одно из ключевых требований к переводчику заключается в том, что текст перевода должен быть сопоставим с оригиналом по своему объёму, обеспечивая сходство стилистического эффекта с точки зрения его лаконичности или развёрнутости. Лингвистические трудности поэтического перевода можно разделить на три группы: фонетические, лексические и синтаксические. Фонетический аспект перевода поэзии осложняется необходимостью учета переводчиком ритмических особенностей произведения, которые тесно связаны с содержанием поэтического текста и определяют его воздействие на читателя. Интонация стихотворений схожа с интонацией музыкальной, поэтому выступает в роли важного художественного приёма. Определённое расположение и выбор звуков, фоностилистика поэтического текста также имеют большее значение, чем в прозе, и не могут нивелироваться при переводе.

Что касается лексического уровня, то в лирическом произведении нет лишних слов, каждая вербальная единица имеет свой глубокий смысл. В поэтическом тексте, представляющем определенную историческую эпоху, слово также становится своего рода вещественным доказательством, представляющим язык своего времени [12]. При этом архаизмы, диалектизмы, историзмы создают дополнительные трудности в работе переводчика. Важным компонентом считается передача национальной самобытности, культурных черт, присущих родине писателя переводимого произведения, передача экзотизмов, или лексем, обозначающих реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности. Это сложнейшая задача, ведь многие культурные явления и традиции являются уникальными и не имеют аналогов в других культурах, поэтому переводчики прибегают к заменам, далёким от оригинала, и, следовательно, нарушают концепцию авторского текста [13].

Синтаксис лирических произведений отличается от разговорного синтаксиса и от синтаксиса прозаического художественного текста. Авторы используют инверсию, эллипсис, повторы, синтаксический параллелизм и другие приемы усиления динамики восприятия стихотворения [14]. Как следствие, в тексте перевода не только допустимы, а часто даже неизбежны многочисленные перегруппировки и перестановки синтагм, что нарушает структуру оригинальных конструкций.

Поэтический текст обладает культурологическим компонентом, сложным для адаптации. В оригинальный текст включаются другие тексты с иным субъектом речи, либо их фрагменты в виде цитат, реминисценций и аллюзий [15]. При наличии в оригинал интертекста переводчик должен провести дополнительную работу по выявлению прототекста, определению его функции и принять решение о возможности или

невозможности сохранения этого элемента. Он должен определить инвариант, то есть те элементы художественного содержания, которые обязательны для передачи, и которыми нельзя пожертвовать [16].

Итак, для выполнения поэтического перевода требуется учет целого комплекса очевидных и скрытых особенностей, этнически-специфических и общих смыслов стихотворного произведения. Ошибки, затрудняющие понимание текста, дезинформирующие читателя и искажающие мысли автора, изложенные в оригинале, снижают качество перевода [17]. Качественный перевод ориентирован на оказание адекватного воздействия на читателя, он не должен противоречить оригиналу, иметь с ним значительные расхождения в плане содержания и плане выражения. Следовательно, оценочные характеристики поэтического перевода должны отражать то, насколько успешно переводчику удалось преодолеть трудности, создающие препятствия для осуществления перевода.

Стихотворные произведения выступают более сложным материалом для перевода по сравнению с прозаическими, так как единицей перевода выступает целый текст, а не словосочетания и предложения [18]. Для стандартизации процедуры оценки качества поэтического перевода представляется необходимым составление перечня критериев оценки – таких средств оценивания переводных текстов, которые бы отражали все основные требования, предъявляемые к качественному поэтическому переводу. В результате проведенного теоретического обзора нами была предпринята попытка выделения таких критериев.

Если понимать под комплексной оценкой качества поэтического перевода всестороннюю оценку качества переводных текстов, в основе которой – определение степени адекватности и эквивалентности поэтического перевода, то для осуществления этой процедуры необходим учет следующих критериев: 1) сохранение стихотворной формы в переведном тексте, использование рифмы и ритма, схожего с оригинальным; 2) следование авторской позиции в отношении к изображаемым в стихотворении лицам, предметам, явлениям и событиям; 3) передача эмоционального компонента оригинального поэтического текста, его настроения и атмосферы; 4) использование лексического материала, соответствующего временной эпохе автора и передающего национальную самобытность оригинального поэтического текста; 5) подбор точных эквивалентов, корректная компенсация безэквивалентной лексики, а также передача использованных автором средств выразительности; 6) отсутствие злоупотребления переводческими трансформациями (перестановки синтагм, излишние добавления и опущения); 7) отсутствие искажения основной идеи, заложенной автором, соответствие pragматического аспекта переведного текста воздействующему потенциальному исходному тексту; 8) соблюдение норм языка перевода.

В ходе оценки качества поэтического перевода для каждой из названных характеристик переведного текста может использоваться рейтинговая шкала, то есть степень выраженности того или иного критерия будет определяться, например, в интервале от 0 до 1 балла с промежуточным результатом в 0,5 балла. Чем больше соблюдается описанных позиций, тем более качественным может быть признан переводной материал.

С целью апробации заявленных критериев оценки качества поэтического перевода был проведен анализ выборки, в которую вошли оригинальные тексты британской поэзии, а также варианты их перевода на русский язык. Всего материалом исследования послужили 19 переводов текстов британской поэзии.

Результаты комплексной оценки качества переволов, выполненных профессиональными переводчиками, представлены в Таблице 1. Каждое соответствие критерию обозначено знаком «+» (1 балл), частичное соответствие знаком «±» (0,5 балла) и полное несоответствие знаком «-» (0 баллов).

Таблица 1

Результаты оценки качества профессиональных поэтических переводов британской поэзии

Автор перевода	1	2	3	4	5	6	7	8	Общее кол-во баллов
С. Я. Маршак «Пастух»	+	+	+	+	±	±	+	+	7
И. Г. Гусманов «Пастух»	+	+	+	+	+	+	+	+	8
Н. В. Гербель «Мы урожая ждем от лучших лоз»	+	+	+	+	+	+	+	+	8
А. М. Финкель «От всех творений мы потомства ждем»	+	±	+	+	±	+	+	+	7
М. И. Чайковский «Мы красоте желаем размноженья»	+	+	+	+	+	±	+	+	7,5
Е. Д. Фельдман «Жил да был Старичок в Амстердаме»	+	+	+	+	±	±	±	+	6,5
В. Л. Топоров «Тигр»	+	±	±	+	±	±	+	+	5
К. Д. Бальмонт «Тигр»	+	+	+	+	±	±	+	+	7
А. Кудрявицкий «Тигр»	+	±	±	+	±	±	±	+	5,5
М. Зенкевич «Псалом жизни»	+	+	+	+	+	±	+	+	7,5
И. Бунин «Псалом жизни»	+	±	+	+	±	±	±	+	6
А. П. Барыкова «Псалом жизни»	+	+	+	+	±	±	±	+	6,5
К. М. Симонов «Гиены»	+	+	+	±	±	+	+	+	7
С. Александровский «Гиены»	+	+	±	±	+	±	±	+	6
Е. Д. Фельдман «Гиены»	+	+	±	+	±	±	±	+	6
В. В. Левик «Башня голода»	±	+	+	+	±	+	+	+	7
К. Д. Бальмонт	+	+	+	+	±	+	+	+	7,5

«Башня голода»									
А. Г. Рытов «Солдат»	+	+	+	+	+	±	+	+	7,5
Е. Лукин «Солдат»	±	+	+	+	+	±	+	+	7

Объектом анализа стало лирическое стихотворение Ульяма Блейка «The Shepherd» и его переводы на русский язык, выполненные С. Я. Маршаком и И. Г. Гусмановым. Следует отметить, что уже в первой строке перевода С. Я. Маршака заметны расхождения с оригиналом: переводчик отходит от первоначальной подачи стихотворения, переключаясь на первое лицо вместо третьего. Всё больше несоответствий мы замечаем во второй строке переводного текста, хотя лексема «morn» в переводе адекватно ассоциируется с восходом солнца. И. Г. Гусманов старается сохранить все важные компоненты плана содержания, но при этом меняет местами вторую и третью строки. При сравнении двух вариантов перевода с точки зрения их семантической близости оригинал перевод Маршака представляется более точным. Однако этот вариант перевода содержит более значительные лексико-грамматические трансформации: например, несоответствия на уровне глагольных форм, опущение значительного количества лексем, добавление новых слов. В последних двух строчках оба переводчика мастерски справляются с передачей основной мысли автора, в которой заключается скрытое сравнение овечьего стада с людьми, а пастуха с богом, будильно следящим за человечеством. С точки зрения формы, композиции перевод С. Я. Маршака представляется более свободным, авторским. И. Г. Гусманову удалось более точно передать форму: он не прибегает к излишним добавлениям и не допускает опущение важных лексических единиц.

Сопоставительный анализ текста У. Шекспира «From fairest creatures we desire increase» в сопоставлении с его переводами на русский язык, выполненными Н. В. Гербелем, А. М. Финкелем и М. И. Чайковским, позволяет заметить, что наиболее удачным вариантом перевода должен быть признан переводной материал Н. В. Гербеля. Переводчик опускает аналогию между розой и красотой, но наделяет само понятие красоты чертами данного цветка. Структура сонета нарушается, текст разделен на четверостишия, но сохраняется традиционное количество строк – 14. Лексему «heir» переводчик ассоциирует с «ростком», вновь подчёркивая сравнение розы и красоты, представленное У. Шекспиром. Н. В. Гербель мастерски осуществляет подбор эквивалентов и контекстуальных синонимов: «ornament» – «украшение»; «grave» – «земля», но перевод лексемы «gaudy» – «пленительный» является, на наш взгляд, не совсем точным, поскольку автор произведения указывал на другие признаки весны – ее красочность, яркость.

А. М. Финкель сохраняет метафору о розе, которая выступает главным символом совершенства и красоты, и сохраняет первоначальную форму сонета, передаёт рифму. Не совсем точные эквиваленты используются для передачи метафор «glutton» (грабитель) и «abundance» (тук). В строке «Теперь еще и свеж ты и красив...» авторскую мысль упрощается. Как и предыдущий переводчик, он опускает лексему «bud», продолжающую мысль У. Шекспира о связи красоты и цветка.

В переводе М. И. Чайковского сохранена первоначальная форма сонета. Шекспировская роза вновь приобрела новую интерпретацию в слове «цвет». Специалист также мастерски подбирает контекстуальные синонимы («abundance» – «урожай»). Поэтический стиль М. И. Чайковского украшает и дополняет оригинал, он превосходно справляется с такой важной задачей, как передача авторского посыла. Словарный запас переводчика соответствует эпохе У. Шекспира. Таким образом, если Н. В. Гербель делает выбор в пользу содержания, в пользу стиля автора (он не допускает лишних замен и опущений,

трепетно относится к каждой лексической единице оригинала), то вариант перевода М. И. Чайковского носит более литературный характер, он полон изящных эпитетов, отсутствующих в оригинале.

Ярким и кратким примером доместикации служит перевод Е. Д. Фельдмана на стихотворение Э. Лира «*There was an Old Person of Cadiz*», которое известно своим юмористическим характером и краткостью. Но небольшие по объему поэтические тексты не менее сложны для перевода. Переводчик прибегает к замене названия главного места действия (Кадис) на более известный русской публике топоним Амстердам, что позволяет сохранить рифму. Переводчик исключает из повествования такого персонажа, как дочь человека из Кадиса, но сохраняет развязку.

Выполнено множество поэтических переводов стихотворения «*Tiger*» У. Блейка. Привлекает внимание перевод, подготовленный литературным критиком В. Л. Топоровым и имеющий значительные расхождения с оригинальным текстом: метафора «*burning bright*», означающая «блеск яркой шерсти», переведена как «кровавый», «night» – как «долы». Переводчик опускает метафору «*fearful symmetry*», которая указывает на полосатую шкуру тигра. Однако, интересным решением переводчика следует признать подбор аналога к сравнению «*distant deeps or skies*» – «в преисподней иль в эдеме», что соответствует оригинальной авторской задумке, ведь на протяжении всего произведения У. Блейк рассуждает о творце мира, создавшем тигра. Переводчик опускает слова «*chain*» и «*furnace*», но ему удаётся сохранить аллегорический образ кузницы, выбранный Блейком в качестве мастерской бога. Далее переводчик опускает изящные авторские эпитеты в строфе «*When the stars threw down their spears*», но достойно завершает стихотворение главным риторическим вопросом, который задаёт читателя автор оригинала. Подобно автору оригинала, поэт-переводчик пытается поставить под сомнение способность Творца, он бросает вызов своему создателю. Что касается формы, то переводчик удачно справился с рифмовкой двустиший, сохранил ритмическую синхронизацию и регулярный метр, схожий со стуком молота в кузнице. Но претерпело изменения настроение самого стихотворения. Автор очарован тигром, с упоением описывает его, но с каждой мыслью приближается к вопросу о творце. В переводе из-за потери многих стилистических приёмов этот плавный переход стирается.

Несмотря на ряд удачных решений В. Л. Топорова, более качественным представляется перевод К. Д. Бальмонта, который сделал упор на содержание и сумел передать выразительные средства, необходимые для адекватного понимания стихотворения русским читателем. Так, К. Д. Бальмонт сохраняет аллюзию на яркую окраску тигра, но, как и В. Л. Топоров, опускает такую характеристику, как симметричность в образе хищника, – в окраске и двойственной натуре прекрасного, но жестокого животного. Переводчик оставляет неизменной авторскую аллюзию на эдем, но использует замену на «зыбы», опуская сравнение ада и рая как вечное противостояние добра и зла. Крылья как символ ада и рая К. Д. Бальмонт искусно вводит глаголом «парить» в сочетании с выражением «дьявольский огонь». В отличие от предыдущего перевода здесь присутствуют номинации инструментов кузнеца: цепь и молот, которыми бог творит всё живое на земле. В данном переводе также присутствует рифмовка двустиший как в оригинале. Следует отметить использование К. Д. Бальмонтом такого приема, как разбивка оригинального пятого четверостишия на два, за счет чего он сумел передать главную мысль и сохранить важные лексические элементы. Однако филолог опустил шестое четверостишие, которое создавало контраст с помощью глагола «*dare*», противопоставленного «*could*».

В варианте А. Кудрявицкого представлен наиболее удачный перевод метафоры «burning bright», подчёркивающей величественность образа тигра. Следует отметить грамотно выстроенные рифмы и размер ритма стихотворения. Но литератор, как и его коллеги, опускает метафору «fearful symmetry». Недостатком данного перевода также выступает расхождение четверостиший и несостыковка лексических соответствий в переводном и оригинальном текстах. Прослеживается опущение отдельных стилистических приёмов и, как следствие, упрощение семантического и прагматического аспектов стихотворения. Переводчик дублирует четвёртую строку первого и шестого четверостиший без учёта авторской задумки с глаголами «could» и «dare». А. Кудрявицкий ставит божественный посыл стихотворения на второй план, что не позволяет ему более точно передать основную мысль автора.

Варианты перевода стихотворения Г. У. Лонгфелло «A Psalm of Life» также стали объектом нашей оценки. Перевод М. Зенкевича весьма близок к оригиналу, писатель адекватно транслирует авторские рассуждения о смысле жизни, используя прямую речь для повышения экспрессивности спора между главными героями. В первом четверостишии переводчик вводит собственную метафору, относящую к жизни – «призрак золотой», подчёркивая мимолётность и призрачность жизни, но обращает внимание на её ценность через образ драгоценного металла. И. Бунин с абсолютной точностью передаёт главную строчку, которая задаёт настроение всего произведения – «Life is but an empty dream!», использует контекстуальные синонимы «grave» – «холм земли», «act» – «труд». М. Зенкевич опускает эпитеты «stout and brave», но превосходно справляется с передачей формы оригинала. На наш взгляд, его перевод является более точным и высококачественным, так как удовлетворяет большинству критериев комплексной оценки качества поэтических переводных текстов. В то же время, он не теряет свою поэтичность, сохраняет прагматические функции художественного текста.

В переводе И. Бунина отсутствует сравнение с числами, которое метафорически указывает на линейность и простоту человеческого существования. Переводчик заменяет «numbers» на «строфы», тем самым опуская стилистическую фигуру. Лексическая единица «earnest» заменена на «подвиг». И. Бунин также заменяет «art» на «путь», а в четвёртом четверостишии опускает сравнение жизни с биением сердца, которое подобно звуку барабана. Как и в переводе М. Зенкевича, использованы синонимические замены, адекватно передающие общее понимание автором смысла жизни. М. Зенкевич по-своему интерпретирует строку «And the grave is not its goal»: «И умрет не дух, а плоть». С одной стороны, это соответствует общему авторскому замыслу оригинального текста. С другой стороны, утрачивается мысль о цели жизни, и привносится религиозный компонент, добавляющий в повествование Бога, о котором не было прямого упоминания в оригинальном поэтическом тексте. Лексическая единица «tomorrow» была заменена переводчиком на лексему «вперёд», указывает на устремление в будущее.

Переводной материал А. П. Барыковой на первый взгляд отличается своей формой, которая далека от оригинальной. Однако переводчице удается сохранить перекрёстную рифму. А. П. Барыкова также справляется с передачей заложенного автором смысла и сохраняет важные лексические единицы, но в её переводе присутствует большое количество добавлений, которые снижают качество перевода, так как стирают специфику оригинального произведения. Таким образом, по результатам комплексной оценки наилучший перевод принадлежит М. Зенкевичу. В нём адекватно передан замысел автора, а форма и план содержания стихотворения приближены к композиции оригинального произведения.

Поэтическое произведение Р. Киплинга «The Hyenas» и его переводы являются небезынтересным материалом для анализа. Автор первого лирического перевода – русский поэт, прозаик и переводчик К. М. Симонов. В третьей и четвёртой строках второго четверостишия он слегка искажает смысл. В подлиннике гиены готовы преодолеть любые трудности, а в переводе – им нужно успеть за ночь. В следующем четверостишии К. М. Симонов добавляет компонент войны, который лишь подразумевался в оригинале, был скрыт за множеством описаний. Также он использует просторечные слова с заниженной стилистической окраской: «тварь», «жрать», «вонять». Значительные расхождения с оригиналом демонстрирует пятое четверостишие: например, К. М. Симонов отбрасывает в элементы звукоподражания гиен «whoop» и «halloo». В седьмом четверостишии переводчик опускает эпитеты «soulless» и «free from shame», подчёркивающие нрав и природу гиен. В то же время переводчик справляется с задачей сохранения формы и передачей главного замысла автора – показать ужас войны через сравнение животных с бессмысленными человеческими войнами.

В переводе С. Александровского уже с первых строк опущено множество важных лексических единиц, например «burial-parties» и «baffled kites», которые нагнетают напряжение для отображения атмосферы места военных действий. Переводчик также использует просторечные слова – сниженную лексику, подчёркивающую низменную сущность гиен: «харя», «тварь», «жрать». В качестве недостатка следует отметить значительное количество замен, которые автор перевода применяет для сохранения формы и рифмы стихотворения: «goat» – «овца», «worm» – «навозный жук». Но с передачей основного содержания С. Александровский, безусловно, успешно справляется.

В переводном варианте Е. Д. Фельдмана с первого взгляда заметны значительные расхождения с формой оригинала, однако удается сохранить в переводе перекрестную рифму. Е. Д. Фельдман, в отличие от других профессионалов, использует риторические вопросы и расширяет описательные элементы стихотворения, делая свой перевод более красочным и лексически богатым, но допускает существенные опущения («worm may sting»; «They whoop and halloo and scatter the dirt») и искажает переводы некоторых лексем: «goat» – «баран».

Следует отметить, что все переводчики сумели воплотить замыслы автора напомнить русскоязычному читателю об ужасах войны. Однако переводы С. Александровского и Е. Д. Фельдмана, являющиеся примерами форенизации, демонстрируют большое количество лексико-семантических трансформаций, от чего качество перевода, безусловно, снижается. Переводчики жертвуют точными соответствиями, смысловой стороной произведения в угоду сохранения рифмы и формы оригинала. Переводчики опускают ряд важных эпитетов и сравнений, помогающих передать атмосферу послевоенной разрухи. Таким образом, результаты проведенного анализа обращают внимание на серьезное стремление переводчиков сохранить в переводе особенности плана содержания оригинального поэтического текста. Напротив, пренебрежение элементами плана выражения оригинального текста снижает качество поэтического перевода.

Интересным объектом анализа является стихотворение П. Б. Шелли «The Tower Of Famine» и его переводы, выполненные В. В. Левиком и К. Д. Бальмонтом. В. В. Левик прибегает к доместикации, опуская понятие «oblivion» – забвение. Переводчик игнорирует некоторые элементы жизни заключённых: «Pain, linked to Guilt», «bread», а также переносит метафору «Until its vital oil is spent or spilt», олицетворяющую ход жизни, в другое четверостишие. В. В. Левик опускает большое количество авторских

описаний, демонстрирующих видение мира поэтом. Слово «spectre» приобрело значение «скелет», а «marble» – «скульптура». Что касается формы стихотворения, она также была серьезно изменена автором перевода и, как следствие, потеряла свою нагромождённую структуру, которая выступала отличительной чертой оригинального лирического произведения.

К. Д. Бальмонт опускает ряд стилистических фигур, упрощая свой перевод. В то же время многие подобранные им лексические единицы претендуют на высокую степень эквивалентности. Форма и ритм стихотворения весьма близки к оригиналу.

Подводя итоги анализа, следует отметить, что все рассмотренные варианты перевода стихотворения П. Б. Шелли, несмотря на многие недостатки и опущения, все же могут быть признаны качественными, так как оригинал пестрит эпитетами и метафорами, создавая объективные трудности в работе переводчика. В. В. Левик и К. Д. Бальмонт хоть и не в полной мере, но сумели показать величественный и пугающий образ башни голода, описали злоключения преступников. Действительно, не всегда и не все выразительные средства оригинального стихотворения могут найти отражение в вариантах его перевода. Потери представляются неизбежными, особенно в подобных поэтических произведениях, отличающихся повышенным содержанием тропов и фигур речи.

Еще одним объектом изучения стало лирическое стихотворение Р. Брука «The Soldier», написанное в форме сонета. Переводчик А. Г. Рытов прекрасно справляется с сохранением плана содержания, его перевод является практически дословным и точно передающим замысел автора – показать высокий патриотический дух англичан во время Первой мировой войны. А. Г. Рытов говорит о метафоричном прахе и теле солдата («A body of England's», «A dust whom England») как о частице Англии, продолжая авторскую мысль. Опущения в данном переводе не значительны, они не нарушают общую концепцию стихотворения. Лишь в последних строках профессионал опускает несколько важных понятий, идеализирующих образ Англии.

Е. Лукин нарушает форму сонета, разделяя свой перевод на четверостишия, и это снижает качество перевода. В оригинальном произведении каждая последующая мысль вытекает из предыдущей, поэтому катрены и терцеты гармонично связаны между собой. Филолог мастерски справляется с передачей лексической стороны стихотворения, но в первой строке последней строфы многие лексемы подлежат полной замене. Во фразе «her sights and sounds» автор стремится подчеркнуть красоту Англии, а не тёплые чувства, которые испытывал солдат. Несмотря на небольшие погрешности в передаче оригинального плана выражения, автору перевода удалось сохранить перекрёстную рифму подлинника и верно транслировать общую концепцию, заложенную Р. Бруком.

Итак, поэтический перевод представляет собой особый вид деятельности по интерпретации поэтического текста и его репрезентации средствами другого языка. Поэтический текст – это сложная система, в которой определённая форма (композиция), богатое лексическое и эмоционально-экспрессивное наполнение, фоностилистические особенности, – все это подчинено задачам реализации авторского замысла и оказания воздействия на читателя. Такие черты существенно усложняют работу переводчика и делают лирический текст непростым материалом для перевода. Переводчик ограничен в выборе лексических средств и формы выражения мысли, поскольку перевод вторичен по отношению к оригиналу: он не должен противоречить подлиннику или содержать значительные расхождения с ним.

Качество поэтического перевода может быть объектом комплексной оценки, которая проводится с использованием ряда критериев – таких, как сохранение оригинального авторского замысла, композиции и рифмы поэтического произведения, подбор переводчиком соответствующих эквивалентов, отсутствие значительных перестановок, опущений и искажений, а также соблюдение норм языка перевода.

Сопоставительный анализ параллельных оригинальных и переводных текстов с использованием критериев комплексной оценки качества поэтического перевода показал, что остро ощущается проблема поиска компромисса между адекватной передачей содержания и формы оригинала, поскольку выполнение качественного поэтического перевода предполагает сохранение особенностей поверхностной структуры оригинального произведения – ритмических характеристик, рифмы, деления на строфы и других составляющих графического представления поэтического текста. Переводчик, сталкиваясь с непереводимой лексикой, стилистическими явлениями, принимает решение о том, что важнее – смысл или форма представления поэтического текста, и чем можно пожертвовать в случае возникновения непреодолимых затруднений.

Опыт оценки качества поэтических переводов, выполненных профессионалами, позволяет говорить о том, что значительно чаще специалисты принимают решение в пользу плана содержания, отдавая приоритетное значение сохранению авторского замысла и семантической наполненности переводного текста. При этом наиболее сложным аспектом зачастую оказывается передача на иностранном языке авторских средств выразительности, стилистических фигур. Именно среди поэтических переводов чаще встречается такое явление, как вольный перевод. Это связано с тем, что авторами поэтических переводов нередко выступают добившиеся признания поэты и писатели, имеющие свой идиостиль, свой индивидуальный вкус, свои навыки словосложения.

Профессиональные переводчики уделяют основное внимание сохранению именно семантического компонента поэтических произведений, включающего семантическую, стилистическую и эмоциональную составляющие. С другой стороны, в качественном переводе передаче оригинальной стихотворной формы и рифмы также уделяется большое внимание. Интересным открытием стал тот факт, что многие наиболее качественные любительские и профессиональные переводы содержат ряд добавлений и опущений, которые были сознательно выполнены переводчиками для передачи смысла, заложенного автором. Такие расхождения с оригиналом являются неизбежными из-за разницы в языках. Таким образом, полное сохранение плана выражения подлинника зачастую является губительным для качества перевода, так как он становится подстрочником, лишённым поэтическости и смысловой ценности.

Комплексная оценка качества поэтических переводов позволяет снизить действие субъективных факторов при анализе качества поэтического перевода, а также дает возможность ранжировать варианты перевода, выявить наиболее качественные из них, то есть те, авторами которых не были допущены грубые нарушения, и которым удалось справиться с задачей сохранения содержания и формы оригинала. Следовательно, описанные критерии могут быть рекомендованы организаторам конкурсов переводов для оценивания любительских поэтических переводов – работ участников конкурсов.

Библиография

1. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. № 1. С. 37-47.
2. Гаспаров М. Л. Статьи о лингвистике стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.

3. Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений // Теория стиха / Под ред. В. М. Жирмунского. – Л.: Советский писатель, 1975. С. 433-536.
4. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода: учеб. пособие. – М.: Филология Три, 2002. 416 с.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Валент, 2007. 240 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. 424 с.
7. Nida E., C. Taber. The theory and practice of translation. Leiden : E. J. Brill, 1969. 220 р.
8. Сдобников В. В. Так кто же оценивает качество перевода // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2014. № 2. С. 86-92.
9. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 2. С. 190-195.
10. Бархударов Л. С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе // Тетради переводчика / Под ред. Л. С. Бархударова. – М.: Международные отношения, 1984. С. 18-23.
11. Леонтьев А. Н. Особенности поэтического перевода // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. 2010. № 1. С. 50-57.
12. Арпентьева М. Р. Перевод как попытка понимания чужого // Материалы международной научной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур». – М.: МГУ, 2014. С. 101-111.
13. Емельянова О. Н. Экзотизмы // Культура русской речи. – М.: Флинта : Наука, 2003. С. 760.
14. Matiu O. Translating poetry. Contemporary theories and hypotheses // Professional communication and translation studies. – Timisoara : UPT, 2008. Р. 127-134.
15. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта : Наука, 2005. 384 с.
16. Денисова Г. В. Интертекстуальность и семиотика перевода // Текст. Интертекст. Культура / Под ред. В. П. Григорьева, Н. А. Фатеевой. – М.: Азбуковник, 2001. С. 112-128.
17. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. – М.: Юрайт, 2000. 136 с.
18. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – М.: Академия, 2004. 352 с.
19. В двух измерениях: современная британская поэзия в русских переводах / Под ред. М. Бородицкой, Г. Кружкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. 528 с.
20. Маршак С. Я. Портрет или копия. Искусство перевода. В 4 томах. Т. 4: Статьи, заметки, воспоминания. – М.: Правда, 1990. 453 с.
21. Уильям Блейк. Пастух [Электронный ресурс] // URL: <http://www.english-poetry.ru/Poem.php?PoemId=138> (дата обращения: 21.02.2024).
22. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. В 2 томах. – СПб.: Издательство А. Ф. Маркс, 1912. 442 с.
23. The Tyger by William Blake [Электронный ресурс] // URL: <https://poemanalysis.com/william-blake/the-tyger/> (дата обращения: 21.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена актуальной проблеме оценки качества поэтического перевода. В ней автор ставит амбициозную задачу обобщить выдвинутые в разные времена теоретиками и практиками художественного перевода (в частности, поэтического) критерии оценки адекватного перевода, систематизировать их и применить на практике. Поставленная задача отчасти противоречит сформулированному некогда С. Я. Маршаком и широко цитируемому в сообществе переводчиков и исследователей художественного перевода тезису о том, что «перевод стихов невозможен» и «каждый раз это исключение», однако, бесспорно, представляет интерес.

В качестве одного из основных достоинств статьи следует отметить обширную и серьёзную теоретическую базу исследования. Это тот случай, когда реферативный обзор литературы по теме действительно необходим для формирования, описания и доказательства целесообразности выбранной методологии исследования. Отобрав критерии оценки художественного перевода, автор оценивает по ним ряд переводов британской поэзии, выполненных профессиональными переводчиками (С. Я. Маршак «Пастух», И. Г. Гусманов «Пастух», Н. В. Гербель «Мы урожая ждем от лучших лоз», А. М. Финкель «От всех творений мы потомства ждем», М. И. Чайковский «Мы красоте желаем размноженья», Е. Д. Фельдман «Жил да был Старичок в Амстердаме», В. Л. Топоров «Тигр», К. Д. Бальмонт «Тигр», А. Кудрявицкий «Тигр», М. Зенкевич «Псалом», К. М. Симонов «Гиены», С. Александровский «Гиены», Е. Д. Фельдман «Гиены», В. В. Левик «Башня голода», К. Д. Бальмонт «Башня голода», А. Г. Рытов «Солдат», Е. Лукин «Солдат»). По выделенным критериям переводы оцениваются в баллах, за оценкой следуют пояснения к присвоению того или иного балла с параллельным оцениванием сильных и слабых мест перевода. Анализ текстов переводов представляется весьма убедительным, хотя и не во всех случаях учитывает ценность целого текста. На наш взгляд, автор местами уделяет излишнее внимание компонентному анализу (который, впрочем, предполагается выделенными критериями, поэтому не может считаться недостатком). На перспективу исследования можно посоветовать автору обратиться к комплексной оценке перевода, например с помощью читательского опроса, сравнить данные компонентной и общей оценки.

Автор делает вывод о том, что все переводы, хотя и в разной степени, являются удачными, но выбирает более близкий к оригиналу перевод в каждой паре. Важным представляется вывод о том, что «описанные критерии могут быть рекомендованы организаторам конкурсов переводов для оценивания любительских поэтических переводов – работ участников конкурсов», он наделяет работу явной практической значимостью.

Язык статьи научный, композиция логична, список использованной литературы репрезентативен. Статья может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Павлова Т.А., Потовская К.С. Культурная реалия как феномен языка и художественного текста // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69757 EDN: VQTJVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69757

Культурная реалия как феномен языка и художественного текста**Павлова Татьяна Александровна**

ORCID: 0000-0002-8033-3272

старший преподаватель, кафедра "Иностранные языки", Севастопольский государственный университет

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, Россия, г. Севастополь, Крым, ул. Руднева, 26/5

[✉ tatyana_bokhan@mail.ru](mailto:tatyana_bokhan@mail.ru)**Потовская Ксения Сергеевна**

старший преподаватель, кафедра Иностранные языки, Севастопольский государственный университет

299053, Россия, Крым область, г. Севастополь,, ул. Руднева, 26/5

[✉ xevia25@mail.ru](mailto:xevia25@mail.ru)[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.2.69757

EDN:

VQTJVF

Дата направления статьи в редакцию:

04-02-2024

Аннотация: В статье исследуется специфика литературных реалий с национально-культурным компонентом значения в контексте художественного текста. Анализируются различные подходы к интерпретации и классификации этого лингвистического феномена, рассматриваются особенности употребления и передачи культурных реалий на язык перевода. Автор анализирует также, как эти культурные элементы влияют на восприятие и интерпретацию текстов, подчеркивая их важность для понимания контекста и смысла произведений. В статье рассматриваются различные методы включения

культурных реалий в язык и исследуется, как они формируют особую атмосферу и обогащают художественные произведения. Работа призвана расширить понимание взаимосвязи между языковыми и культурными аспектами, а также предоставить читателям новый взгляд на роль культурных реалий в обогащении языка и художественной литературы. Методология исследования статьи "Культурная реалия как феномен языка и художественного текста" включает анализ языковых особенностей, культурных контекстов и текстуальных стратегий. Применение сравнительного анализа, контент-анализа и критического чтения помогает выявить влияние культурных факторов на формирование языковой реальности и трактование художественных произведений. Основным научным вкладом проведенного исследования является выявление глубокой взаимосвязи между культурной реальностью, языком и художественным текстом. Научная новизна данной статьи заключается в системном и детальном анализе влияния культурных факторов на формирование языковой реальности и ее отражение в литературных произведениях. Исследование выделяет ключевые языковые механизмы передачи культурных концепций, раскрывает специфику восприятия текста в различных культурных контекстах. Эти выводы предоставляют основу для дальнейших исследований в области лингвистики и литературоведения, углубляя наше понимание взаимодействия между культурой, языком и художественным творчеством. Результаты могут быть использованы для разработки методов обучения языкам и культурологии, а также для более глубокого и чательного анализа литературных произведений в культурном контексте.

Ключевые слова:

культурная реалия, без эквивалентная лексика, ономастика, топоним, антропоним, этнографическая реалия, язык, художественный текст, культура, перевод

В переведоведении, как и в других филологических науках, неоднократно предпринимались попытки осветить проблему культурных реалий и дать четкую дефиницию данному понятию. Этой области в той или иной степени, с той или иной точки зрения касались многие теоретики перевода, из нее черпали свои доводы сторонники непереводимости, их опровергали теоретики - реалисты, доказывая возможность передачи колорита путем отхода или перевода «буквы». В современной лингвистике существует множество определений понятия «реалия». А.В. Федоров говорит о «национально-специфических реалиях» - словах, обозначающих «чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях другого народа». [\[5\]](#)

Я.И. Рецкер пишет о безэквивалентной лексике, представляющей собой «прежде всего обозначение реалий, характерных для страны ИЯ и чуждых другому языку и иной действительности». [\[3\]](#)

В таком же духе толкуют реалии Г.В. Чернов [\[6\]](#) и А.Д. Швейцер [\[7\]](#), первый – как экзотическую, второй – как безэквивалентную лексику. У западных авторов, например, у Ньюмарка, нет термина для реалий в нашем понимании. Ньюмарк выделяет “national institutional terms”, что в некоторой степени соответствует «общественно-политическим» реалиям, тогда как “cultural terms” относятся ко всем остальным реалиям. [\[8\]](#)

По сравнению с другими единицами языка реалия обладает рядом отличительных черт:

- Реалия свойственна лишь одному языковому коллективу, а в другом она отсутствует

(амер. bread and butter letter).

- Реалия может присутствовать в обоих языковых коллективах, но в одном из них она не отмечается специально (амер. clover leaf – рус. автодорожная развязка в виде клеверного листа).

- Реалия находится в тесной связи с национальной культурой определенной страны, с одной стороны, и с историческим отрезком времени – с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный (местный) и исторический колорит. Как языковое явление, наиболее тесно связанное с культурой, эти лексические единицы быстро реагируют на все изменения в развитии общества. Среди них всегда можно выделить реалии – неологизмы, историзмы, архаизмы. Например, бунт молодого поколения в США 50-60-х г.г. отразился в языке появлением таких реалий, как beatnik, beat generation – битники; усталое, разбитое, разочарованное поколение.

Само слово «реалия» – латинское прилагательное среднего рода множественного числа (realis, -е, мн. Realia – «вещественный, действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода. Данный термин используется для обозначения:

во-первых, предметов материальной культуры, служащих основой для номинативного значения слова,

во-вторых, абстрактных сущностей, связанных с духовными ценностями и обычаями народа, общественно-политическим устройством и культурно-социальными традициями страны, то есть всех реальных фактов, касающихся быта, культуры, истории данного языка.

Согласно словарным определениям, реалии – это «предметы материальной культуры». [1]

В переводе термином «реалия» большей частью обозначают слова, называющие предметы, то есть названия реалий.

Таким образом, существует двоякое понимание реалии:

- 1) как предмета, понятия, явления, характерного для истории, культуры, быта, укладывающегося в структуру и быт одного народа, страны и не встречающегося у других народов;
- 2) как слова, обозначающего такой предмет, понятие, явление, а также как словосочетания (обычно – фразеологизм, пословица, поговорка), включающего такие слова.

Опираясь на все вышеизложенное, можно охарактеризовать реалии как слова или словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Будучи носителями национального и исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода.

О видах реалий, об их делении по тем или иным признакам упоминается у многих исследователей, но системный подход прослеживается в классификациях лишь нескольких авторов.

Наиболее детальное освещение реалии получили в классификации С. Влахова и С.

Флорина [2], которые проводят деление реалий по их коннотативным значениям, то есть в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита. Наряду с этим, авторы учили такие показатели, как язык, степень освоенности (знакомости), распространенность, форма. Классификация реалий С. Влахова и С. Флорина имеет следующий вид:

1. Предметное деление
2. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности)
3. Временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»)
4. Переводческое деление

Общая классификация реалий включает:

1. Ономастические реалии
 - 1) топонимы (географические названия), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации. Например: amer. Plymouth Rock – Плимутская скала (место высадки переселенцев-пуритан в Северной Америке в 1620 г.).
 - 2) антропонимы- имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, персонажей художественной литературы и фольклора. Например: amer. Paul Bunyan – Пол Баньян (легендарный гигант-лесоруб, герой американского фольклора).
 - 3) названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события из жизни страны, названия государственных и общественных учреждений и многие другие. Например: англ. House of Commons – Палата Общин.
2. Этнографические реалии (этнонимы)
 - 1) географические термины, обозначающие особенности природно-географической среды, флоры и фауны. Например: амер. canyon – каньон, coyote – койот, Douglas fir – сосна Дугласа
 - 2) слова, относящиеся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, военному делу, искусству, системе образования, быту, фольклору, обычаям, традициям и другие. Например: амер. college – колледж; ranch – ранчо.

Ономастические реалии, которые включают в себя антропонимы и топонимы, всегда национально окрашены. Имена собственные, как единицы языка, выступают носителями определенного национального колорита. Несмотря на открытость и взаимопроницаемость антропологических систем, фонетический и графический образ имени в каждом языке свой. При заимствовании имени оно проходит сложный процесс ассимиляции, полностью превращаясь в единицу антропонимической системы нового языка.

Каждый язык отличается структурно - словообразовательным своеобразием своих имен собственных. Однако этим содержание национально-культурного компонента имен не исчерпывается. Оно определяется не только функциональным статусом в антропонимической или топонимической системах, но и особенностями коннотаций, возникших на основе культурно-исторического развития имени. Другими словами, семантика имени не сводится только к указанию на объект, но содержит дополнительные

сведения и ассоциации, то есть лексический фон.

Важнейшая функция имен собственных состоит в том, что они участвуют в создании национально-языковой картины мира. Имена в разных культурах являются носителями различных когнитивных концептов. Как отмечает Ю.А. Рылов, на основе имен собственных «способны возникать яркие национально-обусловленные когнитивные концепты, что находит объяснение в традициях и культуре народов». [4]

Социокультурный характер антропонимов прослеживается на примере имен собственных, бытующих в фольклоре. Имена фольклорных персонажей образуют национально-культурный фон, известный с детства всем носителям языка. Такие антропонимы «живут» в обществе и являются важнейшим компонентом культуры любого народа.

В художественной литературе выделяются ономастические единицы, которые указывают на качества персонажа, на место действия произведения и даже на время действия. Прежде всего, сюда следует отнести «этимологические» имена, которые называют еще «говорящими», «значащими», «характеризующими». Этот класс литературных антропонимов прямо характеризует персонажей. Такие имена можно встретить в произведениях Дж.Р.Р.Толкиена: Goodbodies, Wormtongue, Grubb. Grubbes & Burrowes и т.д.

Таким образом, антропонимы в художественных произведениях, в отличие от обычных имен собственных, являются опредмеченными единицами языка (в антропонимии принято говорить об «олицетворенных именах») и относятся к числу «общеизвестных», «значащих» имен собственных.

В художественной литературе антропонимы часто играют определенную роль, являясь добавочным средством воплощения замыслов автора. Удачное имя не просто характеризует героя, оно показывает, как автор достигает органического единства формы и значения, усиливает эмоциональное впечатление от произведения, в состав которого имя входит. План выражения имени, его звуковая форма, оказывается в художественной литературе весомым и значительным.

Топонимы составляют неотъемлемую часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры. В них находят отражение история народа, история заселения и освоения территории. Даже попадая в другой язык, топоним преобразуется в соответствии с закономерностями этого языка и приобретает ассоциации, свойственные обозначаемому им объекту в новой культуре.

Вопрос о том, что понимать под значением топонимов, весьма сложен. Указание на объект – естественная функция любого топонима, но кроме этого во многих наименованиях прослеживаются дополнительные значения, связанные с характеристикой объекта, идеологией и эмоциональной окрашенностью имени. Номинация, то есть называние объекта, может осуществляться только потому, что у слова, используемого как название, есть его собственная сигнификация. Кроме того, в самом процессе называния осуществляется не только денотация, указание на объект, но и коннотация – привнесение дополнительных созначений. Таким образом, топоним, оставаясь названием единичного предмета, оказывается нагруженным коннотациями.

Проблема значения топонимов осложняется еще тем, что различные планы значения могут восприниматься по-разному. Непосредственно воспринимается лишь прямое, адресно-указательное значение топонима. Что же касается этимологического значения, условно называемого «дотопо-нимическим», то оно не влияет на функционирование

топонима. Основным моментом, поэтому, остается третий план значения названия, который называют «посттопонимическим», то есть восприятие тех разнообразных и многочисленных значений, которые надстраиваются над обычным топонимическим значением названия.

Резюмируя изложенное, можно кратко сформулировать следующий вывод: топонимы – это реалии, связанные с какими-либо событиями в жизни народа-носителя языка и культуры и выполняющие в языке, кроме своей основной функции – наименования географического объекта, ряд дополнительных функций:

- характеристика коннотаций, закрепленных за данным топонимом;
- раскрытие социально-исторической сущности названия;
- антропологическая направленность названия.

Специфика топонимов дает возможность использовать их в качестве выразительного стилистического средства в речи и художественной литературе. Эмоционально - экспрессивное употребление географических названий может основываться на ясности внутренней формы «говорящих» имен, то есть тех коннотациях, которые в них заложены, а также на том новом содержании, которое топонимы приобретают в процессе функционирования.

В группу этнографических реалий входят слова, обозначающие предметы быта и культуры, названия обычаяев, обрядов, предметов, характерных только для определенной культурной среды.

В этнографических реалиях (этнонимах) наиболее полно раскрывается культурный компонент, поскольку эти национально - специфические слова обозначают явления, присущие одной культуре и чуждые для другой. Кроме того, этнонимы являются носителями национального колорита, то есть тех коннотативных значений, семантических и стилистических оттенков, которые накладываются на основное значение слова. Коннотативную окрашенность реалия приобретает благодаря принадлежности ее референта к данному народу, определенной культуре, конкретной исторической эпохе.

В художественной литературе этнографические реалии целенаправленно используются для придания произведению определенного колорита, местного и/или исторического. Они используются для описания духовной культуры народа, его обычаяев, нравов, для отражения уникальной истории той или иной страны на определенном этапе развития. Также, автор вводит этнонимы при описании определенной национально - культурной действительности для создания особой атмосферы в произведении.

Культурная реалия – это феномен языка и художественного текста, который имеет свою специфику в контексте национально-культурного компонента значения. Существует множество определений термина "реалия", включая "национально-специфические реалии", "безэквивалентная лексика" и др. Реалии обладают рядом отличительных черт, их употребление и передача на язык перевода зависят от национальной культуры и исторического отрезка времени. Слово "реалия" используется для обозначения предметов материальной культуры и абстрактных сущностей, связанных с духовными ценностями и обычаями народа. Реалии могут быть как предметами, понятиями, явлениями, характерными для истории, культуры, быта и уклада определенного народа, так и словами или словосочетаниями, обозначающими эти предметы.

Существует несистематический подход к классификации реалий, но наиболее детальное

исследование проведено С. Влаховым и С. Флорином. Они классифицируют реалии по их коннотативным значениям, учитывая местный и временной колорит, язык, степень освоенности и распространенность реалии.

Таким образом, культурные реалии являются важным языковым явлением, тесно связанным с национальной культурой и историей определенной страны. Изучение и понимание реалий играет важную роль в переведоведении и художественном тексте, требуя особого подхода при их передаче на другой язык.

Библиография

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 381 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М. : Высшая школа, 1986. – 88 с.
3. Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М. : Просвещение, 1982. – 32 с.
4. Рылов Ю.А. Очерки романской антропонимии. – Воронеж : ЦЧКИ, 2000. – 156 с.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М. : Издательский Дом Филология Три, 2002. – 206 с.
6. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. – М.: Международные отношения, 1978. – 187 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты. – М.: Наука, 1998. – 108 с.
8. Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow, 2005. – 95 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Магистраль исследования рецензируемой статья касается такой категории как «культурная реалия». Автор трактует / обосновывает данное понятие как «феномен языка и художественного текста». Думается, что подобный научный извод возможен, он методологически верен и достаточно стабилен. В начале труда автор отмечает, что «по сравнению с другими единицами языка реалия обладает рядом отличительных черт: • реалия свойственна лишь одному языковому коллективу, а в другом она отсутствует (амер. bread and butter letter). • реалия может присутствовать в обоих языковых коллективах, но в одном из них она не отмечается специально (амер. clover leaf – рус. автодорожная развязка в виде клеверного листа). • Реалия находится в тесной связи с национальной культурой определенной страны, с одной стороны, и с историческим отрезком времени – с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный (местный) и исторический колорит. Как языковое явление, наиболее тесно связанное с культурой, эти лексические единицы быстро реагируют на все изменения в развитии общества. Среди них всегда можно выделить реалии – неологизмы, историзмы, архаизмы. Например, бунт молодого поколения в США 50-60-х г.г. отразился в языке появлением таких реалий, как beatnik, beat generation – битники; усталое, разбитое, разочарованное поколение». Статья обладаеткой научной информацией, причем теоретический момент явно главенствует / превалирует. Тексту присущ объективный характер, фактурные, номинации детального типа очевидны и

частотны: например, «общая классификация реалий включает: 1. Ономастические реалии. 1) топонимы (географические названия), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации. Например: amer. Plymouth Rock – Плимутская скала (место высадки переселенцев-пуритан в Северной Америке в 1620 г.). 2) антропонимы- имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, персонажей художественной литературы и фольклора. Например: amer. Paul Bunyan – Пол Баньян (легендарный гигант-лесоруб, герой американского фольклора). 3) названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события из жизни страны, названия государственных и общественных учреждений и многие другие. Например: англ. House of Commons – Палата Общин» и т.д. Считаю, что должна аналитика в тексте выдержанна, серьезных замечаний к работе нет. Стилистический вариатив соотносится / тяготеет к собственно научному типу, например, «Каждый язык отличается структурно - словообразовательным своеобразием своих имен собственных. Однако этим содержание национально-культурного компонента имен не исчерпывается. Оно определяется не только функциональным статусом в антропонимической или топонимической системах, но и особенностями коннотаций, возникших на основе культурно-исторического развития имени. Другими словами, семантика имени не сводится только к указанию на объект, но содержит дополнительные сведения и ассоциации, то есть лексический фон». Термины, понятия лингвистического толка вводятся в работу в режиме унификации. Вектор раскрытия вопроса выдержан, поставленный ряд задач решен. На мой взгляд, работа может иметь и дальнейший извод расширительного плана. Например, следующие суждения вероятно можно расширить: «вопрос о том, что понимать под значением топонимов, весьма сложен. Указание на объект – естественная функция любого топонима, но кроме этого во многих наименованиях прослеживаются дополнительные значения, связанные с характеристикой объекта, идеологией и эмоциональной окрашенностью имени. Номинация, то есть называние объекта, может осуществляться только потому, что у слова, используемого как название, есть его собственная сигнификация. Кроме того, в самом процессе называния осуществляется не только денотация, указание на объект, но и коннотация – привнесение дополнительных созначений. Таким образом, топоним, оставаясь названием единичного предмета, оказывается нагруженным коннотациями», или «в этнографических реалиях (этнонимах) наиболее полно раскрывается культурный компонент, поскольку эти национально - специфические слова обозначают явления, присущие одной культуре и чуждые для другой. Кроме того, этнонимы являются носителями национального колорита, то есть тех коннотативных значений, семантических и стилистических оттенков, которые накладываются на основное значение слова. Коннотативную окрашенность реалия приобретает благодаря принадлежности ее референта к данному народу, определенной культуре, конкретной исторической эпохе» и т.д. Структура тексты выдержана в рамках научного жанра; материал информативен, его уместно использовать при изучении лингвистических дисциплин. В финальном блоке автор приходит к выводу, что «культурные реалии являются важным языковым явлением, тесно связанным с национальной культурой и историей определенной страны. Изучение и понимание реалий играет важную роль в переводоведении и художественном тексте, требуя особого подхода при их передаче на другой язык». Основные требования издания учтены, тема соотносится с одной из рубрик издания. Считаю, что рецензируемая статья «Культурная реалия как феномен языка и художественного текста» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шорова М.Б., Бориева М.К., Текуева А.А. Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69924 EDN: VRSZCP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69924

Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации

Шорова Мадина Борисовна

ORCID: 0000-0002-1560-542X

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, корпус 4

 rysal2727@gmail.com

Бориева Мархаба Курманбаевна

ORCID: 0009-0008-6079-745X

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, корпус 4

 rysal2727@gmail.com

Текуева Адалина Алексеевна

ORCID: 0009-0002-1570-1881

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, корпус 4

 rysal2727@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69924

EDN:

VRSZCP

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2024

Аннотация: Предметом исследования выступает определение роли средств массовой информации (СМИ) в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации. Межкультурная коммуникация в современном мире активно развивается в условиях глобализации, а также существенно трансформируется посредством массового применения информационных и цифровых технологий. Неизменным является содействие межкультурному диалогу в целях формирования понимания и принятия специфики и самобытности различных культур. В статье сформулировано авторское определение содержательных характеристик роли СМИ в процессе развития межкультурной коммуникации через призму двух основных аспектов их функционирования в данной сфере: трансляция социально-культурных ценностей и традиций, а также освещение вопросов, возникающих в процессе межкультурного диалога. Акцентируется внимание на комплексном характере оказываемого влияния, которое проявляется в осуществлении СМИ ряда функций (обучающая, организационная и интеграционная). Посредством системного анализа исследовано современное состояние межкультурной коммуникации, а использование структурно-функционального метода позволило определить роль СМИ в развитии межкультурной коммуникации. На основе применения эмпирических методов (наблюдение, сравнение и др.) выявлены актуальные тенденции функционирования СМИ в условиях цифровизации. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней учитывается влияние масштабного распространения информационных и цифровых технологий в деятельности СМИ, что существенно увеличивает доступность соответствующих материалов для населения, и степень вовлеченности средств массовой информации в развитие межкультурной коммуникации. Определена роль СМИ в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации, поскольку процесс распространения массовой информации в настоящее время обладает существенной спецификой и имеет важное значение для формирования мировосприятия современного человека. По результатам исследования авторы приходят к выводу о том, что деятельность СМИ в условиях цифровизации, характеризующаяся переходом в интернет-пространство, имеет важнейшее значение для развития межкультурной коммуникации. Выводы и предложения могут быть использованы при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации.

Ключевые слова:

межкультурная коммуникация, межкультурный диалог, цифровизация, средства массовой информации, медиапространство, цифровые технологии, культура, ценности, информационное взаимодействие, интернет-ресурсы

Введение

Актуальность представленного исследования заключается в том, что средства массовой информации (СМИ), являясь опосредованной формой межкультурной коммуникации, оказывают существенное влияние на развитие общения между представителями различных культур, в том числе с учетом конфликтов и напряженностей, возникающих в конкретный промежуток времени. Данное влияние может быть как положительным, так и отрицательным и во многом зависит от организации распространения массовой информации на территории конкретного государства.

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, существенно влияют

на жизнедеятельность людей, в том числе в части создания множества возможностей для взаимодействия культур и их развития с учетом понимания и осознания специфики и самобытности каждой. С одной стороны, вышеназванная тенденция положительно отражается на активизации межкультурного диалога, с другой стороны, увеличивается конфликтный потенциал данного общения. Положительные и негативные последствия развития межкультурной коммуникации в условиях глобализации представляются весьма закономерными, однако их распространенность во многом зависит от целого ряда факторов, начиная от политики, проводимой на территории конкретного государства, и заканчивая заинтересованностью социума в соответствующей коммуникации.

Интенсификация глобализационных процессов напрямую связана с информатизацией и цифровизацией, благодаря которым использование новейших технологий стало неотъемлемой частью жизни большинства людей. В данном случае особое значение приобретает доступность межкультурной коммуникации в связи с распространением сети «Интернет», благодаря которой индивид может в любой удобной для себя форме получать необходимую информацию и делиться ей с другими людьми. Сочетание визуальной, звуковой и текстовой форм представления информации объективно обуславливает интерес современных людей к электронным способам взаимодействия.

Безусловно, развитие коммуникации непосредственно в процессе контактов между представителями различных культур имеет важное практическое значение, однако в настоящее время особую актуальность приобретают опосредованные формы данной коммуникации, ярким примером которой выступает деятельность средств массовой информации (далее – СМИ). Процесс распространения массовой информации в настоящее время обладает существенной спецификой и имеет важное значение для формирования мировосприятия современного человека.

Целью представленного исследования является анализ современных подходов к определению роли СМИ в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации.

Для достижения указанной цели исследования поставлены следующие задачи:

- 1) изучение теоретических основ межкультурной коммуникации и рассмотрение деятельности СМИ в данном процессе;
- 2) выявление особенностей функционирования СМИ в условиях цифровизации и их влияния на межкультурную коммуникацию;
- 3) определение основных функций СМИ, осуществляемых в процессе развития межкультурной коммуникации в условиях цифровизации.

Методология исследования: посредством системного анализа исследовано современное состояние межкультурной коммуникации, а кроме того, использование структурно-функционального метода позволило определить роль СМИ в развитии межкультурной коммуникации. На основе применения эмпирических методов (наблюдение, сравнение и др.) выявлены актуальные тенденции функционирования СМИ в условиях цифровизации. Метод контент-анализа использовался при исследовании массмедиийного дискурса, результатом чего выступило выделение проблемно-тематических аспектов участия СМИ в развитии межкультурного общения

Теоретическую базу исследования составили труды, в которых акцентируется внимание на воздействии СМИ, оказываемом на развитие межкультурной коммуникации [1, 7, 10], а

также рассматриваются вопросы совершенствования указанной деятельности в условиях цифровизации [4]. Важно отметить, что современные ученые весьма противоречиво оценивают существующую практику функционирования различных СМИ и акцентируют внимание на отдельных аспектах развития медиапространства, в том числе в части формирования межкультурной толерантности, что особенно актуально для развития современного мирового сообщества и обострения отдельных геополитических конфликтов, что в итоге ярко отражается на межкультурном диалоге [3, 6, 11].

Обсуждения и результаты

Межкультурная коммуникация понимается как комплексное и межотраслевое явление, которое в широком смысле заключается в «общении людей, которые представляют разные культуры» [10, с. 55]. В узком смысле анализируемое понятие трактуется в контексте семиотических, психолингвистических, социально-психологических особенностей организации и осуществления соответствующего общения [8, с. 55-59].

К настоящему моменту не вызывает сомнений необходимость взаимодействия культур и цивилизаций в рамках диалога, порождающего взаимопроникновения и обмен традициями и ценностями. Несмотря на значимость сохранения самобытности каждой культуры, лишь во взаимодействии происходит ее развитие. В данном контексте особенно актуальной представляется динамичность развития межкультурной коммуникации, которая во многом зависит от конкретного состояния международных и межкультурных отношений.

В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на деятельности СМИ в контексте развития межкультурной коммуникации. По мнению Б.В. Шулумба, СМИ в настоящее время понимается как «налаженный механизм, суть которого сводится к отбору информации, а также дезинформации, в целях последующего предоставления готовой продукции потребителю с целью оценки им социополитической действительности» [11, с. 55].

Важно отметить, что СМИ выступает своеобразным посредником между аудиторией и происходящей реальностью. При этом СМИ способны не только формировать восприятие происходящего вокруг индивидами и обществом в целом, но и могут использоваться для совершенствования реальности, поскольку способны влиять на поведение людей.

В данном контексте видится необходимым выделить два основных аспекта функционирования СМИ в процессе развития межкультурной коммуникации:

1) трансляция социально-культурных ценностей и традиций. Межкультурная коммуникация осуществляется не только за счет отражения процесса взаимодействия конкретных культур, но и принципиальное значение приобретает создание и развитие ценностных ориентиров конкретных народов и наций. В настоящее время СМИ уделяют пристальное внимание ценностям современного человека и динамики их совершенствования с учетом возникающих вызовов и угроз на различных территориях. В данном контексте СМИ приобретает важную идеологическую направленность, которая позволяет своевременно трансформировать сознание и восприятие населения с учетом актуальных ценностей для современного уровня развития общества и государства. Кроме того, важное практическое значение приобретает развитие национальной и этнической повестки в деятельности региональных СМИ, которые в полной мере владеют информацией о специфике функционирования конкретных территорий [9, с. 180].

2) освещение вопросов, возникающих в процессе межкультурного диалога. СМИ достаточно часто освещают разнообразные вопросы, связанные с межкультурным общением, особенностями его организации и осуществления представителями конкретных культур. Однако особое внимание СМИ привлекают проблемы межкультурного диалога, в том числе вопросы, связанные с межнациональными, межэтническими конфликтами. Важно отметить, что в настоящее время достаточно распространена проблема развития межнациональной, межэтнической напряженности посредством медиапространства. В тех ситуациях, когда конфликт и так существует, наличие целого ряда информационных материалов, в том числе имеющих ярко выраженное настроение поддержки или отрицания отдельных культурных аспектов и проявлений, способны существенно увеличить масштаб возникшей проблемы межкультурной коммуникации. Данные риски должны в полной мере учитываться при разработке и совершенствовании политики в сфере СМИ.

Динамика информационного взаимодействия в современном мире приводит к ситуации, когда индивиды при получении той или иной информации весьма сложного содержания самостоятельно реконструируют отдельные сведения в упрощенной для себя форме. В данном контексте речь идет о создании стереотипов [\[5, с. 149\]](#). Указанные ситуации актуальны и для восприятия материалов, отражающих сущность и специфику конкретных культур. Создание стереотипов является закономерностью и объективно обусловлено процессом переработки информации индивидами. Говоря о деятельности СМИ и о влиянии на процесс стереотипизации межкультурного общения, важно отметить, что медиапространство в настоящее время не только способствует созданию стереотипов представителей отдельных культур, но и весьма динамично модифицирует их. При наличии искаженных негативных стереотипов СМИ посредством разъяснения и более доступного изложения самобытности и специфики определенных культур способны содействовать развитию межкультурного диалога.

Современная деятельность СМИ во многом характеризуется переходом в цифровое пространство, что объективно обусловлено повсеместной информатизацией. Интернет-ресурсы в кратчайшие сроки реагируют на события, происходящие в стране и мире, и освещают их с совершенно различных сторон. Цифровое медиапространство имеет практически безграничные возможности влияния на трансформацию сознания людей в отношении различных культурных ценностей [\[4, с. 28\]](#).

Помимо быстрых темпов информирования населения, для современных СМИ актуально функционирование в рамках конкретной государственной политики, которая в том числе может иметь определенную позицию в отношении межкультурного взаимодействия. Так, например, в период обострения конфликтов между конкретными странами в медиапространстве наблюдается существенный рост материалов, направленных против культур представителей этих государств, что отражает высокую степень политизированности деятельности современных СМИ.

Опосредованность коммуникации, осуществляющейся в процессе распространения массовой информации, невольно порождает зависимость ее содержания и оказываемого влияния на общество от лиц и организаций, контролирующих деятельность СМИ и политику в данной сфере на территории конкретного государства [\[2, с. 124\]](#). В данном контексте особое значение приобретает выделение таких характеристик, как достоверность и адекватность в отношении информации, распространяемой в СМИ по вопросам межкультурного общения, в качестве основных критериев ее допустимости.

Говоря о деятельности СМИ в контексте межкультурной коммуникации в условиях цифровизации, следует отметить комплексный характер оказываемого влияния, который проявляется в осуществлении СМИ ряда функций:

1) обучающей, которая заключается в формировании и развитии представлений личности и общества о специфике различных культур и особенностях межкультурного общения. Без понимания самобытности отдельных культур невозможно их принятие и осуществление диалога с учетом их ценностей и традиций. СМИ в данном случае обладают всеми необходимыми ресурсами для раскрытия особенностей различных культур, в том числе в цифровом пространстве;

2) организационной, которая направлена непосредственно на содействие межкультурному общению. Как отмечалось ранее, за счет межкультурного диалога происходит наиболее активное обогащение существующих культурных подходов. Освещение в СМИ положительных практик межкультурного общения способствует укоренению подобного поведения в обществе и стимуляции дальнейшего диалога. Использование цифровых медиаресурсов положительно влияет на масштаб распространения информации;

3) интеграционной, которая заключается в постоянной работе над сплочением и объединением общества как в контексте одной страны, так и мирового сообщества. В рамках указанной функции развивается межкультурная толерантность и недопустимость развития противоправного поведения, основанного на отрицании культурного многообразия. В данном контексте особое значение имеет оценка в СМИ событий, происходящих на территории других государств, в которой недопустимым является искажение фактической информации. Цифровые медиа в данном случае особенно оперативно реагируют на происходящие события, но не лишены необоснованной критики и скептицизма.

Вопросы межкультурной толерантности достаточно давно привлекают внимание СМИ, что объективно обусловлено целым рядом причин, начиная от интенсификации миграционных процессов и развития этнических сообществ и заканчивая продвижением мультикультурализма, в том числе в части расширения целевой аудитории за счет учета интересов представителей различных народов и наций [\[6, с. 203\]](#). Кроме того, проблемы межкультурной толерантности неразрывно связаны с распространением идеологии экстремизма и терроризма, ксенофобии и иных противоправных явлений, которые не менее активно развиваются в настоящее время.

СМИ при правильном подходе способны развивать аутентичность человека и повышать его коммуникативную компетентность, следовательно, межкультурное взаимодействие имеет одновременно частный и публичный интерес. Кроме того, посредством познавательных возможностей, реализуемых в рамках межкультурного диалога, повышается уровень толерантности, в том числе в отношении различий, встречающихся в отдельных современных культурах.

В настоящее время деятельность СМИ по-разному рассматривается в контексте межкультурной коммуникации. С одной стороны, СМИ распространяют сведения о современном состоянии межкультурной коммуникации или о существующем диалоге между представителями различных культур. В данном контексте СМИ выполняют функцию информирования (например, новости о прошедших мероприятиях и др.), где отсутствуют какие-либо оценочные суждения, а отражена лишь фактическая информация. С другой стороны, СМИ сами являются опосредованной формой коммуникации, в рамках которой

информационные материалы выступают инструментом адаптации различных культур в повседневном сознании и жизни людей. Ярким примером данной деятельности СМИ выступает популяризация информационных материалов и ресурсов о различных культурах мира, в которых подчеркивается их специфика и самобытность, а также могут содержаться субъективные суждения автора, которые позволяют сформировать всестороннее впечатление от ознакомления с соответствующими сведениями. Фактическое содержание подобных ресурсов имеет важное значение, однако впечатления автора способны повлиять на восприятие материала в целом.

К настоящему моменту в научной литературе предложен ряд подходов, определяющих роль СМИ в развитии межкультурной коммуникации. В большинстве своем ученые акцентируют внимание на двойственной природе влияния СМИ в рамках рассматриваемой проблематики. Так, например, по мнению С.Б. Гуляева СМИ не только связывают воедино разрозненные культурные миры, но и в процессе взаимодействия с конкретными культурами еще больше высвечивают их различия [3, с. 3]. Данный тезис представляется весьма справедливым, однако критическое отношение к освещению в СМИ специфики конкретных культур видится весьма необоснованным. Посредством распространения массовой информации об определенных культурах формируется их восприятие, что позволяет в дальнейшем вести более предметный межкультурный диалог.

В работах А.В. Панибратцева отражается аналогичная позиция, но с другими содержательными характеристиками, среди которых двойственность оказываемого влияния раскрывается через возможности приобщения людей через СМИ к мировой информационной картине, а также оказываемое негативное влияние, создающее угрозу растворения отдельной культуры в глобальном пространстве, и необходимость обеспечения безопасности всего общества [8, с. 59]. Безусловно, формирование и сохранение культурной идентичности имеет принципиальное значение в современных условиях, когда на фоне нестабильности международных отношений возникает целый ряд негативных факторов, влияющих на восприятие межкультурного диалога. Однако в данных условиях организация и осуществление эффективного межкультурного общения способно снизить социальную напряженность, что положительно отразится на стабильности функционирования государства.

Результаты, полученные в представленном исследовании, подтверждают результаты Ю.В. Благова, который справедливо отмечает: «в современном обществе под влиянием СМИ формируется информационное пространство межкультурного взаимодействия – виртуальное образование, в рамках которого происходит взаимодействие субъектов разных культур и формирование, уточнение и передача основных смысловых образцов другой культуры» [1, с. 25]. Виртуальный формат функционирования современных СМИ в процессе развития межкультурной коммуникации обуславливает специфику распространения и восприятия соответствующей информации, ее доступность для целевой аудитории.

Заключение

Таким образом, межкультурная коммуникация весьма многогранно реализуется и развивается в современном мире, чему во многом способствуют такие процессы, как глобализация, информатизация и цифровизация. Объединению и динамичному развитию глобального информационного пространства активно содействует деятельность СМИ, обладающая двойственной природой оказываемого влияния на межкультурную

коммуникацию. Особенности функционирования СМИ в условиях цифровизации проявляются в том, что современное медиапространство содержит большое количество информации, однако далеко не всегда она излагается с учетом реальных обстоятельств, что в итоге приводит к необоснованному искажению восприятия отдельных аспектов межкультурного диалога. Манипуляции в информационном пространстве способны породить межкультурные конфликты, которые в дальнейшем негативно отразятся на стабильности развития общества и государства. В данном контексте особое значение приобретает организация и осуществление деятельности СМИ в целях обеспечения эффективного межкультурного общения в рамках уважительного отношения к самобытности отдельных культур, в связи с чем необходимо выделить три основные функции СМИ: обучающая, организационная и интеграционная. Учитывая трансформацию деятельности СМИ в условиях информатизации и цифровизации, следует сделать вывод о важнейшем значении данной опосредованной формы межкультурной коммуникации.

Библиография

1. Благов Ю.В. Межкультурное взаимодействие в СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. № 1(1). С. 20-27.
2. Благов Ю.В. СМИ и межкультурная коммуникация // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. № 1(1). С. 118-125.
3. Гуляев С.Б. Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе: дисс. ... канд. соц. наук. М., 2009. 170 с.
4. Кожевников М.В., Корнеева Н.Ю., Корнеев Д.Н., Лапчинская И.В. Межкультурная коммуникация в эпоху цифровизации. Челябинск, 2022. 100 с.
5. Косинцева Т.Д. Роль стереотипов в межкультурной коммуникации и их преодоление // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5. С. 144-150.
6. Михалева Г.В. Развитие межэтнической толерантности на материале телевизионных медиатекстов в студенческой аудитории // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 202-215.
7. Негрышев А.А. О роли СМИ в межкультурной коммуникации (к постановке проблемы). URL: <https://textarchive.ru/c-2317052.html> (дата обращения: 01.02.2024).
8. Панибратцев А.В. Влияние СМИ на формирование и сохранение культурной идентичности: достоинства и недостатки // Регион и мир. 2021. № 2. С. 55-59.
9. Ржанова С.А. Синергетика масс-медийной культуры (на примере регионального сегмента информационного рынка) // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. Петрозаводск, 2021. С. 172-188.
10. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации. Томск, 2013. 100 с.
11. Шулумба Б.В. Медиапространство как фактор межэтнического взаимодействия (на примере Республики Абхазия): дисс. ... канд. фил. наук. М., 2015. 162 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роль средств массовой информации в развитии

межкультурной коммуникации в условиях цифровизации», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», содержит теоретическое описание проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, цифровизацией и отражением в этих процессах роли СМИ. Статья является актуальной, результаты исследования помогают охарактеризовать современные условия, особенности и средства протекания процессов межкультурного общения народов. Основными методами исследования послужили описание и наблюдение.

Статья направлена на выявление роли СМИ в развитии межкультурной коммуникации в условиях современного общества, обусловленного многими явлениями, прежде всего интенсивной цифровизацией.

В предпринятом исследовании СМИ трактуются как опосредованные формы коммуникации между людьми. Подчеркивается, что «СМИ способны не только формировать восприятие происходящего вокруг индивидами и обществом в целом, но и могут использоваться для совершенствования реальности, поскольку способны влиять на поведение людей». В соответствии с этим основная цель работы видится в установлении проблем использования СМИ в формировании мировосприятия современного человека.

Автор выделяет два основных аспекта функционирования СМИ в процессе развития межкультурной коммуникации: во-первых, трансляцию социально-культурных ценностей и традиций, что проявляется не только в отражении процесса взаимодействия конкретных культур, но и в создании и развитии ценностных ориентиров конкретных народов и наций. Подчеркивается важность идеологической направленности СМИ, в том числе с учетом национальной и этнической составляющей деятельности региональных СМИ. Вторым аспектом функционирования СМИ является освещение вопросов, возникающих в процессе межкультурного диалога, в том числе проблем, связанных с межнациональными, межэтническими конфликтами, а также с высокой степенью политизированности СМИ.

Автор особо останавливается на вопросе создания стереотипов в процессе переработки информации индивидами (стереотипизации межкультурного общения); выявляет три основные функции СМИ: обучающую, организационную и интеграционную, каждая из которых кратко, но емко охарактеризована.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Статья структурирована, заключительная часть содержит выводы, полученные автором. Автор видит перспективность дальнейшей научной разработки заявленной проблематики.

Указанные в библиографии статьи 11 источников способствуют раскрытию методологической базы исследования, являются новейшими.

Следует отметить наличие некоторых недочетов технического характера. В частности, имеются пунктуационные ошибки, например: «Однако особое внимание СМИ привлекают проблемы межкультурного диалога, в том числе вопросы связанные с межнациональными, межэтническими конфликтами», «При наличии искаженных негативных стереотипов, СМИ посредством разъяснения и более доступного изложения самобытности и специфики определенных культур способны содействовать развитию межкультурного диалога.», «В данном контексте особое значение приобретает выделение таких характеристик как достоверность и адекватность...», «чему во многом способствуют такие процессы как глобализация, информатизация и цифровизация», «Учитывая трансформацию деятельности СМИ в условиях информатизации и цифровизации следует сделать...», тавтологии «Практическая значимость представленного исследования заключается в необходимости учета роли СМИ.... в целях ее дальнейшего совершенствования...». Рекомендуется откорректировать текст статьи.

Считаю, что статья «Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность заявленной темы статьи – «Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации» – не вызывает сомнений и обеспечивается как возрастающей роль феномена цифровизации в современном обществе и его охватом всё большего числа жизненных сфер, так и значительной актуальной трансформацией системы СМИ и их функций в том числе в рамках межкультурной коммуникации. Статья написана научным языком, список использованной литературы релевантен, формальные требования к оформлению научного текста соблюдены. Однако в представленном виде текст не может быть рекомендован к печати и требует авторской доработки.

1. Представленное исследование имеет предельно общий реферативный характер. Автор не описывает методологию исследования, хотя неоднократно упоминает о том, что оно проведено. Этим замечанием рецензент вовсе не утверждает, что обобщающие теоретические реферативные статьи не имеют права на существование, но рекомендует чётко прописать тип исследования, его цели, задачи, методологию. Также хочется посоветовать автору избегать в рамках реферативного исследования общих и повторяющихся содержательно фраз, например: «Важно отметить, что в настоящее время деятельность СМИ по-разному рассматривается в контексте межкультурной коммуникации», «Существенные отличия взглядов также встречаются и по вопросам роли СМИ в развитии межкультурной коммуникации» (первые фразы соседних абзацев при неоднократном повторении той же мысли ранее по тексту).

2. Статья нуждается в основательной корректорской вычитке. Во второй части статьи немало пунктуационных, лексических и грамматических ошибок. Например: «Говоря о деятельности СМИ в контексте межкультурной коммуникации в условиях цифровизации, следует отметить комплексный характер оказываемого влияния, который проявляется в осуществлении СМИ ряда функций:

1) обучающей , (лишний пробел) которая заключается в формировании и развитии представлений личности и общества о специфике различных культур и особенностях межкультурного общения. Без понимания самобытности отдельных культур невозможно их принятие и осуществление диалога с учетом их ценностей и традиций. СМИ в данном случае обладают всеми необходимыми ресурсами для демонстрации (лекс.) различных культур и их специфики, в том числе в цифровом пространстве;

2) организационной (,) которая направлена непосредственно на содействие межкультурному общению. Как отмечалось ранее, за счет межкультурного диалога происходит наиболее активное обогащение существующих культурных подходов. Освещение в СМИ положительных практик межкультурного общения и их (гр.) итогов способствует укоренению подобного поведения в обществе и стимуляции дальнейшего диалога. Использование цифровых медиаресурсов положительно влияет на масштаб распространения соответствующей (?) информации;

3) интеграционной, которая заключается в постоянной работе над сплочением и объединением общества как в контексте одной страны, так и мира в целом (гр.). В

рамках указанной функции развивается межкультурная толерантность и недопустимость развития противоправного поведения, основанного на различиях представителей отдельных культур (лекс. + гр.). В данном контексте особое значение имеет оценка в СМИ событий, происходящих на территории других государств, в которой недопустимым является искажение фактической информации. Цифровые медиа в данном случае особенно оперативно реагируют на происходящие события, но не лишены необоснованной критики и скептицизма».

После авторской доработки статья может быть принята к рассмотрению повторно.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду увеличивающейся роли цифровизации в нашем мире и увеличение доли цифрового контента.

Актуальность представленного исследования заключается в том, что средства массовой информации оказывают существенное влияние на развитие общения между представителями различных культур, в том числе с учетом конфликтов и напряженностей, возникающих в конкретный промежуток времени.

Целью представленного исследования является анализ современных подходов к определению роли СМИ в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации.

Работа является практикоориентированной. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методология исследования: посредством системного анализа исследовано современное состояние межкультурной коммуникации, а кроме того, использование структурно-функционального метода позволило определить роль СМИ в развитии межкультурной коммуникации. На основе применения эмпирических методов (наблюдение, сравнение и др.) выявлены актуальные тенденции функционирования СМИ в условиях цифровизации. Метод контент-анализа использовался при исследовании массмедиийного дискурса, результатом чего выступило выделение проблемно-тематических аспектов участия СМИ в развитии межкультурного общения.

Теоретические положения проиллюстрированы практическим материалом. Часть полученных данных представлена в табличном формате, что облегчает восприятие текста читателем. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на иностранном языке, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу.

Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике и межкультурной коммуникации. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Глазкова М.М., Ильина С.А. Специфика и функции концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэзии В. Я. Брюсова //

Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69977 EDN: VQFHSM URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69977

Специфика и функции концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэзии В. Я. Брюсова

Глазкова Марина Михайловна

ORCID: 0000-0003-0518-9896

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Русский язык и общеобразовательные дисциплины", Тамбовский государственный технический университет

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

[✉ rusfilol37@mail.ru](mailto:rusfilol37@mail.ru)

Ильина Светлана Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Русский язык и общеобразовательные дисциплины", Тамбовский государственный технический университет

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

[✉ vaska24@yandex.ru](mailto:vaska24@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69977

EDN:

VQFHSM

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2024

Аннотация: Объектом исследования являются стихи, представляющие такие тематические пласти, как любовная лирика; урбанистическая лирика, включающая стихотворения, посвящённые Венеции; тема смерти; тема викингов; великих деятелей прошлого; апокалиптическая тематика. В работе актуализируется важность исследования поэзии Брюсова в аспекте когнитивной лингвистики, рассматривается

сущность понятия концепт. Анализируется место концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в иерархической структуре концептосферы, выявляются их смыслы с опорой на лексикографический материал словарей, представляющих, наряду с первомыслами, различные ассоциативные лексические единицы, в том числе мифологемы, возникшие на основе когнитивной метафоризации, которые, являясь репрезентантами концептов, заполняют слоты, образуют фреймовую структуру, при этом фрейм квалифицируется как ядро концепта. Проведён анализ стихотворений, позволяющих воссоздать языковую и художественную картины мира поэта, ключи к пониманию которых – базовые концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, и определить их специфику и роль. В процессе исследования использовались следующие методы: метод дискурсивного анализа, позволивший изучить взаимодействующие денотативную и концептуальную структуры, организующие семантическое пространство каждого рассматриваемого лирического произведения в контексте поэзии Брюсова; культурно-исторический метод, способствовавший выявлению коннотативных значений, репрезентирующих концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ; герменевтический метод, давший возможность проанализировать поэтику стихотворений. В результате исследования авторы пришли к следующим выводам. Организуя систему поэтического творчества, ярко воплощая основной мотив, мотив двойничества, концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ претерпевают семантическую контоминацию на основе пересечения их фреймовых сетей и образуют единый bipolarный концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. Явление интегрального характера, брюсовский концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ полифункционален: как образное средство, эта структурная единица создаёт идиостиль поэта; играет текстообразующую роль; организует основные мотивы, позволяющие Брюсову осуществить актуальные для него и его современников дискурс о проблеме смысла жизни и её вечности. Научная новизна состоит в том, что творчество В. Я. Брюсова, с точки зрения концептосферы и концептуализации, недостаточно изучено. Впервые постижение языковой картины мира В.Я. Брюсова реализовано посредством концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, которые являются основополагающими в его творчестве.

Ключевые слова:

амбивалентность, bipolarный концепт ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ, доминирование, идиостиль, коннотации, концептуальное поле, мотив двойничества, оппозитивный дискурс, первомысл, фрейм

Лирика В.Я. Брюсова, лидера символизма, давшего этому крупнейшему в литературе и искусстве течению теоретическое обоснование, запечатлела сложность и многомерность такого социокультурного феномена, как период литературы Серебряного века, возникшего на изломе веков и породившего своеобразную культурную природу, язык культуры, многообразие мировоззренческих векторов. Социокультурный облик эпохи, определяющийся ракурсом анализа истории культуры, в основе которого находились антропологические принципы, формируется в то же время под влиянием самосознания, самоопределения культурной элиты, движителя духовного, литературного и культурного механизмов общества.

Поэзия Брюсова, вовлеченная в заданный «оппозитивный дискурс» [1, с. 142], отличается доминированием антитезы жизнь/смерть, обусловленной психологическим метанием человека между неопределенными духом запросами и потребностями тела, и отражает «образ поэта», возникший в лирике, «двойственный и антиномичный» [2, с. 227]. Тезис «Мы зачарованы не только Голгофой, но и Олимпом, зовет и привлекает нас не

только Бог страдающий, умерший на кресте, но и Бог Пан, <…> ... И мы благосклонно склоняемся не только перед Крестом, но и перед божественно прекрасным телом Венеры [3. с. 582-583] позволяет понять присутствие мотива двойничества, воплотившегося в его поэзии в концептах ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ. Рассматриваемые концепты как «совокупность всех смыслов, схваченных словом; некий идеальный объект окружающего мира, имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире» [4, с. 43] представляют собой устоявшиеся понятия, содержащие концептуализацию базовых явлений существования человечества и образовавшие в сознании людей ассоциативные связи, выразившиеся в репрезентантах концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, которые организуют их концептуальные поля, идеино органичные ввиду своей структурированности: их основу составляют фреймы и слоты (смысловые узлы). Настроение поэта, запечатленное в концептосфере его художественного мышления, возможно постичь при условии анализа онтогенеза лингвокультурного понимания и ощущения им концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, – тех содержащих этнокультурно обусловленный эстетико-смысловой код ключей, которые определили и обозначили антиномию, bipolarность творчества В. Брюсова.

Концептумы того и другого концепта лексикографируются во множестве словарей, неслучайно обнаруживая сходства в дефинициях. В словаре С.И. Ожегова [5, с. 197] и в Большом толковом словаре [6, с. 306] слово жизнь квалифицируется как особая форма существования материи; как физиологическое состояние живого существа в процессе его рождения, эволюции и смерти; период названного фактического существования; деятельность социума и индивидуума; как реальная действительность; проявление деятельности, энергии; степень проявления физических и духовных сил. При неизменности концептуума, расширение информативно-оценочного потенциала лексемы предопределяет увеличение количества его репрезентантов на метафорическом уровне, вследствие чего в словарях находят место переносные значения, обозначающиеся в контекстах: «Жизни не рад. Жизнь моя! Как жизнь? Ни в жизнь не Подруга жизни. Прожигатель жизни. Пройти в жизнь. Устроить жизнь. Эликсир жизни. Не на жизнь, а на смерть» [6, с. 306].

Семантика слова смерть также представлена в нескольких семах: прекращение жизненных функций организма, его гибель; прекращение существования человека или другого существа; уничтожение чего-либо. Переносное значение не менее полисемично: «Политическая смерть. Умереть своей смертью. Вопрос жизни и смерти. Устал до смерти. До смерти всё надоело. Смерть люблю поболтать» и др. [6, с. 1216]. В толковом словаре Даля слово смерть определяется как «конец земной жизни, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего. Смерть человека, конец плотской жизни, воскресение, переход к вечной, к духовной жизни ...» [7, с. 238].

В «Библейской энциклопедии» находим словарную статью, в которой рассматривается смерть телесная и духовная. Первая заключается в факте лишения тела души – вторая в том, что «душа лишается благодати Божией» [8, с. 605]. Душа также подвластна смерти: умерев вследствие совершенного греха, душа погружается в состояние мрака, скорби и страдания.

О смерти телесной и духовной говорят библейские книги. Один из учеников Иисуса, прежде чем последовать за ним, попросил позволения отлучиться домой, чтобы похоронить умершего отца, на что «Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвцев» [Лк. 9:60]. Как видим, мертвцами названы люди, живые телесно, но

отрекшиеся от Божией любви, пребывающие вне её сферы. Аналогичный вывод можно сделать на основании слов Господа, обращенных к людям, попирающим его заповеди: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв» [Откр. 3:1]. Соответственно, причастная Богу душа физически умершего человека продолжает оставаться живой, что и следует из слов Иисуса: «Верующий в Меня, если и умрёт, оживёт» [Ин. 11:25], «И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрёт вовек» [Ин. 11:26].

В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» [9, с. 886] слово жизнь отсутствует – есть понятие «Жизнь вечная», наполненная верой в Бога. «Земная жизнь» в контексте дефиниции «Жизни вечной» рассматривается в полюсном смысле, предполагающем взаимосвязь этих антиномичных понятий, обозначающих две противоположные формы жизни, но вытекающие одна из другой.

Любая лингвокультура включает в себя понимание жизни и отношение к ней, являющиеся модераторами человеческого поведения, определяющие присущие нации или этнической общности этические нормы, специфику общения, самобытность менталитета. Находясь в центре семантического поля языка, концепт ЖИЗНЬ в сознании носителя культурного кода всегда сопрягается со смертью – неизбежностью, включенной диалектикой в поступательную цикличность эволюции, что обуславливает концептам ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ статус базовых ментальных сущностей, являющихся почвой для морфогенеза компонентов концептосистемы человека.

Как справедливо отмечает А.В. Прохорова, рассматриваемые концепты представляют собой контродикторный тип антонимов лишь иллюзорно: жизнь как бытие (существование) имеет внутреннюю структуру «рождение – жизнь – смерть» [10, с. 228], элементы которой выстроены в порядке логической градации, подчинённой бытийственной реальности, поэтому относятся к понятиям, а не к концептам. Контрарность концептов основывается на переживаемых представлениях, заключенных в первосмыслах: ЖИЗНЬ (бытие), исходной точкой которой является РОЖДЕНИЕ, находится в промежутке между этой стадией роста и СМЕРЬЮ, между тем под влиянием религиозной картины мира концепты дополнились многовекторными переживаниями, образующими пласти ощущений и эмоций, связанных с радостями рождения жизни, радостями бытия, с мрачными ощущениями небытия и радостью встречи с вечной жизнью. Подобная интерпретация позволяет говорить о том, что конечная стадия бытия, воплощенная в концепте СМЕРТЬ, становится началом новой жизни, вечной, запечатленной в концепте ЖИЗНЬ.

Итак, анализируемые концепты образуют единый биполярный концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, выполняющий в дискурсивном пространстве поэзии В. Брюсова идейно-эстетическую, тексто- и стилеобразующую функции.

Творчество Брюсова конца XIX – начала XX века ознаменовано упадническими тенденциями, темпоральными детерминантами которых стал болезненный разлом эпохи, кризис веры (в социуме, где «Бог умер») [11, с. 593], попраны моральные ценности – новая же аксиологическая шкала не установилась), и, как следствие, осуществилась преемственность русскими символистами идейно-эстетических принципов представителей европейской литературы: Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме, – подаривших символистскому движению абсолютно новую структуру образов.

По признанию Брюсова, знакомство поэта с философами-символистами и увлеченность его ими способствовали открытию в нем нового мира и понимание своей миссии – распространение символизма в России, тем самым становясь его родоначальником и

теоретиком, также именно под впечатлениями от их творчества созданы брюсовские ранние стихи [12, с. 169].

Особое влияние на формирование поэтического таланта Брюсова оказали взгляды Бодлера, ярко выразившегося в поэтическом сборнике «Цветы зла» [13]. Брюсов был вовлечен в философский дискурс французского символиста, развернутый в «Цветах зла», поскольку в нём освещалась актуальная проблема – поиск моральных постулатов – через тематические векторы: нивелирование ранее существовавших нравственных устоев, высвобождение страстей, возведение порока в статус эстетического культа. Образ смерти у Бодлера эстетизируется: в его картине мира красота лишена однозначной стереотипной оценки, согласно которой она принадлежит божественному миру добра.

В стихотворении «Падаль» [13, с. 51-52] отражено эстетическое любование гниющим трупом молодой женщины, вызванное предвкушением перспективы исчезновения бренного тела и обретением бессмертной красоты – ожиданием очищения перед встречей с Вечностью. Персонализация Танатоса позволяет автору совместить в его художественном пространстве мир реальный и ирреальный, приближенный к Богу и Истине. Бодлеровская концепция зла утверждается им исходя из тщетных поисков истины (добра). Когда автор погружается на самое дно зла, выход он видит только в смерти.

Этические и эстетические идеалы Бодлера соответствовали чаяниям Брюсова, воплотившимся в многочисленных стихах о любви, страстной, пылкой и испепеляющей. В словах В. Брюсова о человеческом теле, уподобленном им зерну, предназначение которого в том, чтобы расцвести пышным цветом (страстью), ради чего без сожаления мучится и погибает физическая сущность, заключена эквивалентная оценка инстинктов жизни и смерти, что и составляет понимание поэтом Истины.

В поэзии Брюсова доминирует мортальная лексика, рождающая выразительные коннотации образов тьмы и зла, организующая мотивы распада и гниения, образующая обширный диапазон сети фрейма «смерть». В стихотворении «Облегчи нам страдания, боже!» полюс СМЕРТЬ биполярного концепта эксплицируется наполненностью концептуального поля коннотациями «без лучей и без веры», «холодные щели», «язвы», «гной», «падаль», «могильный покой», «покрывало последнее» [14, с. 88], входящими в слоты «ночь», «луна», «холод», «гниение», обнажает страдания, метания тонко организованной души дерзкого и гордого лирического героя, дошедшего до духовного кризиса. Рецепция самозамкнутой личности постигает этап моральных исканий, который является рубиконом, когда человек взывает к Богу, ощущая выход для себя или в возрождении, или в смерти. Спасение от бездны поэт видит в любви-страсти, сопровождаемой атрибутами смерти. К одним из основных и прекрасных её образов, созданных Брюсовым, относится образ ночи, покровительницы любви, воспламеняющей и усиливающей страсть, окружающей ореолом сакральности и таинства.

В ночной полумгле, в атмосфере

Пьянящих, томящих духов,

Смотрел я на синий альков,

Мечтал о лесах криптомерий.

И вот - я лежу в полуслне

На мху первобытного бора;
 С мерцаньем прикрыто г взора
 Подруга прильнула ко мне.
 Мы тешались оба охотой:
 Гонялись за пестрым дроздом.
 Потом, утомленно, вдвоем
 Забылись недолгой дремотой.

[\[14, с. 65\]](#)

Ночь, пьянящая, дурманящая, демонстрирующая обстановку через оптическую призму следующих друг за другом нечетких, подвергающих зыбкости все материальные сущности цветов, тёмного («полумгла»), синего (альков»), пёстрого («дрозд»), оказывает суггестическое воздействие на лирического героя и его подругу, погружая их в атмосферу полумглы, полусна – в состояние между реальностью и небытием. Ночь в стихах Брюсова – время любви, в которой поэт видит священное действие, поскольку любовь- страсть, в его представлении, есть богоchorческий путь к богоопознанию.

В стихотворении «Ожидание» [\[14, с. 509-510\]](#) страсть («вспомни ночи, вспомни шёпот») становится точкой пересечения горизонтальной и вертикальной (бытийственной и вечностной) плоскостей и является порталом в другой мир.

В «Сладострастии» [\[14, с. 338-339\]](#) лирический образ женщины отличается яркостью, контрастностью, грубой красотой. Она появляется из мрака пещеры, смысловую и образную доминанту ночи подчеркивает присутствие в стихотворении репрезентантов СМЕРТИ, которыми являются «мрак», «сумрак», «чёрные волосы», как творение сумрака. Венок из «пурпурного мака», блеск золотых рубиновых серёг, «кровавый коралл» ожерелья, вызывающий ассоциацию с кровоточащей раной на шее, чёрные волосы на белых плечах, сливающиеся с мраком пещеры, создают демонический образ, находящийся во власти необузданной, животной, смертоносной страсти. К. Чуковский в статье «О теме любви у Брюсова» отмечает особенность страсти в лирике Брюсова, заключающейся в муках и боли, страданиях и ужасе на ложе любви; брюсовская страсть уподобляется Чуковским «сражению, роковому поединку» любовников [\[15, с. 153\]](#).

В своём стремлении преобразовать действительность Брюсов прибегает к экзотике и в выборе топики, и в образных средствах. В стихотворении-сонете «Предчувствие» [\[14, с. 57\]](#) изображается ожидание лирическим героем женщины на фоне яркой тропической природы и сладостно-мучительное соединение с ней. Для произведения характерно обилие украшающих текст образных средств: синкретических эпитетов («смертельный аромат», «неумолимый сад»), такого же характера сравнений («как пара жадных змей») и метафор. Образ ночи здесь имплицируется в указании времени («день проскользнёт») и в символе-метафоре («Глаза твои смежатся. То будет смерть»), которая, психологизируя объекты, актуализирует восприятие материальных сущностей вместо них самих, как бы растворяет действительность, тем самым стирая грань между ЖИЗНЬЮ и СМЕРТЬЮ.

Неизменной спутницей женщины в лирике Брюсова является Луна. Как отмечается в

«Энциклопедическом словаре символов», Луна в системе символов небесных светил занимает важное место. Существует миф о дуализме мироздания, в основе которого соперничество Луны и Солнца, разрешённое Господом определением двух сфер, земной и потусторонней, владычество над которыми отдано светилам, при этом Господь делает Луну меньше, чем Солнце, и наделяет её более слабой силой свечения по сравнению с силой Солнца за недобрые умыслы Луны в отношении дневного светила. В древних народных поверьях Луна управляет приливами и отливами в морях и океанах, способствует наполнению растений лечебными соками [16, с. 476-477]. В христианской агиографии Дева Мария сравнивается с Луной, изображается на иконах стоящей или сидящей на серпе Луны. Библейские тексты запечатлевают Луну как символ победы над злыми силами: «... жена, облечённая в солнце; под ногами ее луна» [Откр. 12: 1-1].

В алхимическом мире Луна находит воплощение в образах серебра и королевы. По представлению греческого апологета христианства Теохила Антихейского, являясь наряду с Солнцем носителем великого таинства, Луна квалифицируется как образ человека, в то время как Солнце – образ Бога. Греческий христианский теолог и философ Ориген Адамант интерпретирует Луну, получающую солнечный свет и распространяющую его на всё окружающее, как образ церкви.

Греческая богиня Луны Геката, покровительница преисподней, магии и колдовства, называющаяся Трёхликой (Тридеодис), выступающая в разных ипостасях, связывается с тремя фазами Луны и тремя этапами жизни женщины (девушка, женщина, старуха). Луна, по сути, – очень выразительный символ, являющийся полюсом геоцентрической системы, наделённый магией, мощной силой, окружённый ореолом демонизма и представляющий собой антиномию жизни. В то же время жизнь Луны представляет собой метафору возрождения любой идеи, воскрешения всего бренного.

Поэтический образ женщины В. Брюсова, выразительный, загадочный, хтонический-демонический, связывает живой и мёртвый миры – лексические единицы, создающие образ лирической героини, оказываются узлами контоминации фреймовых сетей полюсов концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. Луна, имеющая женское начало, наделённая в народных поверьях и астрологии способностью управлять внешними сторонами души женщины, в брюсовских стихах ласковыми и властными поцелуями своего луча пробуждает лирическую героиню ото сна для страстной любви. Женщина, облачённая в лунные одежды («бледным светом залита» [14, с. 398]), под властью «зыва заклятий» Гекаты устремляется в объятья страсти, полностью отдавая себя Астарте (греческий вариант имени богини любви и власти Иштар). Лунарный женский образ Брюсова – это женский образ, обобщённый, сотканный из очевидных коннотаций концепта СМЕРТЬ («тёмой зажжённые глаза», «помертвельые уста»), неслучайно включает мотив тайны-лжи («Вся ты – тайна, вся ты – ложь»): в древнем мире была интерпретация лживой Луны (*Luna Mendax*) вследствие ассоциаций Луны в её растущей и убывающей фазах с разной графикой – буквами С и D. При экспликации концепта СМЕРТЬ наблюдается импликация концепта ЖИЗНЬ: «Тело богу предаёшь». Женщина в поэзии Брюсова является носителем божественного начала, соответственно в яростном любовном соединении лирический герой соприкасается с тайнами мироздания, познаёт его суть.

С Луной, вечно исчезающей (умирающей) и возрождающейся, связан культ подчинённости цикличности существования-небытия бога Диониса, вследствие чего в лирике Брюсова обозначается мотив вина. Согласно мифу, человек научился искусству виноделия от Диониса. Вызывающий слабое опьянение напиток, считающийся духовным, наполненный огнём жизни, изобличающий ложь и колдовство, вино было атрибутом

религиозных обрядов, цель которых – единение человека с почитаемым богом.

Автор мистических книг, монахиня Хильдегарда Бингенская, интерпретирует значение данного символа посредством аллюзии на библейскую историю, в которой новый сок вина, сотворённый землёй, давший обновление мудрости, произошёл из пролитой и напитавшей землю крови Авеля, поэтому вино, символизируя тождество крови Христовой, органично соединяет в себе жизнь и смерть. Преодолевая силу тяжести земли, связанной с требованиями плоти, вино будит фантазию, реализует метаморфозу приземлённого сосуда в устремлённый к Богу дух. Для Брюсова таким напитком, подобным вину, божественным и наделяющим сумасшествием, сжигающим и возрождающим для воспарения над материальным в сторону духовной сущности мироздания, гармоничного и бинарного в своей основе, является женщина.

Стихотворение «Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!» [14, с. 179] по форме представляет собой сонет, носящий одноимённое адресату название «Женщине». Представленные в произведении репрезентанты Луны («убрана короной звёздной») и Диониса («ведьмовский напиток», «жжёт уста», «пьющий пламя») входят в коннотативное поле биполярного концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, не только удачно воплощающий собирательный образ брюсовской лирической героини, являющейся источником счастья и страданий, божеством и смыслом жизни, но и создающий пафос гимна той, которая, убивая, возрождает.

Будучи последовательным в своей мировоззренческой концепции, Брюсов обращается к социальным проблемам, в освещении которых также наблюдается биполярный концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. Тема города развернула Брюсова к действительности и к социальным реалиям современности.

Принципиальное значение для Брюсова имеет урбанистический пейзаж, отличающийся насыщенностью художественных деталей. Лексемы, образующие концептуальные поля, представляют собой коннотативные парадигмы, создающие антонимичные фрейм-структуры. Город в изображении Брюсова двулик. Фрейм «могила», эксплицируясь лексемами «гроб», «хищные звери», «несытые утробы» [14, с. 177]; «хищный бескрылый дракон», «чёрный митинг», «огненный Разврат», «Безумье, гордость, нужда», «сладострастный яд, коварный змей, ярость слепая», «нож с своим смертельным ядом» [14, с. 515], обнажая социальные проблемы, показывает город, угнетающим человека, несущим ему смерть. Город у Брюсова «является источником главных пороков человечества, которые становятся именами собственными, это краеугольные камни существования города (Злоба, Нищета, Безумье, Гордость, Нужда, Разврат)». [17, с. 231]. Люди в городе невзрачны, похожи на тени – люди-призраки («Словно нездешние тени», «Мы к ярким краскам не привыкли», «Городу»), мертвые («трупы» – стихотворение «Замкнутые»).

В то же время город поэтизируется Брюсовым: лексемы «луна», «вечер», «сумерки», отличающиеся амбивалентностью, обнаруживают свои жизнеутверждающие смыслы, наполняющие пейзаж космосом и умиротворением «Сумерки» [14, с. 450]. Город может представлять другой мир – это мир «ярких красок», динамичный, развивающий цивилизацию силами человека, демиурга и борца. Образы крови и войны обретают положительные смыслы, поскольку воплощают развивающуюся в веках культуру и творческую мысль, побеждающую серую обыденность. Брюсов видит город владыкой земли, созиателем и собирателем культуры, который вместе с тем грозит людям гибелью. Размышляя над противоречиями в постижении культуры грядущей эпохи, поэт

предвидит катастрофу («вражьи две орды» [\[14, с. 259-266\]](#), однако именно противоборство движет прогресс и возводит цивилизацию на следующую ступень развития.

Представитель поэзии Серебряного века, В. Брюсов обращается к художественному воплощению одного из старейших и легендарных городов мира – Венеции, по своей природе связанной с мифологическим архетипом «вода», символизирующими, с одной стороны, источник возникновения всего сущего в мироздании; с другой стороны, уничтожение бытийственных единиц – этих базовых звеньев, образующих парадигмы и коннотации. Всемирные потопы уничтожают одни формы жизни для рождения в недрах воды новых. Двойственность воды обнаруживается в её статусе некоего Рубикона, минуя который Солнце согревает мир мёртвых; в рецепции воды-дождя как благословения жизни и подземных вод, ассоциирующихся с первозданным хаосом; в символике водоворотов как жизненных трудностей и миротекущей жизни-воды; в интерпретации рек, болот, озёр в качестве мест обитания духов; в использовании воды в разных ритуалах и обрядах; в обозначении таинственных глубин личности; наконец, в трактовке воды в составе вина, обнаруживающей двойственную природу личности Иисуса Христа, богочеловека [\[16, с. 95-98\]](#).

В. Брюсов, обращаясь к венецианской тематике, посредством bipolarного концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, полюса которого антиномичны и амбивалентны одновременно, дополняет яркие и определённые штрихи к своей языковой и художественной картине мира. В стихотворениях «Венеция» и «Опять в Венеции» поэт продолжает утверждать идею сопряжённости, взаимообусловленности, органичности жизни и смерти. Данное Брюсовым в первом двустишии стихотворения «Венеция» [\[14, с. 351-352\]](#), оксюморонное выражение, соединяя несовместные «выпукло-прекрасные формы» и «прах», позволяет представить ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ своеобразным конгломератом, внутренняя динамика которого обеспечивает цикличность развития всего существующего, обновление, появление новых цивилизационных ступеней эволюции, триумф духовного начала над материальным. Репрезентанты полюсов концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ создают параллельные мотивы, смысл которых понятен лишь в аспекте их взаимозависимого рассмотрения с точки зрения концептосферы («в формах выпукло-прекрасных», «прах», «душа жила», «чёрные тела», «святой Лев», «жизнь», «человек», «дворцы», «след» «прежняя дерзость и мощь», «смерть») [\[14, с. 351\]](#). У Брюсова смерть является базисом для появления жизни в разных её формах. Пафос прославления человека в стихотворении провозглашает вечность духовного, одним из носителей которого является творческий порыв.

Концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, реализующийся через образ лирического героя, «пришлеца», оказавшегося в городе и почувствовавшего себя в особом мире, играет текстообразующую роль и демонстрирует героя в развитии: он познаёт себя через соприкосновение с прошлым, живущим в настоящем.

В стихотворении «Опять в Венеции» [\[14, с. 529-530\]](#) оксюморонные формулы «пышный прах», «бессмертных прах», входящие в коннотативную структуру концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, создающие кольцевую композицию, возведены в принцип создания Венеции, следующий идеи «синтеза культур» [18. с. 200]. Образ «руины Кампаниле» запечатлевает концепцию возрождения сильной гармоничной личности – модуса идей периода античности и эпохи Возрождения, привлекающих интерес Брюсова. «Руины Кампаниле» становятся сигнатурой, фиксирующей культурный контекст как предполагающий взаимопроникновение и взаимовлияние созидательный синтез, соединяющий бессмертное художественное творчество с жизнью [\[19, с. 352\]](#).

Неслучайно одним из любимых поэтов В. Брюсова был Данте, чьё творчество, по признанию Брюсова, отличалось глубиной замысла, психологизмом, мастерством изложения. В стихотворении «Данте» Брюсов признаётся в своём благоговении перед Данте («Давно пленил мое воображенье//Угрюмый образ из далеких лет, //Раздумий одиноких воплощенье.») [\[14, с. 154\]](#), который стал для поэта эталоном в оценке явлений прошлого и настоящего.

В стихотворении «Данте в Венеции» [\[14, с. 155\]](#) образы итальянского поэта средневековья и мифического города на воде, коррелируя с культурно-историческим контекстом, выступают в роли фреймов концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, благодаря чему поэт эффектно совмещает три временных пласта – прошлое, настоящее и будущее. Именно Венеция, согласно известному в литературе мифу о рождении её из вод морских, подобно античной богине, стала порталом, позволяющим одновременно увидеть исчезнувшее, существующее и предначертанное. Встреча героя с прошлым, представленным великим Данте, психологически обусловлена пейзажем: «каналы, как громадные тропы «манили в вечность», «тени», «дивны строгие столпы», «ряд оживших призрачных строений» – «невозможное чудо». Приверженец описательной поэзии, Брюсов в духе символизма изображает урбанистический пейзаж, монументальный и величественный с точки зрения архитектуры, имманентно-мистически таинственный. Поэт не указывает конкретного дня события, но называет время – «вечерний час». Временная абстрактность, образ луны, связанный с мотивами жизни и смерти, входящими в фрейм-структуру биполярного концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, являющейся знаком совмещения временных плоскостей, участвует в организации дискурса вечности жизни.

Образ Данте, «немёртвый лиц, но просветлённо-страстный. // Без возраста – не мальчик, не старик», является посланником вечности, прообразом будущего. В изображении Данте, подающегося автором в контрасте с толпой, пошлой, приземлённой, погрязшей в разврате, наблюдается вертикальная организация пространства: Данте Алигьери возвышается над толпой, одинокий, поэт-олимпиец, преломляющий в себе силовое поле истории, он верит в величие людей и предвидит в дали времени иных людей, «жаждет воскрешения человека и человечности» [\[20, с. 50\]](#). Так, использованный Брюсовым концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ позволяет, соединив временные пласти, показать неординарную личность, наделённую автором миссией проводника в Вечность, увидеть настоящее – в единой плоскости, одновременно – с прошлым и устремиться в будущее, при этом помня о бренности материального начала и вечности духовного.

Концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ становится необходим В. Брюсову для создания апокалиптических мотивов, ставших рецепцией драматических событий кануна XX века, воспринимавшихся многими роковыми. Несмотря на всем известные победу Бога и спасение человечества в апокалипсисе, сознанием людей всегда владел страх перед возможными испытаниями и бедствиями. В стихотворении «Конь блед» [\[14, с. 442-444\]](#) представлен олицетворяющий Смерть персонаж из Откровения Иоанна Богослова. Преднаменованием апокалипсиса и одновременно знаком миртворения является хаос. В произведении фрейм «хаос», вербализированный и эксплицированный слотами «буря» и «толпа», создает фантасмагоричную картину, полную неупорядоченного, безумного, страшного. Городскую улицу заполняли толпы, быстрые и устремлённые, «Словно их преследовал неотвратимый рок», слышался «адский шёпот», это были «души ... пьяных городом существ». Неодушевлённую часть улицы составляют транспорт, вывески, высотные здания, «прикованные луны», лившие «безжалостный свет». Обе стихии сливаются в одну, создавая трансцендентальный эффект, предвосхищающий

неизбежность грядущих событий.

Появление «всадника огнеликого» создаёт другой хаос – бурю, оттенившую хаос повседневный, привычный, бытовой («чуждый, не созвучный топот», «конь с огнём в глазах», «свиток», «Смерть», «Полосами яркими ... разгорелась твердь»), созданную из ощущений очевидцев коня блед. Брюсов материализует внутреннюю бурю через действия и возгласы: люди, объятые ужасом, «упав на мостовую, бились», «в великом ужасе, скрывая лица, ... взывали». По характеру восприятия видения, ужасу толпы противопоставляется восторг «женщины из зал веселья да безумного» – символов продажности и неподкупности, которые «они поняли истинную мощь и величие всадника, в пришествии которого увидели «мечту» о спасении, избавление от тягот и страданий земной жизни» [21, с. 71]. Картину завершает внезапное возвращение к обычному хаосу бытия. «Буря», образуя коннотации, воплощает физический, духовный и стихийный факторы и вводит действия толпы и всадника на коне в единую художественную картину, насыщенную библейскими аллюзиями и обретшую Вселенское звучание. Дилемму соотношения жизни и смерти автор решает в оптимистическом ключе: говоря о бренности бытия, поэт утверждает вечность жизни как в теологическом смысле, так и в эмпирическом. При этом оксюморонное «Горе! С нами бог!» отражает огромную любовь людей к жизни и волю к ней. Здесь находят воплощение брюсовское мистическое познание мира, его жажда бесконечного, заключённый в нём мятущийся хаос противоречия «ищущей, неудовлетворенной мысли» [20, с. 56]. Мгновенная метаморфоза Вселенского смерча чувств и эмоций людей в повседневный хаос демонстрирует непрерывность, цикличность жизни, её постоянное обновление, зиждущиеся на законе баланса мира бытия и мироздания.

Идея гармонии, сопряжённая у Брюсова с концепцией соборности, проявляется в интересе поэта к античным и средневековым жанрам на библейские темы. Один из векторов тематических направлений лирики Брюсова – культура Германии XVI века, ознаменовавшаяся расцветом гравюрного искусства. В экфрасисе «Пляски смерти. Немецкая гравюра XVI века» [22, с. 356-357] отражены иконографические мотивы мастера гравюр Г. Гольбейна. Ключевым, определяющим структуру стихотворения, основные мотивы, систему образов, идею и пафос, является фрейм «смерть».

Основным является мотив двойничества, воплощённый в композиции произведения в целом и внутри его фрагментов: каждая строфа посвящена конкретному персонажу (крестьянину, любовнику, монахине, младенцу, королю), вербализированная в форме монолога-обращения Смерти к герою, после чего следует призыв к пляске. Повторение «плясовых» частей, образуя своеобразную композицию, создаёт рефрен, включающий глаголы со значением кругового движения («завертимся», «завертись»), с семантикой объятия («обнимать», «обнять», «объятия») – реализуется зрительный эффект хоровода смерти. Семантически полюсные лексемы: «Бог» – «сатана»; «чёрная ряса», «черница» – «чернец»; «свадьба», «под венец» – «могила», «от жизни упасу»; «ад» – «друг», «влюбленная», «веселье плясовое»; «Смерть» – «пляс» – выражают идею равенства всех перед смертью и идею соборности, представляющую собой базовый компонент духовной культуры и менталитета русского народа.

Очень значимым для Брюсова стал мотив пути, движения, сопряжённый с запросами личности поэта, жаждущего новых знаний, открытий. По сути, поэзия Брюсова, как и его жизнь и деятельность, демонстрирует путь учёного, демиурга новой социокультурной реальности, проводника в будущее, борца. В концепте ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, являющемся фокусом поэтического воплощения идеи движения, со временем доминирует полюс

«жизнь». В системе образов лирики Брюсова утверждается образ света в различных его коннотациях: огонь, звезда, пламя и др.

В стихотворении «Уличный митинг» [14, с. 430-431] с помощью репрезентантов образа света («факелы», «не умирающий огонь», «зарево», «в пламени», «пожар»), глаголов со значением свечения, горения («вспыхнут», «озарятся»), в также лексем с негативной, разрушительной семантикой («чёрный нетопырь», «озлобление», «вражда», «жертва ряда», «миг последний», «страшный танец», «темнота») раскрывается брюсовская концепция обновления жизни, рождения другой реальности через разрушение, уничтожение прежней действительности, косной, серой и лживой: «Но из наставшей темноты // Из пепла общего пожара // Воздвигнешь новый мир – не ты».

Говоря о новом человеке, сильном и волевом, поэт обращается к теме викингов. В стихотворении «Царю северного полюса» воспевается торжество жизни над смертью, отступившей перед бесстрашием, выносливостью и волей людей. По Брюсову, именно «варварский» компонент, присущий русской культуре и составляющий её уникальность, способен стать посылом к появлению человека, который преобразует мир и вдохнёт в него деятельную, творческую жизнь. В противовес библейскому апокалипсису, согласно которому на борьбу с Антихристом встаёт Христос, эсхатология Брюсова зиждется на вере в человека, в его неиссякаемые силы и безграничные возможности.

Таким образом, концепты – это языковые единицы, за каждой из которых стоит структура знаний, появившихся в процессе деятельности человека и познания им мира, преломлённых и категоризованных его сознанием. Содержащиеся в ментальности русского человека когнитивные модели, воплощённые в концептах ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, являются базисными в творчестве В.Я. Брюсова. Концепт «жизнь» и «смерть» раскрываются через значения-первоисходы, переносные значения и репрезентируются в авторских коннотациях. Их специфичность заключается в том, что они организуют явление интегрального характера: будучи тесно, неразрывно сплетенными, самостоятельные концепты объясняются через противопоставление друг другу и через установление причинно-следственной связи между ними. Экспликация ассоциативно-коннотативной составляющей содержаний концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, их культурно-религиозно обусловленное единство заложены на идеином уровне философского дискурса Брюсова и констатируют факт образования биполярного концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, единство которого определено пересечением фреймовых сетей его полюсов.

Использование концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ позволяет поэту выразить свою идеино-эстетическую позицию: посредством органического сплетения этих лексических единиц обозначается сквозной мотив поэзии Брюсова – мотив двойничества, ставший источником мотивов одиночества, отчаяния, хаоса, апокалипсиса, движения, жизнеутверждения, при этом воплощается отражающий интенциально мотивированную модализацию брюсовского творчества оппозитивный дискурс, проблемы которого – поиск нравственных и духовных основ, смысла человеческого существования, жизни и смерти, любви, вечности жизни, будущее цивилизации.

Концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ является текстообразующим средством, создаёт сюжет и композицию поэтических произведений Брюсова, отличающуюся особой организацией пространственно-временных отношений, включением реминисценций и аллюзий, соотносимых с Библией и мифотворчеством.

В роли изобразительно-выразительного средства, эксплицируясь на лексическом уровне,

концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ порождает витальные и мортальные ассоциативно-коннотативные смыслы. Важно отметить расширение тезауруса поэзии Брюсова лексемами с положительной семантикой. Феномен bipolarного концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ формирует идиостиль В.Я. Брюсова, являющийся способом воплощения идиолектной личности поэта, и позволяет постичь его языковую картину мира, многогранную, динамичную и эволюционирующую. Очарованный таинством жизни и смерти, Брюсов, в поиске смысла жизни и истины, от декадентского упадничества восходит к вере в безграничные возможности человека, к утверждению бессмертия творчества, искусства, исторических свершений.

В результате выполненного исследования открылась перспектива многогранного изучения творчества В.Я. Брюсова и других поэтов с точки зрения когнитивной лингвистики, а именно посредством концептосферы.

Библиография

1. Краснова Т. И. Оппозитивный дискурс о русском большевизме в харбинских газетах 1918-1919 годов // Политическая лингвистика. 2014. № 3(49). 142-147.
2. Попова И.М., Глазкова М.М. Брюсовское «озарение смертью» в романе Захара Прилепина «Обитель» // Брюсовские чтения 2016 года: Сборник статей. Ереван: Лингва, 2017. С. 227-238.
3. Флоровский Г. Пути русского богословия. М: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
4. Жарина О. А. «Концепт» VS «Фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3(20). С. 43-46.
5. Ожегов С.И., Шведова И.Ю. Толковый словарь русского языка. М: «АЗЪ», 1993. 960 с.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Толковый словарь живаго великорусского языка. Владимира Даля. В 4 т. Т. 4. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 706 с.
8. Библейская энциклопедия. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005. 768 с.
9. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т.1. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1913. 1120 с.
10. Прохорова А. В. Биполярность концепта «жизнь/смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. 224-241.
11. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т.1. 829 с.
12. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.
13. Бодлер Ш. Цветы зла. М: Наука, 1970. 485 с.
14. Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т.1. М. Худож. лит., 1973. 672 с.
15. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 624 с.
16. Энциклопедическом словаре символов/авт.-сост. Н.А. Истомина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. 1056 с.
17. Хетагурова Д. К. Мифология современного города в поэзии рубежа XIX-XX веков

- (Э. Верхарн, В. Я. Брюсов, Д. А. Гатуев) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 7. С. 2028-2034.
18. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М. Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
19. Новая философская энциклопедия в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 2010. 634 с.
20. Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1969. 352 с.
21. Хетагурова Д. К. Видения апокалипсиса: городская поэзия рубежа XIX-XX веков (Э. Верхарн, В. Я. Брюсов, А. И. Токаев) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 11. С. 68-73.
22. Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 2. М. Худож. лит., 1973. 496 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

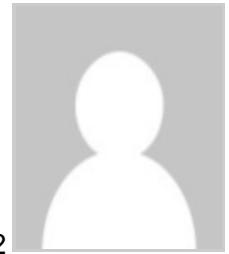
Рецензируемая статья как следует из названия, направлена на анализ специфики и функций концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэзии Валерия Брюсова. В начале труда отмечено, что «лирика В.Я. Брюсова, лидера символизма, давшего этому крупнейшему в литературе и искусстве течению теоретическое обоснование, запечатлела сложность и многомерность такого социокультурного феномена, как период литературы Серебряного века, возникшего на изломе веков и породившего своеобразную культурную природу, язык культуры, многообразие мировоззренческих векторов...». Стоит признать, что подобный акцент вполне правомерен и является конструктивным. Автор обозначает, что «поэзия Брюсова, вовлеченная в заданный «оппозитивный дискурс», отличается доминированием антитезы жизнь/смерть, обусловленной психологическим метанием человека между неопределенными духовными запросами и потребностями тела, и отражает «образ поэта», возникший в лирике, «двойственный и антиномичный». Вероятно, что именно оппозиционный характер лирики В. Брюсова и является доминантным. Отмечу, что работа продумана, выверена, конструктивна. Материал представляет собой хорошее, добротное исследование природы лирики Валерия Брюсова. Привлекает в тексте чередование т.н. теоретического и практического блоков. Должный информационный грейд выдержан: «Семантика слова смерть также представлена в нескольких семах: прекращение жизненных функций организма, его гибель; прекращение существования человека или другого существа; уничтожение чего-либо. Переносное значение не менее полисемично: «Политическая смерть. Умереть своей смертью. Вопрос жизни и смерти. Устал до смерти. До смерти всё надоело. Смерть люблю поболтать» и др.». Основной функционал концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ у Брюсова обозначен и подтвержден: автор указывает на то, что «анализируемые концепты образуют единый биполярный концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, выполняющий в дискурсивном пространстве поэзии В. Брюсова идеально-эстетическую, тексто- и стилеобразующую функции». Термины / понятия, которые используются в ходе анализа унифицированы и точны: «В поэзии Брюсова доминирует мортальная лексика, рождающая выразительные коннотации образов тьмы и зла, организующая мотивы распада и гниения, образующая обширный диапазон сети фрейма «смерть». В стихотворении «Облегчи нам страдания, боже!» полюс СМЕРТЬ биполярного концепта эксплицируется наполненностью концептуального поля коннотациями «без лучей и без веры», «холодные щели», «язвы», «гной», «падаль», «могильный покой», «покрывало

последнее». Считаю, что иллюстративный фон полновесен и достаточен; автору важно при этом не только зафиксировать наличие концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ у В. Брюсова, но и сориентироваться на важность смыслового наличия этих т.н. «номинаций»: «В алхимическом мире Луна находит воплощение в образах серебра и королевы. По представлению греческого апологета христианства Теохила Антихейского, являясь наряду с Солнцем носителем великого таинства, Луна квалифицируется как образ человека, в то время как Солнце – образ Бога. Греческий христианский теолог и философ Ориген Адамант интерпретирует Луну, получающую солнечный свет и распространяющую его на всё окружающее, как образ церкви». Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ понимаются расширительно, что и хорошо, «будучи последовательным в своей мировоззренческой концепции, Брюсов обращается к социальным проблемам, в освещении которых также наблюдается биполярный концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. Тема города развернула Брюсова к действительности и к социальным реалиям современности». Работа имеет завершенный вид, методология анализа современна, актуальна. В заключительной части отмечено, что «Использование концепта ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ позволяет поэту выразить свою идеино-эстетическую позицию: посредством органического сплетения этих лексических единиц обозначается сквозной мотив поэзии Брюсова – мотив двойничества, ставший источником мотивов одиночества, отчаяния, хаоса, апокалипсиса, движения, жизнеутверждения, при этом воплощается отражающий интенциально мотивированную модализацию брюсовского творчества оппозитивный дискурс, проблемы которого – поиск нравственных и духовных основ, смысла человеческого существования, жизни и смерти, любви, вечности жизни, будущее цивилизации. Концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ является текстообразующим средством, создает сюжет и композицию поэтических произведений Брюсова, отличающуюся особой организацией пространственно-временных отношений, включением реминисценций и аллюзий, соотносимых с Библией и мифотворчеством». Материал имеет практический характер, его целесообразно использовать при изучении творчества Валерия Брюсова, истории русской литературы. Основные требования издания учтены, цель достигнута. Рекомендую статью «Специфика и функции концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэзии В. Я Брюсова» у открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

(+ 9 - 9)+ ++) 9 : ; ; < ! ; #

! " # \$&&' \$ ()*+\$ - . /
0%1\$*)\$&&%1&2\$%&\$)2)1* 3- 4 5 67789 : ; < =>@AB?CDEFGH@JKLNUJ!HDM?=?DNP)2)1*

! % " # ! ' # # \$
(()) * +\$ % & &# , #)
✉ ./) 0 1 ./2345/+67282

!

! "

"

#

"

#

\$ \$ %& ' ' ()* * + , + - -
% . /) * . + * . 0 & 1 &* % & % %
* ' , + ' . , & 2 % + * . .
, & % & % 1 1 * ' & ' 3 4 ' (* & % &
% ' , * & 1 ' * . % % &) % ' 0 % 5 ' + \$ - '
' 1 ' (' & 1 , % &* 5 * / , &* % 1 , 1 , 0
(' + 6 5 . , - & 1 , % & * , & % 1 ' 6
& ' & ' . * 6 ' - &* & %
(' + + 1 ' 7 8 %%, & 9 &* % % & 1 , % &
(' + % % & 0 %& . . % . * / , % * *

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #
 : , ' 9 * 0 & 1 , 1 , 0 (' + * / , & ' / %% '
 5% ' ; * %% , & 9 5% *% * ' 6
 1 * 0 ' , ' %* < 5 & % . ' / = # , +>6 ,
 1 % 6 1 &*) & % 1 , 1 0 5 % * 5 %%) 1
 & * / , = > ? * 0) 1 , % & & 4* '
 % & % 0 . 6 & , @ . & %% & * ' & 86 % % % &
 & &) 1 % *) ' , & ? * 1 & * * & & *
 %@ %& * 0 ' - , 1 ' 1 , ' 1 , 0 (' + & %% .
 5% . * ' . ; % * % ' 6 & / @ . 1 * / , 6 * /
 , + / 6 % &) , 6) % % 6 & %% . 5% .
 * ' . 0 @ &%) %&1 , \$ %6 ' 6 % % & , '
 1 , ' % & 6 1 , % & * < ') 1 & (' + . % 6
 1 4 ' 1 , % &) 0 *) ' 0 % ' + 61 ' & %5 5% 5
 * 0 ' , + ') % ' 0 % 5 ' + 61 ' & %5 5% 5
 * . A * % 1 - / % & 1 , 1 , 0 (' + %d % .
 1) &* 6 1 %, 0 %& . . % . * / , B - & . % 0 . 6
), * & 1 & , & & / < & %6 ' / 6% , &
 0 - ' , + ' - & & 1 ' % . 6 0 . , ' 0 & 1
 ' + * / ,

% &

& % 0 6 0 & , * % 1 & , 0 61 , % &6% %0 %
 * 6 * ' 6%) * %& 6 1 &* 6 1 * & ' , * 6 &

C ' %& % + * 5 * 5 , 0 % % 1) - & , +
) * 5 . 6 & . - % % ,) % D %
 & % 0 ' * ' 6 & < 5 & %5% ' @ %& - & &6 1 &*
 % 5 % 0 % % & & % 0 56 & ' 0 % 5% 56 . & %5% .
) , . 6 ' ' ; , * & 1 ' * . %d % &) % ' 0 % 5 ' + 6
 1 , ' ' ; , * & 1 ' * . %d % &) % ' 0 % 5 ' + 6
 & % & % & ' ' %' 6 % & % * 5 , 0 5 1 * , 5
 *) & % ; 1 *) ' 6 0 & . %d % & & ' - * % 0 '
 1 , % &* 5 * ' - * 5 ' - 8 & 5 (+ & 1 + %6
 & %d 0 6 1 4 ' * / ' , + 1 1 , * /) &) &*
 %6 - &< . % * . 0 & . % 1 & % , , & 6 1 %
 (, ' * 5 * 0 &) ' * 6 & / @) % 1 , ' 0 & 5
 , * % & % & . ' - * 5 ' ' + \$, 5 % * / %
 * 0 & % %0 % ' % % . 5% . * ' 86 & & / @
 , % & % & % & * 1 & , . 5% . & 5 * / ,
 % * 5 %6)

(\$ %& ' 5 *) & % % . % ' 5 %) % ' 0 % '
 , % %6 & ' 0 % & 1 % ' 1 & , & 0 5 ' + %6 '
 * / , , + 5 5% 5 . E 3 3 3 F 3 3 #3 3 G 2 & / %

(+ 9 - 9)+ ++) 9 : ; ; < ! ; #
 @ 0 % 1 * - *) & * *) 0 %) 1 %) % ' 0 %)
 , % % . , & E3 3 3 G
 ,) 5 % 6 & ' 0 . 1 & * * %6 0 &
 ' . 6 , 5%& & 1) & % 1 - , % * '
 1 , % & * ' . & * H & % 0 6 / @ %
 %6 , & . ? ? | & 6 H \$? . 56 D ? C ' 5 , 6 1 & *
 ' , * & 1 + %6& % 0 &) % @ 6& ' 0 % , ' 6
 % & & % 1 , % & * . 1 , < %& / @ ' & * ' * ' 1
 + 1 6 %6 , & , % 1 & , 1 % , / @ 5 + 1+ 1 & ,)
 % E G
 J %&1 , / @ & %5 5% 5 * . %& % ' + &
) % ' 0 % 5 * % %@ %& 1 *) 0 % * 0 ' - , %6 '
 5% ' ') , 1 + %6 & % 5% . * ' &
 % * ' %6) 6 0 - % & < . 6 , 1 % '
 1 (%& * ' 1 & , 0 ' 6 & , % . 6 %& & ' . 1 % * '
 5% . % & 1 ' %& %1 & , ' % ' / @ %& / *
 & & & , % 5) 5 1 , % & 6 1 5 & %6 '
 5% ' . @ %& / % & * %6 , & %6) 5%)
 1 , % & E G 6 1 %& @ 1 , % & & * ' . E G 6
 % % 1 , % && 5% . %6 . & . * / , 0 , % 0
) #

I ? K . &% 1 , *) * , * %6 & (' *) ' 0 % /
 (' + / % & % & 6 1 ' 1 , 1 % , 5 L% 6
 & - / @ / % 0 % < ' - , % % & ') 11 ' 6 % % & * / @ '
 %, - 6 1 , 0 ' (' * ' %) * %) ' ,)
 M E N G D (' + % ' - 1 , % & * 5
 (' *) ' 0 % 5 % 5 & & % & . %6 ' 5% '
 ; 1 % & * + * / 1 * & (' + / % %6 . 5% .
 * ' 86 0 & & 1 % 6 & 1 ' * %6 % 1 , 0
 (' + 4 0 % ' */ , 5% 5 + * 5 . & %6 0 '
 ' / B* , % - 1 % & * 5 + * . , ' 1 , 5 * * 0 5 &
 %6 % . 1 , % & * (' + % % & 1 .) , & * / , &
 ' / %6 ' 5% ' . 2 * 4) * 1 , % & * & %

*

; 1 * & * # * ' & ' / 1) % . % & N
 5% . =LJ . M6 LOPP QSTM6 LK 5 % , M6 L\$U BUM6 LB , * 1< M6 LI) ,
 ? M6 LA (V, M6 LK4 , M6 LB) : . , M6 % & %6 5 & 1 5% 5
 . =LWQP XTYZ \ QT]P\ YT[]TSY6 L2 % / ' 0 ^ M6 L_TSAB T]RM6 Lc % 5
 & % M6 L; dTSSTM6 L; % 5 * M6 LJ < , 0 M6 Le @ M6 L & M6 :
 + & & 5 & % %. % () (1 + % 0 &
 \$. , 1 ,) & %6 , & * 1 % % + * / & % 6
 & 5% . * / , - % % * / %6) 1 & * * ' *
 * & / @ ' 2 % , + & * 1 , 1 *) ' 5 & % * / , 6 %
 1 , * - & ' / & 6 1 % & * % % & %6 + + % & '
 & 0 * & 1 % % * * / , 1 , % & * % 1 & * ' : *

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #
 %d * & *% ' , %' 0 % 5 1 + 4 % ' * . , . 6 5
 1 , *) D ? E #N # G & , * % 1 , * 5 % % * 5
 %%)) & % 1 & * % , * 1 &) 1 * 0
 % %& , % & % * & 1 , * 5 % A
 * 1 & * % ' * / ' % 0 % . *) &6 & . % <
 1 & , . ' / 6& & / @ & %& + + 6% . * 1 ' % * 5
 %%)
 + #
 f : 5< , * * 5% * ' & % E N
 # G A % ' % & 6 & . % * / % (*) ' 6
 ' (6 ' 0 % %* - 6 * 6 , * 1 '
 * , , 1 * * 5 (' + 5 % 1 % - , * / , N * / ,
 =ghSg i j k mSg6) 6 1 , & , *- % , & + & 5 % - 6 % 0
 + > & & 0 % %&) * B e 0- 4 6 % &<) *) 3
 & =nSg o] ipR , 6 *q 56 , & 6 * 53 * / , (%
 * ' * ' > 1 % , (*) ' =nSg o] ipR r 1 0 5s6 &
 ') * (=0 % 5> ' = * 5> % + * / 1 , 0 0 % &
 */ , +&) , & D & & 1 , / (' + /
 */ , & 0 & , 5 (' N =t[ut nR wR (< 6 * - > 6
 =Y nt[mxS SR]t[6 (* 6 < 6) & , >
 : , * - / * % (+ / ' - % % * % 1 &
 % ' % & % * L7 * & M = & 0 %) % , * 1 &
 1 / % 7 * & 6, - &<) & ! _ ! & & ; % & (+ % 5 % > 6 % * , 1 ,
 < 5 =1 , 5 & % 5 * / , 1 * 0 * & &) &
 Lz & ' 1 , 5 (' M H ' & ' 1 % & @ / % , *
 * *) 0 % % , & E3_G \$ & . % . & . , %
 (' + 1 * / , = > 6) & % = > 6 % % &
) , & = > 6 % . 1 * & 5 =
 > 6 1 % , = > 6 ' % 1 % - , =
 > 1
 2 % (1 0 5 1 , 1 , 0 (' + 6 1 5 & & . &
 * / , & % ' 5% ' % & * 5 , + ') % ' 0 % 5
 ' + 6) ' 0 % ' % ' & \$ % & * ' *
 & % * ' % % % ' 5 , % & N H 9 (' + 1 * / , 6 f 9 0 % &
 . % 6 & % 1 . & < 5 & , 6 D 6 6 #6 9) , 6 { 9
 %d % 1) & * 6 : 9 %d * ' 1 % , 6 ; 9 ' % 1 % - ,
) , & * , + 1) & * * / , : & + (& % . 1 % % '
 & * 0 % & & 56 1 , % & * . & < ' * 6 & 9
 1 + @) 0 % ' & 56 % , - @ . - (' + /

 1 % 1) & * < % & * / , & % 5 . % & % & / & 1 5% '
 , + ' 6 . & , ' % & & & 1 5% . & J &
 % % . & 1 5% . * / , 6 % &< . , + ' , * % 5 . 6 ')
 %% ,) % @ % & *) 6 & / @) 1 * / , + N

J 0 @ & % . ' / & & & * / 0 / % 0 / @ % & 6 & / @

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #

4 %*/ & . % */ , f %% 5 1 , % & % *
%& , 6 1 , * 1 & * % */ , / % \$ ') ' 1 & 0 5 , * %6)
' / 1 , 1 , 0 (' + % & * 4 ' 1 & * ' N 6 &)
0 &* % %)* %& ' 1 , * ' 6 & - ' %@ %& * ' %
1 , *) ' 6 % ,)* & ' % & ' 6 ' % %)* %&) 1 , *
1* % * %)

2 %% * ' ') 1 , % & * % 5 , & . ' 1 6
') ' 1 % %0 % , + 6 4* ' . %& ' - , % 5
* 0 ' %& ' 2 %% ' & %@ 5 1 1 , 0 * 5 % +
1 , % & & 4* ' . % & %0 . ' ' 1 * % -)
') ' 1) + *)

\$ % + . 6 1 % . % & %)* %& 6 5 * 5 1 , % &
1 , 1 *) 1 , < %& & & %') % & N
! 7 , & * & . % & %0 . 6 & * / 0 . & % % &
& % & 5 * & / @ . % ' & ' 1 , * - ' 6 1 , % & ' -
' 7 f & A * & ' 0 / 60 6), % & %0 % & %
0 % / & % & 6) ' 1 , * / %) + 5 ' - , ' 5 ' 56
1 , % & 1 , 0 % 1 & * % , & ' 1 , ' 5 E N G D%6 , &
- 1 * 6 0 & & . % & %0 . ' & *
0 ' % & % *) % 1 & E N G H ' ' 6 , 1 * *
(' + & % 1 % , ' ' % & & & N"
\$ < ' ' * (% & % + 56& . , 1 * *
(' + * / , & - %)* %& ' 1 , * ' 1 %@ %& * ' &
' * ' 1 , - 6 1 4 ' 1 , * % *) % 1 % 1 , * ')
%@ %& *) & % 0 .

: , ' D | & & 5 E N G % * - L%@ %& * |
1 *) * M * 1 & % . ' / - & + ! d__ & H 6 , *
Lf * M & ' / :)%) & % 6 % % & * ') ; \$
I ' % & ' 6 & * / 0 * % , / @ * / , N = &
* & . % & %0 . ' % , ' 5N 1 , * 9
1 , * ' % & ' >6 =& * & .
% & %0 . 1 *) * 1 , < %& %@ %& * ' >
A 0 %& 1 *) * & % % & * ' & & % * / , 6)
' * & < 5 & , N " # ! \$ # \$
A 0 %& 1 *) * 0 @ 1 , < %&
%@ %& * ' 6 (' + . % . * / , 9 /) 1Nf H= >6
f HD # = >6f D #6= F>

7 % * 1 *) * % * / % 0 @ 7 & / % % & 1 ,
= " !
\$ >6 ' % 1 % - ,) , & 1 .
= >3 , + 6 & ' 0 %) * 6
+ 1 1) & * * / , 1 1 * / , = ! "
>61 %, 6& 5) & % * % & % * / , = !
! \$ % > D (' + & % + . 6 & % % & .
& , % * 1 *) * 6 1 , % & * & % , / @ ' 1 , N D: = >

)

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #
 : D = >6 HD # = F > HD = >6 HD # = F > H; D => \$, & % & . & .
 1 , % & * % , / @ (' + % + ND: = > : D = >6 DH = > HD
 = >6; H = > H = >
 J & % % * ' 1 *) * ') % * & % 1 , * - 1 , -
 % + = " > % 0 % @ % & * . % 0 ' =
 >6 1 , / @ - (' + / V% & % % & % + ' %
 %) * % & %) * % & 1 , * 6 % @ % & * 6 % @ % & /
 (' + / 6 & % 1 & 5 = \$ > *
 & 5 1 + 6 % 1 1 & / 1 + / (' + ' % 1 % - , *
 % % & * / , = ! % #
 " >
 V% & % % & & &% 0 / % % * 1 *) * . 6 0 @ &%)
 0 % & 1 *) * 1 , < % & % * ' 6 & - / @ ' *
 % @ % & 5 * 1 % 5 1 E N F G H ' 6 (' + & % 6
 ' * & < ' & , * / , 0 1 , < % & % & , ') % % & = DH
 ! = >6), % , ' = HDf
 = >>
 J % % 1) & * * / , &) * 1 *) * 6 1 0 % *
 1 0 % 5 : 0 % & * * ' . &%), % , /
 1 , * ' % & ' = >N \$ \$ &
 () (=& > 1 + % * / , / % & ' / &%), N
 \$ & ! #
 J , , 0 1 0 % - % & % 1 % 1 , * ') % &
 H{ 6D{ = >N #
 A), & & * / 0 & % %) * % & 1 , * 6 & - , 0 '
 1 0 % ' 6 %) * % & 1 , * 6 & - 1 , * - 1 , - 5
 % + 561 , % , & ' 1 &% , / @ 5NL1 0 % 9 1 , *'
 % & 9 % @ % & * % 1 , *) ' M9 \$:
 ' ,) 1 , + 1 ') & % - % % 1 ' ' 6
 % & % & % * 0 ' () (0 % . 1 + . < & % .
 ' /
 \$ + * ' % & 6 % @ (' + / % % 1) & * * / , 6 & %
 1 & 5 1 + {D # = >6 & 5 1 + D{ = >6 D{ : D = >6 D{ : D
 = > * 5 1 + f D {D = >6; D {D # = >6 D{ : = >
 (
 J * 0 % & % 6 ' ' / % * / 1 , 0 * / % + / 6 & 5
 , 1 * *) 6) , 6 & % % @ % & * % % 1 ' @ /
 % @ % & *) % 1 , *) ' A % + 1 , % & * / % 5 1 , &
 , + 6 & . 1 % 1 , * - @) 6 & / @) 1 * / , 6 %
 & % 1 5 0 * 6 & - 5 1 , * - 1 , - 5 % + 5N!
 # ! & ! @ % & * !
 = 1 , - 5 * ' . * % & * - ' , 1 * ' >6 = 0
 % 6 1) & * & % + * 5 1 % , > & / 1 * / , 6 , * % ,
 , 1 * *) , & (' % @ % & * . & & * '
 1 , - % 1 , *) ' % D D 6 HD = > * % & 5 % % & * / , & ('
 % @ % & * . & , * ' 1 , - % 1 , *) ' D D 6 HD = > \$ 0 % &

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #
 & %' 5 (' ' - - & % 1 %@ %& * & , * ' 1 , -
 1 , *) & 0 (& N % \$ D D 6HD=>
 A % + % 1 , * - ' 1 , - ' %, - 1 %, 6 & 5 * / ,
 * 1) &* N D: =>N ! : 1 %, & ' -
 % + % 1 0 % ' 3 & ' % 0 (' + 1 %, D{ : =>N
 1) &* &%), 1 , < %& (' + 1 %, D{ : =>N
 ! # : , % & &
 % & % 0 . % %& / 1 &* 1 , * 1 & * ' %%) N
 & %' % & % & % 1 %)* &) EN G
 \$ % + . 6 % % @ . % * . & %' . (' 6 , * 5 1 , - &
 0 (& 1 , < %& (' ' & *) & ' & ' 0 N
 ! \$ #
 ! = & 6 * & 9 &
 1 % %> V% & % % & * / , & , ' % 6 & @ 6 (' + ' % .
 %% &* / @ . , % < 6 1 % , ' ' % % *) % & % % = >N
 \$! &
 7 * 5 1 , 1 , 0 (' + & 1 , . & . NHD = >N
 ! & ! # 7, 6
) & * % & < 6 & . % 0 . 6), % % &) , & , % %
 1 ' @ / 1 *) *) 6 1 , 1 , 0 (' + 5ND HD # = >N &
 \$ # " \$ ' -
 ,) 5 1 , HD= >N!
 \$
)
 \$ * ' . , % * / % 0 6 & 1 *) * . 1
 ' , * L1 | % & | M J 0 % % & ' & ' &
 % * 1) &* * / , NWb =>D (' + , 1 * * .
) , . & % 1 % , 5 1 + NWb D D => !
 ! 6 D b D # = >
 % WD b D =>"
 ; % 1 , * 6 & -) ' ' % & ' 6 %) 1* N
 1 , * % 1 % , %& 1 % 1 , * ') % & 6 0 6 % @ &
 + % + 6 % % . % + *) : % & 0 6 '
 ' 6 ' 0 + *) N 6 & &
 ! ! 0 60 * / , 1) &* & , + . % 0 % 5 .
 &* % % ' 6 & ('
 1 % * % ' 6 0 1 % 0 % 1) &* * + 1* 6
)
 J ' % ') & - %)* %& 1 , * 6 &%),
 1 , < %& / 0 / 7 ' & ' * 0 & 0 . % + 5N
 %)* %& 1 , * 0 @ & ' % 1 % - ,) , &
 = >6 1 , * 6 & - 0 ' 6 9
 , + / 1) &* * / , =
 >
 : , % & ' 1 * 0 , & * +
 * !

(

(+ 9 - 9)+ ++) 9 : ; ; < ! ; #

,

	J 0 *	, 0 %	A +
7% & 5), * 1 */ , F	H D = > H, D = > W D b D = > HDf = > H{ = #> Wb = > D: = > D{ = > DH= > D{: = > D {D = > D { : D = > D; { : = > D D 6HD = FF> D b D #= > }	D HD # = F > ; HD # = F > f D {D = > ; D {D # = > f DH= > } ; H= > f DH= > {D # = > }	f H= > f HD # = > f D # = F > : D = > DH= > ; H= > f DH= > {D # = >
f % */ ,)) , &	f H= > f HD # = > f D # = F > f DH= > f D {D = > }	}	HDf = > }
B 1 * *) ,) #	}	}	D {D = > D { : D = > D D 6HD = FF> D b D # = > W D b D = > D HD # = F > f D {D = >

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #

			; D {D #=>
			{D #=#>
			}
1 % 1) &* F	{D #=#> } D {D = > D { : D = > D; { : = > f D {D = > ; D {D #=> ##}	D{ : = > H{ = #> D{ = > #}	
: %, #}	: D = > #}	}	D: = > D{ : = > D; { : = > F }
; % 1 % - ,) , * , + 1) &* */ , #	; HD # = F> ; D {D #=> ; H= > }	H, D = > D; { : = > D bD #=> WD bD => ##}	Wb = > } }

\$ % & ' 1 % , & * % 1 , % &* (' + % &*
% % ' % % 0 %) % % %) % & % 0 6 1 & * '
) 0 1 , * - 6 %) * % ' & 6 * % @ % &
, * + 1 (' + & % & < / @ 5 1 + & % +

A 5% 5 &* % ' * 0 %) % 6 1 4 ' 6 & * 0
%) 6 * , (% & ' 1 , ' % & 7, (' &
% % 0 % . ' , * 5 & 5% ') 0 *) ' 0 % '
1 & * ' 6 % 8 & ' - * ' */ , 5 * 0 1 , 8 & /
(' + / 6 0 1 & *) & @ ' 1 < @ ' & . % 0 . % 1
%) . ' E G \$ 5% ' % & ' & 0 * 6
*) & % 0 % 1 % 5% 5 ' (*) / % 1 , % & * .
% .) ' 0 % . % .) 11 % & N % % & 1* %
1 , * - % % & 1 , * 5 0 % 0 & ' - % . 0 % 0 .
1 . , & 7 1 %) ' 0 % . * % & % & & 5% '
, 0 < 5 % 6 ' , ' 1 % 1 % ' , * 5 6 1 , % & * . &
V B A & * & D 2 A - & & E G 1 , * ' 6 & 5
1 % , & * % 1 , % (' + * / , & 5% . * ' . & .
1 & 0 .) ' 0 % . ' . & % ' / 4 (' + / % * % 6)

(+ 9 - 9) + ++) 9

2 % 5 5% 5) & 1 * 0 ' % % 0 % ' 1 & * ' 6 & '
0 % 1 & * ' 1 , % & ; & * % & & < ' 1 & 0 ' * % .
5% . & 5 6 1 % , %& &* / @ 1 , % &
% & & (? * 1 % % 0 % 5 % & & % . * ' .
' 1) % % & 5% . * ' & 1 & * * ' % , * % (+ /
(' + . % & 5 * / , % & , + 1 *) 0 % .
&

A ' 0 * % & < 6 % , %% . * ' & ' - &% , % &
' & 6 6 , 6 & ' / 0 % * / % % * 0 '
0 / @ ' % & ' , 5% . * ' & , ' 1
- &% 0 / % : 4 ' * ' 6 % % @ , & .) * (&6 ' /
(% & 5 1 , % , & ' 1 & ') & % ' % ,
+ * N =QyS Y S6 & >6 =Rj wE 1 * ' > H ' &
1 , % & * / % 5 @ & 1 * / , => J % & 4 .) * (& ')
% * , & % * ' 6 %& , * %& / @ % % . 1) &* 6 & .
) , ,

;) ' 1 * ' ') % % 6 %)* % %%, & / V B
A & * & D 2 A - & & 61 & 56 1 * & 5 1 , & 5 ' , *'
E N## ## G 2 % 4 ' , * , *

+ !

\$ % & % 0 . 6 1 % . 1 1 % 5 & 5 ' , * 6 ' - % , - %
% & . % */ , 6 & % (' 6 ' 6
' 1 6 % * 1) & * */ , 6 , & %) 1 * - * + : ,
% & & % + . 6 1 % . 1 4 5 ' , * 6 f H * f D = >N & [~S € Y
mt [\I6 % 56 % 56 (* % * ' >3 =>R, oR[f i j 6
11 56 , % " 1 , ' - ' ' 6 1 , * &
5% ' 1 < % & 1 * ' ' % &

7 % 5 1 1 , % &* / % 5 * ' 6 %, - @ (' + / % %
1) &* * / , 6 { D = > N = w Q u f g [6 = - 6) > J %
6 0 &, % & ' 1 &, % 5 1 & 5) * (1 , % &*) *) * ' 6 6
) * & ' 6 1 , (' + / 0 % & 1 , =-) >
*/ 1 , * & 5% ' 1 , < % & 1 , * ' ' % & \$ %%.
* & . % & % 0 . 6 ' 0 * % & < 6 4 (' + ' -
1 , % &* 1 % 1 , * ') % &

J %d % 1) &* ') & % & %0 6 1 % 1 % - 5
& 5 ' , * \$ 1 & ' 1 % - . & . % + 5 0 %
(' + %d % 1) &* */ , f { D = F>N =>n!Sg mxS ZpSg]t[6
0 % 6 % 1 1 &6 & 6 >6 =>g-S wQ€ • k6 %. 6
- 6 (* >

\$ & ' 1 % + 5 , % (' + 5 % % 1) &* 1 , %
 * 1 , (' + % % & */ , D { D #>N =m t kRj • j Zy6
 ' & 5 1 + 0 * 6 1 0 6 >3 =I. Qf Sg \ Qt mxS SRy S S6
 ' 6 < 6) & - & \$. % 0 . 1 , % , &
 ' 1 & 1 . * % . (0 % ' % % ' U f 5 & - . 6

(+ 9 - 9)+ ++) 9 : ; ; < ! ; #

0 L%) & % % 5%) &* / % % & % &6 -
% % & % 0 5M E G A * 0 %& %) && % & & + & N!
" = [€S .R Sg • j Zy6 ! " 0 % = %) >6 1 0 = %) >6 = %) > >
: , % & (% & 5 1 & 1 * - 5 1 ' & %%. . % + .
1 , 5 (' + 5 %

\$ ' 1 % + 5 , % 1 %, 6 & 5) & * % * / , |
c +/- % 6 0 % @ % & * * ' % & % 0 6
. / @ , 5% & =& * / 0 % ' ' * >6
0 / @ & ' ' % 6') % - % * % & ' E N G 7 % * % & 6
%) * % 1 & * ' 5% 5) ' 6 0 @ & %) % *) / % & 0 *
% + 6 ' 6 1 , 1 , 0 (' + ' - (' * ' N
: D = >N# \$ = Q g[h mt[# 6#) < 0 6 \$ (>6# = Q g[h ZpSg
]t[• f i j 6#) < 0 6 6 , %

\$ & 6 & / @ 1 %, 6 , ' - & * / 0 % % & %
1) &* N % = R i S \Qj SR]t[6 % 1 = % 5 1 - 0 5
1 & . % 6 &% & 5 & % * 6 % & % 5 & %) \$ % 0 5 ? >6 - 6
) &, > % ' - 1 , & % * % & 0 = 5 Š 9
1 > V%) * (6 & / @ 5 % % 1) &* 6 1 % % 6 %
& % 1 & 0 % & 1 , * =& , Š 9 1 > J & < '
' * & & % 0 / %

\$ 0 & ' 1 % + 5 , % 1 % - , * / , 6 & 5
) * (' - & 1 1) &* * . % & % N b { D = >6
b f D = >N & = ZpSg wCh[\Qj ES6 &) , 0- 6' - 6 % 3 () *
= Qf Sg n t Sg • R Sgu R Sg) , K + 6) . * , 56 * * 1 < > \$ * 0 % .
* ' & 6 & ' % & %), % & 0 *

J 1 & 0 5 , * % 5 0 & 5 * 1 , 1 , 0 (' + ,
1 & , ' 6 0 , % & 1 & , & 6 %, - @ * % ' 6
& / @ / % % 1) &* * / , 6 1 , % & % 1 & , 0
1 (% * 1 % ' 1 1 0 5 , * %) ' , * L% 8 9
, 5% & 9 1 , M \$ 1 & , . * / , & / & < 6
% & % 8 ' ** + & 0 & . , & + 5 & % ' %)'
H 6 + = mt[i €S g-S \Qj Zy6 + (% * 6 % . 6 - 6 >
1 & , % , - ! . 6), % 9 ' & (' - % &)
0 % & @ % &) % @ % & *) 6 1 & 0 6 ! 9
% % % ' % & 8 ' 0 (' & *) 1 , -
' - % &) 0 % , < & *) % @ % & *) B) 1 ' & .
1 & , & D 1 , N, ' - = Q p \Qj mt[kRj 6, % * 6' - 6 -
(% * > 9 / & % . / 0 1 2 = g ± • j w Q E o R o p R . / % 5
% 6 1 0 6 0 1 2 % < > 9
= 1 , % E G >

: , % 1 % % & * ' / % & , * % & / 1 @ 5 1 & , 0 % 5
%) N 1 ' 1 & , 0 ' 1 &) * (& % ' / % & % & % &
% 1 & 0 ' 1 , ' % & & % ' & 0 % & % 8
1 & , % % @ % & * & ' * ' 1 , - 6 &) 11) * (&
& % ' % 1 , 1 & , % % ') *) * ' 6
* / 0 *) * (% & & / % 8 1 & , % % @ % & * ' &
1 + 1 ') , 1 * e % & 6) 1 @ % ,) 6 &

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #

* % , % 1 & , 6%, - @ 5 '' & 0 ' / <

(/

Ž ' * 0 * 0 % 5% . * ' & = > ' - 1 , % & *
& 0 % & % + 56 1 % . 1 1 , & 5' , * 6), 1 & 5 ' 1
& 1 & , * , 5% & 6 & 5 9 , 5% & 6 1 % , 5 9
) , * 1 */ , J & 3 4 =m€ u ~ • p nR wB < 6 4
- 6 * - > ' - 1 & , 0 ! ! ! .
* , 0 ! ! = 0 61 , - 6 ! ! >M

A & * % & < 6 & 5 * . % % . 1 , & . % + . 1 ,
% & % & % & 1 , % & * ' 6 & % + . % 1 , * ' 1 , % &
5 = 8 9 , 5% & 9 1 & , * , 5% & M 7 ' 0 * 0 1 & ,
' 6 0 1 1 & , 0 1 (% % * 1 & , 1 , & 1
1 ' @ 1 , & . % + 5

: , & % + < 0 & / & ,) . 1 & . & 56
%, - @ . (' + / % % . 1) & * N 5 6 7 8 =€ QpSg Zx m€ kRS
kRj 6 = 5 * % 6 6 7 &% 0 % = 7 * & ' (' > 8 1 + > & ' /
1 & , , 1 ! . 3 5 9 ! : =€ QpSg €R\QESg \[€S YpB
5 * % 6 9 1 */ = 9 * & ' (' > 6 ! : % * 0 % >
1 & , , 1 ! ! . B % & 1 & , ' (0 %
& 6 1 & 0 , * % 0) 0 * & 6 & &) % . ' <
& % / (' +

) 1

\$ & . * / , 6 1 % . 1 1 * & 5 ' , * 6 - % * +
% ' & N & + *) 1 , % & * % 5 % 0 5 % & 6 & , @ . &
' 1 * % \$ < ' ' * 1 , % & * # 1 1 * & . ' 1 * % &

A % + 1 &) 1 % % , & . % @ % & * . % , - (' + /
) , . D D = F > N; < = > hSg]vS Zx u 6; < , & 5 . 6 = > > 6 ? @
= W]pS ZpSg]t [6 ? @ ' 6 > D (' + % & ') ,
& %), & % 1 % , ' ' %

* , & 1 ' & 5% ' 1 , % & & & , & *
% % 0) 1 % * % 5% 5 . \$ 6 1 & , 5 % ,
% * 5 %) , * = & > 6 % ' , * - *
& & 1 % ' 1 , % & * / % & % * / , LC % 5M = 5
& 1 & , ? @ = W]pS ZpSg]t [> 1 , * - & ' / LK (* M & :) > N
0 * & %) * 1 , * & % * / , 6 ' NL: 1 & % 5 •
4 % M6 LA , • 4) 6 % , 1 4 ' & / MB L * 5
& % & % M6 LH & % ' % M

A ' 1 & 6 & / @) , 6 ') % , - 0 / @
. % 6 & ' 0 % & % 1) & * ,)
) , & H 1 0 5 1 , 1 , 0 (' + ' - (' * 5ND { D
= > N ' A = J. QfSg \ QfQj K m€ S6 ' 6 ' - 6 A 5+ > 3 8 '
= kRS kRj < Qj SRy]t [& 1 + 6 ' - 6) & , > \$ 5% . * ' . 6
& * 0 % . 6 &) & % , 1 , & ' % &)
) ,

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #
 \$ 5 1 1 * & . ' 1* %& %, - # * %@ %& * . 6 1 % ,
 . &%;), & 1 */ , D D H = >N A = J. QfSg \Qt\K mES
 Y-Sg6 ' 6 A 5+ 6 %1>30 3 B C =wQOE[t[m€\hSg i ~j wR0 %& 63
 B * 5 * 6C + 9 % 5 &, 1 - &61) &* . 1 >
 H 5 1 %% , & . * . %@ %& * . %, - (' + /
 % & .) , . */ , 1 %, 6& 5 * 1) &* : , % &
 &, ' % 0 ' - ' N: D = >N# * \Q g[h SRy]t[u RES6
) < 0 6) &, 6 * * 1< >6 D: = >N =nR wR i ~j 6 * - 6
) < 0 > B & * / % & ' % + ' 6
 & / @ ' 1 1 %, %& % 1) &* */ , 6 & * 0
 (' + 1 %, ' - % & + % + J % %&1 , %
 %& ' 1 , ' 1 , 0 (' + =% ! >6 , % & 5 1 & ,
 % + 5 D: & ' - 6 & %& . & . &, ' % 0 *
 1 , * - 1 , - % + 7 ' ' 6 0 , % & 1 & , & < '
 ' * &% 0 * %
 H ' ' 6 1 % , & * % 1 , % &* (' + & 5% .
 * ' . & % & ' % &*) ' 0 % ' & '
 : , % & ' 1 * 0 , & * +
 * ! (,

	J 0 *	, 0 %	A +
7% & 5), * 1 */ , #	D: = > } <td>D D H = > }</td> <td>f H * f D = > {D = > f {D = F> D {D = F> : D = > : D D = > b{D = > bf D = > D D = F> D D H = > }</td>	D D H = > }	f H * f D = > {D = > f {D = F> D {D = F> : D = > : D D = > b{D = > bf D = > D D = F> D D H = > }
f % */ ,)) , & #	f {D = F> FF}	bf D = > }	}
B 1 * *),)	D {D = F> D D = F>	}	: D D = > }

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #

	D D H= > }		
1 % 1) &*	{D = > # }	f {D = F> D {D = F> b{D = > }	}
: %, #F	: D = > : D D = F> F }	}	D: = > }
; % 1 % - ,) , * , + 1) &* */ , F	b{D = > bf D = > }	}	}

: * 0 , 1 & * / ' % & (' + / % * ' &
& %& ' 5% ' . B 1 , % &* & * + #
* !)

+ &

	J 0 *	,	A +
7 % & 5) , * 1 */ ,	2 %& 5 } A 5% 5 }	} } }	}
f % */ ,)) , &	2 %& 5 } A 5% 5 FF}	} } }	}
B 1 * *) ,)	2 %& 5 } A 5% 5 }	} } }	}
1 % 1) &*	2 %& 5 } A 5% 5 # }	##} } }	#}
: %, A 5% 5 F }	2 %& 5 #} } A 5% 5 F }	} } }	F }
;	2 %& 5 #} } A 5% 5 F }	##} } }	
1 % - ,) , & *, , + 1) &* */ ,	2 %& 5 #} } A 5% 5 }	} } }	

```

(+ 9 - 9 )+ ++) 9 : ; ; < ! ; # 
: * 0 , 1 & * / % * & & ,
>: , % & & 1 , & * / @ ' * < %& 5% . %% . * ' &
1 * % / 1 & % 6 & %% ' 1 , % & * * < ' ) 1 &
( ' + . %
>: , % & & * < %& 5% . * ' & ' * 61 , % &
& %% . % + . % & * % ) ' ) ' 0 % ' & '
#>$ %% . * ' . ( ' + 1 */ , * % & ' ) , 0 @
&% ) % & 0 * * ' 6 & , 1 * * . ) , & ) &
&% ), % * - & + 6 & 5% . * ' . 1 , 1 , 0 ( ' +
1 ' 1 & 1 * - 5
>$ 5% . %% . * ' . % & 6 1 % & / 0 % &
. % * / , 6 - ' % 1 % - , * / , 0 @ &% ) %
& 0 *
>$ %% . * ' . ( ' + 1 %, 0 @ &% ) % * ) % & +
& 6 & 5% . * ' . & 0 *
>; % * %' 6 & / @ 5 %& % 1 ) & * 6 & %% . & . * / ,
( % & 6 ), & 5% . & . , % & % , * '
- &
J < * 1 & * * , % 0 1 % & * 5 + * & & * % @ % &
* 0 ' - , 1 ' 1 , ' 1 , 0 ( ' + & %% . 5% .
* '
; - * 6 0 ( ' + % 5% . * ' . * ( % & 1
& % ' * 0 : , % & & 5% . * ' . * ( % & 1
% & / % % ' 6 * %' 6 & / @ % & ) , ' % .
1 % - , 6 %& % 1 ) & * 6 1 %, 6 ) & 5% . %6 .
* ' . % , / & * 0 ' 1 , : , % & & * ' . ) 0
* ) ' 0 % ' 1 & * ' 6 * 0 ' , + ' ) % ' 0 % 5
' + 6 1 ' & % 5 5% 5 * . B - & . % 0 . 6 ),
* & 1 & , & & / < & %& ' ' / 6 % , & 0 - '
, + ' - & & 1 ' % .
$ & * * 0 % & % 1 0 5 , 1 % % & * ' /
% & % 5 . 1 ( %& * ' 1 & , 0 ' 1 . & %
% 0 ' * ' : 4* ' 5 1 & , & 5 & %
1 ' * ' 6 % % & * ' / % * < ) % & 1 % . 1 ' * .
1 5 1 , 0 ( ' + * / ,
7 % & & % 1 & , ' * 6 1 , % & ' 1 0 %
' , + $ %& . * ' . 6 & / @ . 5% * / , 6 + * %
1 , % & * ( ' + / % & ' ) , * @ ' 1 * / , & 0 * 6 &
1 & / 0 , & . % 0 . 6 ), & & & * / 0 %) * % &
1 , * B* % . % ' 0 % 5 + * % % * ' ' %
1 %, 6 & 5 ) & * % * / , 6 , * - 1 * & + & :
% % 1 ) & * * / , * 0 < % * & % + %
1 0 % ' 6 % * - ' 1 % 1 , * ' ) % & 3 % * &

```

)

```

( + 9 - 9      )+    ++) 9          : ; ;       < !     ;   #
& 5 * 6 1 % . 1 1 , & 5 ' , * 6 * 1 , 0 '
: % * & . . % & 6 1 % & / @ 0 % & . % * / ,
& / @ ' % 1 % - , ) , & 6 0 % % & 0 * 6 '
1 , - % , & & 1 & , 6 0 % . , , * 1 ,
1 * 1 , % & * / , 7 % & ' , + % & & % 0
& & * . & . , * * 0 56 0 1 , 0 1 , % % & * / @ .
& ( ' * ) 1 & % ( ' + * / , % & % &
&* ' 1 % * %
```

```

$ f 2 %& 5 1 &, & 5 5% . * / , & %& % * 5
' + $ % A *' + ) ) % U & % F ^ FF
$ * 0 ? $ A ) ) ' 2 %& 5 % 5 ; % &% 5
) %, %& 5 & % ' ; $ I ' %& F \
# B , & J $ { % ' 0 % ' ( %& % & - + &
+ ' $ % ; % ) ) %, %& ) * ) & % 0 % )
& % NŽ * * ) ^ = > ##

B & ; e { % ' 0 % 5 , % %& * . 1 . 1 &% , & %
J D% %& A * ^ = > #
C & H ? 6K- f : + 1 ' + < 5 & 5% ' K * & &
' * ^

A & * & V B 6A - & & D 2 7% % & 5 * / , & % . ' /
5% ' =% %' 0 % 5 1 )' 0 % 5 1 , , >
Ž * * ) 0 % $ 1 % 1 H ' & F ^ =F > #
###

A * & 7 ? 6f & ? : , % && %& '
I ) & , 0 % 5 %& ; N2 %& 5 A % F \
F A ) * & H ? 6K %& LA * 1 * : , % 5MN 1 +
1 & , 0 % 5 < %& % % , & 5 < U * % 5
( * * ) 0 % 5 & % N % ' I 0 % I ) & % &
^ #
```

A < & ? \$ c % * N %* L7* & M J & *

I & & D * & 1 @ %& 5 D I & & :)N?& * |

? * %& 6 FF \

• &0 & D { 6: & * & ? \$: & , 0 % 5 *) & ' N1 ' * ' <

1 %') 1 & , ; NŽI DJH?

5 7 1 , % && %& ' & ' % & % 0 =1 ,

) & 5 0 > 2 %& (*) H NW]Y ' •Rj j •R

F

D ? 62 , & ? \$: % . *) & % 0 % 0 % &)

1 % D ? 6? \$ 2 , & I '

/ 7 6 / : J 1 , ' % %& % 5 . 7 / 6:

/ ? H # FF \

f < D 2 % ' / & 1 & , 0 % 5 1 % & ? *

1 * ' (* *) 1 ,)) 0 % 5 *) & % ^ #

K . &% I ? : & , % % & % I ? K . &% ; N

; - , < 6

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #

K- A & 1 % 1 , % & & %% ' 5% ' .
% ' + 1 1 & , { ' 5 & N(* *) 6
& % & , ^ #

F QPS! 6' PS" 6" R " 6••[u [\ • 6• Rg RQTS - -YPSYR S Y QSP\ P u PS[\ , RQ
u PYT•Q]RT•j] u PY Szu R STu P\ N-S PZP u j ` Pu PSY•Ti P..P]R] PSY _SYP]STYR ST•
+ []ST•j # " j \ • RT•RZ b TSTgPu PSY ^ F =_S~Sg•RQ>
f : + *) & % 0 % %% , & & 5 5% . */ ,
& ' ^ F # #F E DE FGHIJKL MNOP Q
R ^ F # #FG =_S QSP\ P>
" [j 6-Rj " 6 TSg -S~u • RRT• O[mZ j # j]•[\ -•••RTYR S RS YQP WPT•QSp g j #
~ Sg•RQ]RSp g]PTYRP ~ m\ TYR S ^ TW =_S~Sg•RQ>
I c D%& , &) & . % & 1 , ' % @ %& * . &
L & 5 */ , M A * 1 %& * % ' * 6 ^ F
E S T U SHI V F I WJ XYZ [P R\] ^ F G =_S
QSP\ P>
I c 7 1 * 1 - q . ' % ' 5 & 0 %& 0 5 œ *
0- %) & % F# ^ # E S _ a b l c d e ! &
3 N N " 6 F# ^ #G =_S QSP\ P>

" Rj " - j]•[\ i T\ Pm\ Y[mZ j # i]TRPmmRQP RS QSP\ P ~ Sg•RQu PS[\ TW j \ PPm RSg\ j # YQP # Sm TW R -\ RT j S\ P]PS\ P j S • TSg[TgP6 RSj]u TYR S TS\ j u •[YT\ SN YQ k RSy, j]•\ Q • j S • RSg[RYR\ TS\ • TSg[TgP • j]P\ RSg F =_S~Sg•RQ>
" RO - j]•[\ i T\ Pmu [• Rj mT• T••]j T\ QY YQP YTS\ • TYR S j #]P\ YT[]TSYu PS[\ TW]\ P\ YRP\ TW = > =_S~Sg•RQ>
OQP\ QPS\ j d • ' PT•R\ TYR S j # j mT\ T\ j []P j # QPT•YQ j gSRRP u j mP\ []PSY _\ [P\ RS TW Q\ j gZ TS\ T\ Pm\ Tgj gRT• RSg[RYR\ TW F =_S~Sg•RQ>
Uf *) & (& 5% ' % & & & % 0 %)
0 &%& œ * J %) & % # ^ # F B g h
V i J j \$ k l m\$ n o J p q h r 3 N N " # ^ # FG =_S
QSP\ P>

K- c 1 % 1 + 1 1 & , 5% . & 5 */ , %% 5
D%& , & 0) 1* # # Es %& F t H I J u ' v / w x (y) z N* { \ | O P # # G =_S QSP\ P>

+ # #

2

: , % &* %% % L: , % & & ') ' 1 .
* ' . %) 5%)) &* & % (' +
*/ , M6 1 , *) ' 1 * + & - * L\ Z * *) N 0 %% , & M6
%' 6 &* % * 56 && , & % / @) % 0 /
5%) * & < 5 % 6 & ' & + * '
2 - , % & ' * , & . & 9 %%) 5%)
\$, 5 % * / % * 0 & % % 0 % ' % %% .
5% . * ' 86 & & / @ , % & % & * & *
1 & , . 5% . & 5 */ , % * 5 %%)
7 ' 6 0 1 , %% , & 6) & / @ * *) 0 % % %

(+ 9 - 9)+ ++ 9 : ; ; < ! ; #

0 ') 0 ' %& % + * 5 * 5 &* / % + ' , * 1 - * 5 '' + 6 , * *) & , ,

B & 1 * 1 (%6 * 6% % * / , ' % & . & 0) %6 , & 7 ' ' % 1 * q 5 , & 1 1 0 %) ' * : 0 % ' * & * % # * ' & ' / 1) % . % &N 5% . =LJ . M6LOPP QSTM6LK 5 %, M6L\$U BUM6LB , * 1< M(LI) , ? M6LA (V, M6LK4 , M6LB) : . , M6 % & %6 5 & 1 5% 5 . =WQP XTYZ[\QT]P YT[]TSYM6L2 % / ' 0 ^ M6L` TSabT]RME Lc % 5 & % M6 L; dTSSTM6 L; % 5 * M6 LJ < , 0 M6 Le @ M6 L & M6 \$ ' 0 % * 1 % % , & \$ % 1 , % & * ' , *) %6 , & 6 & 5 & 1 * , & + * ' , 0 ' ?& @ %6 & ' 0 % 6 * 0 ' ' , ' , * 1 , & - , & , & 5) 1 B* < %6 , & * % . , 0 & % % * & * % @ 0 ' , 6 * / , 6 & / & 6 % % 0 % *) & 0 % 6 & ' 0 % ' , % ' 0 % 5 1 + 4 % ' * . , D%6 , & & 1 * & % % & ' . 0 . 1 , . , & 6 % % && , 6 % , - @) 1 % & 1 * ' 6 % & 5 0 % 6 , + 0 / @ / % % 0 % . % 0 & 0 . 1 & * 56 %6 , & * % / * / 0 * / 6 & 5 1 , % & * & & , 6 1 * 0 & ' e *) (% %0 & % 0 & 86% , . 1 , % & * , %6 ' 6 5% ') * 5% ' . A % - * / 6 & % % % & / %6 * (, ' * 6 , , % , % , %6 + 0 ' 6 0 7 * < * 0 % & %6 * & 6 ') (6 , % * , , % , %6 + 1 % - ' ' 6 ') * % * 0 % / % % & * / @ / & % 0 % & 5 0 5 < * \$, % 0 & < & { 7 H (' * / % % * 6 & 0 % % * / , @ 1) * (&) & % & + ' . , & 2 & * % & % 56 1 , % & * / @ 5 & % & , < %6 & ') & 1 % 6 % ' 6 , 1 * < ') * + 6 (* *) ' 6 ') % ' % ' 1 (* . & & : 0 % 0 ' % %6 , & 1 , * % & ' - % / 1 ' , , . % & % . 1 *) & * *) 6 0 % 5) ' ' * % *) L: , % & & ') ' 1 ' . * ' . %6) 5%)) & * & % (' + * / , M' - ' , & 1 * + & 0 ' - *

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Пыхтина И.Ю., Бубнова Н.А. Нarrативная структура рассказа Ю. П. Казакова "Арктур - гончий пес" // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69817 EDN: WJBFAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69817

Нарративная структура рассказа Ю. П. Казакова "Арктур - гончий пес"**Пыхтина Ирина Юрьевна**

студент, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ miss.irina.pihtina@yandex.ru**Бубнова Наталья Александровна**

ORCID: 0000-0002-8293-1399

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bubnova_na@pfur.ru[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.2.69817

EDN:

WJBFAN

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2024

Аннотация: В статье представлен нарративный анализ рассказа Ю. П. Казакова "Арктур - гончий пес", который относится к анималистической прозе писателя. Главная цель анализа - рассмотрение организации повествования в прозе, так как нарративные особенности произведения позволяют детально охарактеризовать идиостиль писателя. Задачи исследования: - выявить особенности повествования; - ознакомиться с работами, посвященными теме исследования; - обратиться к историко-

культурологическому контексту; - определить типы нарраторов; - соотнести с ними перспективу и план повествования. Актуальность работы обусловлена тем, что все больше исследований интересуются нарративными структурами, так как они позволяют определить природу произведения и поэтику рассказов Казакова. Несмотря на то, что немало работ посвящено раннему рассказу "Арктур - гончий пес", не все они отличаются точной терминологией и закономерными выводами. Так, нами будет предпринята попытка оспорить одну из точек зрения на анализируемое произведение. В основу изучения вопроса был положен структурно-семантический анализ. Также при исследовании были использованы формальный, биографический и психологический методы. В ходе работы были обнаружены особенности нарратива рассказа. Мы пришли к следующим выводам: 1. Повествование строится по принципу оппозиции перспектив: "внутренняя - внешняя" точка зрения (Innenperspektive - Außenperspektive) по терминологии Ф. Штанцеля. 2. Писатель вводит в полотно текста три типа повествователя: экзегетического (всеведающего, принимающего опосредованное участие в действии рассказа), диегетического (активного, непосредственно фигурирующего в сюжете как персонаж) и лирического (рефлексирующего, чувствующего, который проявляется больше на духовном уровне). Обнаружение последнего в полотне текста обуславливает новизну исследования литературного наследия Ю. П. Казакова. 3. Таким образом, лирический тип нарратора определяет поэтику лирической прозы Казакова, обнаруживает сложно уловимые подтексты в повествовании и вводит особый ритм в анализируемый рассказ.

Ключевые слова:

тип нарратора, лирическая проза, анималистический рассказ, перспектива, план повествования, нулевая фокализация, первоначальный рассказчик, лирическая экспрессия, точка зрения, композиция произведения

Введение

Творчество Юрия Казакова определилось в литературном процессе XX века несколько обособленно. В то время, как в 50–60 е гг. прошлого столетия словесность шла под знаменем социалистического реализма с идеальным героем и «правильными» сюжетами, Юрий Павлович отстаивал право на жизнь литературы лирической, преемницы классики в лице Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина. В одной из своих публицистических статей Ю. П. Казаков спорит с противниками своего направления, отстаивая «чувствительность...музыкальность...обостренное внимание к природе...умение показать внутренний мир человека» в современных произведениях [\[3, С. 6\]](#).

Казаковские рассказы – лирические миниатюры об обычной жизни во всех ее проявлениях. Его герои – это не ратники труда, но несчастные в любви девушки («Некрасивая»), старики («В город»), дети («Никишкины тайны»), а также и животные. Анималистическая проза, особое отношение к животным, играет важную роль в литературном наследии автора. Несомненно, центральное место в нем занимает ранний рассказ «Арктур – гончий пес», написанный в 1957 году.

Важно, что «Арктура» писатель посвящает М. М. Пришвину. Его Казаков считал своим учителем по перу, сам признаваясь: «А мысли и ощущения Пришвина – мои мысли и ощущения» [\[7, С. 329\]](#). И. Кузьмичев пишет: «И Казакова волшебный пришвинский колобок звал в ту страну без имени, без территории...где каждый «когда-то бывал, где

все знакомо – и все забыто» [7, С. 109]. Пришвин был одним из любимых писателей Ю. Казакова, по словам самого прозаика: «не один из советских писателей не трогает так это тайное, как Пришвин» [7, С. 107]. «Это тайное» Казаков перенес в главного героя своего охотничьего рассказа, пса Арктура.

Сюжет

Несмотря на центричность образа, автор не делает из Арктура "особенного" пса, способного говорить и тем самым транслировать свои мысли и переживания. Напротив, это обычный зверь, лишенный зрения от рождения. Все повествование пронизано жизнеописанием пса, его становлением. Весной Арктур появляется на свет и весной тайно исчезает. Переход состояний главного персонажа из беспомощного щенка в верного пса, служащего своему хозяину – доктору, является лишь завязкой рассказа. Между собакой и человеком возникают трепетные чувства, кажется, Арктур нашел свое место в жизни. Однако неожиданное знакомство с лесом, первая вылазка в дикую природу, открывает для пса какой-то новый, тайный смысл его существования. Так, Арктур перерождается из хилой собаки с «мертвыми глазами» в гончего пса, который гонит зверя и знает свое предназначение.

Обсуждение

Ранее исследователи творчества Казакова не раз прибегали к анализу рассказа «Арктур – гончий пес», поставив его в один ряд с «рассказом-притчей, -мифом». Однако работа С. И. Королева отмечена отсутствием последовательной теоретической базы, нередко автор смешивает между собой типы нарраторов, а иногда объединяет двух разных рассказчиков друг с другом: «нельзя сказать, что повествователь «затерялся» в мире героев. Порой он демонстрирует свое всевидящее око» [5, С. 117-125]. В нашей статье представлена попытка рассмотреть нарративную структуру и через нее определить доминанту текста. Так как повествовательная сторона рассказа комплексна и сложна по своей природе и должна быть рассмотрена более подробно и системно.

Основные результаты

Итак, в начале произведения повествование идет от **экзегитического повествователя** (внешнего), по терминологии Е. В. Падучевой [9, С. 203]. Этот нарратор «всеведущий», он не участвует в сюжетной линии, дает перспективу описания событий «сверху», он гармонично входит в ткань рассказа, фабула и сюжет которого расходятся, осуществляя прием «рассказа в рассказе». Такой тип нарратора Ж. Женетт обозначил понятием **«нулевая фокализация»** [1, С. 391-394]. План пространственно-временной характеристики отмечен несовпадением позиции персонажа и повествователя. В этой части повествования мы узнаем об истории рождения, первые годы жизни Арктура как бы «с высоты птичьего полета». Нарратор – источник информации, он вне событий.

Усиливает эффект отчужденности экзегитического повествователя толика отстраненности, которая прослеживается в лирических отступлениях: начав историю о псе, нарратор «отвлекается» на описание своеобразия жизни цыган и прилет лебедей. Этот тип повествователя с самого начала делит текст на мир людей и мир животных. Стоит отметить, что с последним он в наименьшей степени связан: если о появлении пса в городе сообщается через людскую молву («многие были убеждены», «другие говорили»), то об остальном, сопряженном с описанием рождения Арктура и пребыванием среди своих собратьев-псов, повествователь может лишь догадываться. Закономерно появляются лексемы неуверенности: «наверно», «неизвестно», «чему-то»,

«где-нибудь», «как-то».

По завершении первой части экзегитический повествователь не уходит с полотна нарратива, но сменяется обычным повествованием от первого лица (*Ich-erzählung*). Теперь события транслируются от одного из персонажей рассказа, который активно принимает участие в происходящем. В согласии с текстом мы можем предположить, что это охотник-любитель, который на весну-лето снимает жилье ближе к лесу. Так и происходит: повествователь-«Я» поселяется у доктора, местного педиатра, и становится свидетелем дальнейшей домашней жизни Арктура. Пространственно-временной план меняется, теперь позиции повествователя-«Я» и персонажа-охотника совпадают. И охотник-рассказчик, и пес активны в пределах одного хронотопа.

Стоит отметить важный момент повествования - как описываются звуки в рассказе. До появления Арктура на пороге дома доктора для описания окружающей мелодии мира «я-повествователь» прибегает к однозначным, точным определениям: доктор «тончайшей фистулой вытягивал...арии», «петух громогласно пел». Нет сомнений, что здесь аудиальное изображение мира исходит от человека. Однако обратим внимание, как план фразеологии меняется после введения в ход повествования пса. Например, так представлен голос доктора: **«*звуки* голоса хозяина были *булькающими* и *шепчущими*»**. Описание происходит уже на уровне инстинктов, догадок, ассоциаций, будто повествование ведется не от Я-охотника, но от лица Арктура.

Ненапрямую, в конце второй части, автор вводит в повествование еще один тип нарратора. Только он знает, как чувствует и думает пес. С приходом этого типа возникает **плановая дилютия**, рассказ ведется уже с **внутренней позиции**. Это похоже на внутренний монолог немого. Повествователь как бы сливаются с сознанием пса, способен в точности и на языке Арктура передать его внутреннюю экспрессию. Еще И. А. Карчагин отметил, что одним из принципов построения композиции рассказа у Юрия Казакова является **интериоризация**, которая сближает прозу писателя с поэзией, вводя не просто эпических персонажей, повествователей, но почти лирических героев [4, С. 34].

Так возникновение Арктура знаменует появление **лирического повествователя**, который может быть обозначен нами как «Я-ПЁС» (Я-ОН). Ему свойственна несобственно-прямая речь, голос героя (Арктура) преобладает над голосом автора (охотника), хотя формально текст принадлежит самому повествователю. Так говорится в тексте о чувствах пса к доктору: «Он любил его страстно и поэтично, быть может, больше жизни», «Чувство его к своему хозяину было...возвышенным», «он был целомудрен». В этой части нарратор «Я-ОН» несколько возвыщенно описывает эмоции Арктура. Он избегает употребления каких-либо точных обозначений по отношению к главному герою. Если обычный повествователь-охотник предпочитает называть, описать внешне: «еще один **обитатель**», «потащил **слепого**», «по привычке **пес** вздрагивал», «На что ему **собака**?». То повествователь «Я-ОН», напротив, говорит об Арктуре интроспективно, изнутри, не обращая внимания на внешнее, употребляет лишь местоимение абстрактное «он» и ему производные: «**он** был целомудрен», «**ему** хотелось вскочить», «уши **его** распускались», «**он** никак не мог вспомнить». Таким образом фокус наррации смешается на внутренний.

И если **всезнающий нарратор** как бы особняком стоит по отношению к двум другим типам повествователей, на мгновение появившись в начале текста, то разграничить **первоначального нарратора-охотника и нарратора «Я-ОН»** подчас представляется трудным. Анализ фрагмента второй части наглядно демонстрирует, как эти два последних

типа повествователей переплетены между собой, нет точного отделения одного от второго, мысли и рассказ охотника прерываются чувствами Арктура и наоборот. Как было замечено, пространственно-временной план у них совпадает, но, тем не менее, различен план фразеологии (человек/пес) и план психологии (снаружи/изнутри).

В подтверждение этого положения рассмотрим еще один пример из текста, когда Арктур впервые знакомится с лесом, тем самым проходя через обряд инициации, душевного перерождения. В начале четвертой части обычное повествование от лица охотника: «Я пошел утром в лес...». Заканчивается абзац тем, что повествователь раздражен немного глупым поведением пса: «Скоро мне надоело его непонятное упорство». Однако далее идет рефлексия, нарратор сменяется и показывает чувства, впечатления, мысли Арктура: «Лес ошеломил Арктура». Описание представлено уже с точки зрения слепого, подчеркивается тактильное восприятие окружающей среды: «**жестковатая** уже трава, **колючие** кусты...**упругие** молодые елочки». Одно и то же событие передается с разных позиций: перспектива охотника и перспектива слепого пса. В этом случае, чтобы разграничить двух повествователей, нужно ответить на вопрос: чьими глазами нарратор смотрит на мир. Очевидно, контакт с природой на уровне ощущений присущ Арктуру, которому не дано видеть и которого внезапно окружили «пахучие, шелестящие, потрескивающие, колючие предметы». Различие точек зрения на этом уровне Вольф Шмид обозначает термином «**перцептивный план**», где важно, кто является оценивающей инстанцией [\[11, С. 70\]](#). Интересно также, что этот план проявляется и в оценке поведения и характера Арктура. Прослеживается закономерность: первоначальному **повествователю-охотнику** представляется смешным и жалким, что делает собака, по сюжету он не брал его на охоту, так как пес «бежал смешно» и имел «тонкий щенячий голос». В то время, как для **лирического нарратора** Арктур – настоящий гончий пес. Примечательно, как патетично, даже героически, описана первая охота: «Он рвался, рычал...глаза его налились кровью», «Он был сильно помят и поцарапан», «так велика была его страсть».

Если рассмотреть вышеописанные типы нарраторов в рамках теории повествовательных ситуаций Ф. К. Штанцеля (1979), можно соотнести «всезнающий тип» с аукториальной повествовательной ситуацией, вычленяемой на основе оппозиций перспективы «внешняя-внутренняя» [\[11, С. 62-63\]](#). Первичный тип – это повествование от первого лица, где проявляется идентичность нарратора и персонажа (охотник), а лирический тип «Я-ОН» – персональная ситуация, нарратор – не просто рассказчик, но и рефлектор, проникающий в сознание персонажа (Арктура).

Ю. Казаков неслучайно вводит нарратора, способного постичь мысли и чувства на первый взгляд обычного пса. Делая его главным героем своего рассказа, автор представляет переживания Арктура как переживания обычного человека. Тема свободы – лейтмотив произведения – таким образом раскрывается не столько благодаря внешним характеристикам пса, сколько качествам **внутренним**. Арктур в повествовательном модусе лирического нарратора оживает, выражая свои чувства и приобретая право голоса. Однажды Казаков написал К. Паустовскому, что работает над рассказами и «везде будет присутствовать личность автора» [\[7, С. 290\]](#). Можно предположить, что автор в какой-то степени переносит на Арктура собственные черты и переживания и вкладывает частичку себя.

Заключение

Юрий Павлович Казаков, лирический писатель второй половины XX века, в своих

произведениях отражал «доброту, совестливость, сердечность, нежность» [3, С. 6]. Даже в анималистической прозе, главным героем которой становились животные, писателю удавалось уловить малейшие стремления души и мысли своих безмолвных, тихих персонажей. Так и в раннем рассказе «Арктур – гончий пес» (1957) автор благодаря своеобразию построения нарративной стороны рассказа позволяет понять, что прочувствовал и пережил обыкновенный охотничий пес. Именно с появлением третьего типа повествователя, **лирического нарратора**, проникающего в глубину души персонажа, способного постичь потаенные чувства, **на уровне композиционном** в рассказе «Арктур – гончий пес» проявляется лирическая доминанта, свойственная поэтике Ю. П. Казакова и характеризующая ее.

Библиография

1. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998.
2. Казаков Ю. П. Во сне ты горько плакал: Рассказы / Сост. Т. М. Судник. – М.: Современник, 2000.
3. Казаков Ю. П. Не довольно ли?: [О лирической прозе: В связи со статьей В. Камянова «Не добротой единой...»] // Литературная газета. 1967. № 52.
4. Каргашин И.А. «К речи надо иметь вкус». Поэтика рассказов Ю.П. Казакова // Русская речь.2012. № 5. С. 34-38.
5. Королев С. И. Точка зрения слепого: о некоторых особенностях рассказа «Арктур – гончий пес» Юрия Казакова // Свет слова... Сборник научных трудов к 90-летию Юрия Павловича Казакова / сост., вступ. стат., редакция Е. А. Балашова, И. А. Каргашин. – Калуга: Издательство АКФ «Политоп». 2018. – С. 117-125.
6. Куделько Н. А. Традиции поэтики И. С. Тургенева в русской литературе XX века (Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков). Дисс. на соиск. уч. ст. фил. наук: 10.01.01. – М.: ГУОВПО "Московский педагогический государственный университет", 2005.
7. Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал «Звезда», 2012.
8. Кузьмичев И. Юрий Казаков: Набросок портрета. – Л.: Сов. писатель, 1986.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке // Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
10. Успенский, Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Искусство, 1995.
11. Шмид В. Нарратология. – М.: «Языки славянской культуры», 2003. – 312 с.
12. Stanzel Franz K. Die typischen Erzählsituationen im Roman: Dargestelltan «Tom Jones», «MobyDick», «The Ambassadors», «Ulysses» u. a. Wien, 1963 / Typische Formen des Romans. Göttingen, 1964.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Нarrативная структура рассказа Ю. П. Казакова "Арктур - гончий пес"», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего

интереса к изучению и переосмыслению литературного наследия советской эпохи.

Автор обращается к изучению произведения Юрия Павлович Казакова, лирического писателя второй половины XX века, одного из крупнейших представителей советской новеллистики.

В исследовании автор обращается к анималистической прозе писателя, а именно к рассказу «Арктур – гончий пес», написанному в 1957 году.

Творчество Юрия Казакова определилось в литературном процессе XX века несколько обособленно, а также является малоизученным. Собственно это и определяет новизну и актуальность рецензируемого исследования.

В статье автор делает попытку рассмотреть нарративную структуру и через нее определить доминанту текста. Так как повествовательная сторона рассказа комплексна и сложна по своей природе и должна быть рассмотрена более подробно и системно.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Теоретические измышления проиллюстрированы примерами из исследуемого произведения.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

К недостаткам также можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и иностранных языках.

Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, бы усилило теоретическую значимость работы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, теории литературы, дальнейшему изучению творчества писателя, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Нarrативная структура рассказа Ю. П. Казакова "Арктур - гончий пес"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Глухова Е.С. Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69683 EDN: WETNCC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69683

Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе

Глухова Елена Сергеевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональных целей, ФГБОУ ВО
Байкальский государственный университет
664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

 dovg@inbox.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69683

EDN:

WETNCC

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2024

Аннотация: Целью исследования является обнаружение когнитивных искажений, внедренных в тексты рекламных статей нативной рекламы, для оказания скрытого воздействия на адресата с целью увеличения продаж своего продукта. Выявление когнитивных искажений и стоящих за ними лингвокогнитивных механизмов направлено на борьбу с манипулятивностью в рекламе и на повышение осознанности широкой аудитории при восприятии рекламных сообщений. Данное исследование является развитием концепции эффективной коммуникации и технологии "Умная настройка дискурса". В качестве объекта исследования выбраны когнитивные искажения в нативной рекламе, а предметом являются способы вербализации когнитивных искажений. Эмпирический материал составили статьи нативной рекламы (спонсируемый контент) в русскоязычном и англоязычном сегменте интернет-коммуникации. Актуальность исследования заключается в значимости анализа нативной рекламы в медийном дискурсе с позиций когнитивной лингвистики в рамках когнитивно-дискурсивного и биологического подходов. Методы, используемые в работе, включают метод интерпретации, метод дискурс-анализа, позволяющий проследить взаимосвязь

между языковой и экстралингвистической стороной текста, статистический метод случайной выборки, состоящий из отбора подмножества объектов из более крупной совокупности для обеспечения беспристрастного представления всей совокупности. Результаты проведенного исследования показывают, что использование когнитивных искажений, побуждающих адресатов совершать покупки, распространено в нативной рекламе, а именно в ее подвиде спонсируемого контента. В 80% проанализированных рекламных статьях было зафиксировано использование по крайней мере одного когнитивного искажения. Выявлены следующие когнитивные искажения : эффект присоединения к большинству, эффект фрейминга в различных подвидах, эффект авторитета, эмоциональное мышление, страх упущененной выгоды, повествовательная ошибка, эффект ореола, эффект компромисса, эффект контраста и якорения, склонность к подтверждению своей точки зрения, катастрофизация, которые задействуют следующие лингвокогнитивные механизмы фреймирование, имажинеринг в подвиде интенсификации и позитивизации, фокусирование, инспирация, вовлечение в общение, вовлечение в игру, диалогичность, персонализация, спин-докторинг, катастрофизация, что указывает на синерийное когнитивное воздействие на адресата. Однако данная статья имеет ряд ограничений, поскольку анализ проводился на ограниченной выборке. Таким образом, данное исследование могло бы служить началом полноценного исследования и проведения его на более крупных выборках с изучением эффективности сообщений.

Ключевые слова:

когнитивные искажения, нативная реклама, лингвокогнитивные механизмы, медийный дискурс, манипуляция, эффективная коммуникация, дискурс-анализ, эффект фрейминга, эмоциональное мышление, повествовательная ошибка

Введение

Сегодня практически все крупные компании используют онлайн-рекламу для продвижения своей продукции из-за ее преимуществ. Прежде всего, реклама в Интернете имеет огромную аудиторию, поскольку практически каждый человек использует Интернет для разных целей: кто-то читает новости, смотрит фильмы или получает образование, другие ищут различную информацию или заказывают товары. Однако, при поиске нужной информации в Интернете часто встречается ненужная реклама в виде всплывающих окон, постоянных показов и т.д. Пользователи стараются отфильтровать ненужную информацию, используют блокировщики рекламы, потому что они чувствуют усталость от постоянных рекламных сообщений, что приводит к «баннерной слепоте» — игнорированию мозгом ненужной информации. А потому рекламодателям все сложнее привлечь внимание покупателей и повысить эффективность своей рекламы в целях увеличения продаж и воздействия на целевую аудиторию. Вот почему в последнее время нативная реклама (англ. native advertising – «естественная, родная») становится распространенным и неотъемлемым инструментом продвижения в медиа индустрии. Актуальность исследования, таким образом, заключается в значимости анализа нативной рекламы в медийном дискурсе с позиций когнитивной лингвистики в рамках когнитивно-дискурсивного и биологического подходов.

Материалы и методы

Нативная реклама – это «реклама, которая соответствует формату, функциям и тематике

платформы, на которой размещается» [\[1, с. 243\]](#), таким образом она воспринимается не как реклама, а как интересный родной нерекламный контент. Интересно, что еще в 2016 году IAB Europe впервые опубликовал официальный документ о нативной рекламе, а в декабре 2021 года выпустила «Руководство по нативной рекламе», чтобы пролить больше света на одну из наиболее часто используемых маркетологами форм рекламы.

Что касается классификации нативной рекламы, то мы в своем исследовании придерживаемся классификации, которую выделил Бартуш В. Войдински. Он упорядочивает нативную рекламу с точки зрения ее функций и контекста и делит ее на 3 категории: спонсируемый контент, списки спонсируемых гиперссылок и спонсируемые публикации в социальных сетях. Отличительной чертой спонсируемого контента от других форм нативной рекламы является то, что реклама сама по себе предлагает такое содержание, которое может быть использовано наряду с собственным контентом издателя. Статьи спонсируемого контента различаются по форме в той же степени, в которой различается содержание издателей, например, объявления, напоминающие текстовые новостные статьи, могут появляться на сайте, содержащем текст, а видеореклама - на сайте, публикующем видео [\[2\]](#).

Нативная реклама в отличие от баннерной рекламы создает впечатление нерекламного контента, включает оригинальные истории, и информация в таких статьях часто имеет более высокую информационную ценность из-за контекста, в связи с этим потребители считают ее более привлекательной и меньше склонны избегать ее. Поскольку нативная реклама часто содержит ссылки на веб-сайты, потребители полагают, что если они не переходят по ссылкам, то они не подвержены рекламе, что приводит к тому, что люди не ожидают, что в данных типах рекламных сообщений могут быть использованы манипулятивные приемы. Конструирование воздействующего эффекта с помощью лингвокогнитивных инструментов становится распространенной практикой в медийном пространстве. Целью нашего исследования является обнаружения когнитивных искажений, внедренных в тексты рекламных статей, для оказания скрытого воздействия на адресата с целью увеличения продаж своего продукта. Выявление когнитивных искажений и стоящих за ними лингвокогнитивных механизмов (ЛКМ) направлено на борьбу с манипулятивностью в рекламе и на повышение осознанности широкой аудитории при восприятии рекламных сообщений. Наше исследование является развитием концепции эффективной коммуникации и технологии "Умная настройка дискурса" [\[3\]](#), выявившей основные лингвокогнитивные механизмы и когнитивно-коммуникативные параметры, которые могут гибко настраиваться для управления уровнем воздействия на адресата, эффективностью дискурса и коммуникаций. С помощью этой технологии можно также «проводить анализ и деконструировать деструктивные дискурсивно-коммуникативные практики, выявляя задействованные когнитивные инструменты» [\[4, с. 764\]](#).

В качестве объекта исследования выбраны когнитивные искажения в нативной рекламе, а предметом являются способы вербализации когнитивных искажений. Материалом исследования выбраны статьи нативной рекламы (спонсируемый контент) на городских порталах, то есть на информационных порталах о жизни какого-то конкретного города с полезной информацией как для жителей, так и для гостей города. Было проанализировано 60 рекламных статей, в том числе в русскоязычном сегменте интернет-коммуникации отобраны 30 статей со следующих порталов: irk.ru, omskinform.ru, spbvedomosti.ru, krasnoyarsk.dk.ru, nsk.dk.ru, другие 30 примеров выбраны на англоязычных порталах: londonist.com, bristolpost.co.uk, leeds-list.com, nottinghampost.com, timeout.com за период август – декабрь 2023 года. Привлечение к

анализу материала на русском и английском языках вызвано необходимостью проверить гипотезу, а также исследовать, есть ли национально обусловленные когнитивные искажения в нативной рекламе.

Методы, используемые в работе, включают метод интерпретации, устанавливающий характер осмысливания концепта в наивном языковом сознании на основе различных средств его реализации; предполагающий, что значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме; при этом интерпретация понимается как когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий [5]; метод дискурс-анализа, позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста; статистический метод случайной выборки, состоящий из отбора подмножества объектов из более крупной совокупности для обеспечения беспристрастного представления всей совокупности. Теоретической основой анализа стали концепция власти дискурса [6], теория интерпретации [7], теория языковой интерпретации [8], концепция когнитивных искажений [9, 10], адаптированные под задачи нашей работы.

Анализ теоретических источников

Изначально понятие когнитивных искажений было введено в 1972 году израильскими психологами Д. Канеманом и А. Тверски [9]. Позднее Д. Канеман был удостоен Нобелевской премии в 2002 году за свои исследования в области поведения человека в условиях неопределенности. Когнитивные искажения представляют собой систематические ошибки в мышлении, которые часто возникают по определенным шаблонам в различных ситуациях из-за неверных суждений [9, с. 5]. Другими словами, люди ошибаются, но речь идет не о случайных ошибках, а о таких, которые возникают постоянно, одинаково и предсказуемо.

Как было выяснено ранее [11], подход Д. Канемана основан на представлении о работе мозга в двух режимах, которые он называет Система 1 и Система 2 (термины заимствованы из работ К. Становича и Р. Веста), которые отвечают за быстрое и медленное мышление соответственно. По словам Канемана, интуитивная Система 1 оказывает гораздо большее влияние на наши мысли и решения, чем мы предполагаем, и она скрытно влияет на множество наших выборов и суждений [9, с. 17]. Так, чтобы написать убедительное сообщение и люди в него поверили, исследователь предлагает использовать когнитивную легкость посредством уменьшения когнитивного напряжения, например, не использовать сложные слова там, где можно обойтись простыми. Если сообщение ассоциативно увязывается с другими убеждениями и предпочтениями адресата или исходит из источника, которому он доверяет, то адресат почивает когнитивную легкость. Также у легкости могут быть и другие причины, в том числе вид шрифта и привлекательный ритм прозы, но источник своих чувств отследить сложно. Кроме того, некоторые когнитивные искажения называются эвристиками, поскольку решения, к которым они приводят являются неполными и приблизительными. В них задействуется метод подстановки: если на сложный вопрос не удается найти удовлетворительный ответ, то система 1 подыскивает более легкий родственный вопрос и отвечает на него.

Что касается лингвокогнитивных механизмов, то они лежат в основе силы и власти дискурса, а их установление «способствует осмысливанию глубинных процессов порождения, конструирования и восприятия дискурса» [3, с. 119]. И. А. Якоба выделяет

12 лингвокогнитивных механизмов таких как фреймирование, рефреймирование, фокусирование, дефокусирование, вовлечение, диалогичность, имажинеринг, инспирация, метафоризация, персонализация, позиционирование, спин-докторинг, однако этот список остается открытым. Некоторые из них имеют подвиды, так, например, ЛГМ вовлечения имеет подвиды вовлечение в бизнес, динамику, игру, инновационность, общение, а ЛКМ имажинеринга делится на подвиды позитивизации, драматизации, искривления, гиперболизации, редукции и интенсификации. Часто использование этих механизмов происходит совместно для достижения какой-либо цели, что усиливает их синергийный эффект [3]. Таким образом, можно говорить о том, что в основе намеренно созданных когнитивных искажений лежит активизация когнитивных механизмов, которые воздействуют суггестивно. Изучение когнитивных искажений, которые часто встречаются при принятии решений, можно также рассматривать с лингвистической точки зрения, как они формулируются и вербализуются, потому что формулирование этих сообщений приводит к тому, как они будут восприняты адресатами.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа 60 рекламных статей, опубликованных на российских информационных порталах городов Иркутска (irk.ru), Омска (omskinform.ru), Санкт-Петербурга (spbvedomosti.ru), Красноярска (krasnoyarsk.dk.ru) и Новосибирска (nsk.dk.ru), а также на британских порталах городов Лондона (londonist.com, timeout.com), Бристоля (bristolpost.co.uk), Лидса (leeds-list.com) и Ноттингема (nottinghampost.com), обнаружены когнитивные искажения в 80% всех исследованных случаев.

В проанализированных рекламных статьях наиболее распространёнными когнитивными искажениями выделены эффект присоединения к большинству и эффект фрейминга (таблица 1).

Cognitive bias	Когнитивное искажение	Частотность (%)	Рус. статьи	Англ. статьи
FOMO (fear of missing out)	Страх упущенной выгоды	16%	8%	8%
Zero-risk bias	Предпочтение нулевого риска	9,6%	1,6%	8%
Bandwagon effect / Social proof (Authority bias)	Эффект присоединения к большинству (влияние авторитетов)	28,3%	15%	13,3%
Confirmation bias	Склонность к подтверждению своей точки зрения	3,3%	3,3%	-
Halo effect	Эффект ореола	1,6%	1,6%	-
Compromise effect	Эффект компромисса	3,3%	1,6%	1,6%
Catastrophizing	Катастрофизация	1,6%	1,6%	-
Framing bias	Эффект фрейминга	36%	16%	18%
Narrative fallacy	Повествовательная ошибка	19,8%	3,3%	16,5%
Contrast effect	Эффект контраста	3,3%	1,6%	1,6%
Emotional reasoning	Эмоциональное мышление	20%	5%	15%
Wishful thinking	Мышление в сторону желаемого	8%	8%	-
Anchoring bias	Якорение	3,3%	-	3,3%

Таблица 1. Частотность когнитивных искажений в нативной рекламе

Эффект фрейминга основан на психологических принципах, которые управляют восприятием при решении проблем и приводят к предсказуемым изменениям в том случае, когда одна и та же проблема формулируется по-разному [12]. Другими словами, речь идет о передачи некой идентичной информации, сообщения по-разному и зачастую они связаны с различными эмоциями. Исследования фрейминга показывают, что кажущиеся небольшие различия в формулировках могут иметь важные последствия.

Джеймс Д. Друкман говорит о двух типах эффекта фрейминга. Первый он называет эффект фрейминга эквивалентности (equivalency framing effect), который использует разные, но логически эквивалентные слова или фразы для оформления сообщения, например, часто упоминается про положительно или негативно оформленное высказывание (в терминах выгод или потерь). Второй – это эффект акцентирования внимания (emphasis framing effect), который показывает, что, выделяя подмножество потенциально релевантных атрибутов, выступающий может побудить людей сосредоточиться на этих атрибуатах при формировании своего мнения [13]. Исходя из этого деления под эффектом акцентирования внимания можно различать несколько подвидов фрейминга. Так, выделяется фрейминг рискованного выбора, фрейминг атрибутов и фрейминг целей [14]. Под фрейминг рискованного выбора, введенного Тверски и Канеманом (1981), подразумеваются результаты потенциального выбора, включающего варианты, отличающиеся по уровню риска, которые описываются по-разному. Фрейминг атрибутов основан на выделение определенных атрибутов или характеристик объекта, и фрейминг цели, который основан на предположении, что адресаты с большей вероятностью отреагируют на сообщение, соответствующее их собственным целям [14, с. 150]. Цели могут быть внутренними и внешними. Например, формирование внутренней цели основано на достижение таких целей, как здоровье, личностный рост, в то время как при формировании внешних целей подчеркивается достижение такие целей, как богатство, слава, имидж [15, с. 108].

Кроме того, разделяются такие виды фрейминга, как темпоральный фрейминг и фрейминг ценностей. В основе темпорального фрейминга лежит представление о том, что большинство людей предпочитают получать определенную выгоду сейчас, вместо того, чтобы получать отсроченную выгоду в какой-то момент в будущем. Ценостный фрейминг указывает на то, что потребители с большей вероятностью отреагируют на определенное сообщение, если оно оформлено таким образом, который затрагивает то, что они ценят. Эффективность сообщений с фреймингом ценностей будет зависеть от возможности подключения к восприятию ценности потребителями. Так, например, выяснили, что структура сообщений, основанная на "дает" и "получает", приводит к различному восприятию ценности потребителями [15, с. 109].

Эффект фрейминга был обнаружен в 21 объявлении. В основном, встречается фрейминг ценностей, который подчеркивает такие ценности, как:

- семья, семейные ценности, например, в статье про пицерию – «традиция передалась от бабушек или даже прабабушек», «как из бабушкиного погреба», «часто для нас вкуснее любых гастрономических изысков то, что ассоциируется с дорогими людьми, памятным местом, для меня это большая семья», «Заходите на пиццу, пасту или фирменный морс – вы и в зале почувствуете эту теплую, по-семейному доброжелательную атмосферу»;

- всестороннее развитие: при описании спортивного клуба «Воин» – «мы верим в целостное развитие, ребенок также получит пользу от наших программ формирования характера, в которых основное внимание уделяется таким ценностям, как уважение, настойчивость и спортивное мастерство», «Мы стремимся привить эти качества каждому юному спортсмену, готовя его не только к спортивным успехам, но и к жизненным испытаниям», «Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок вырос приспособленным к жизни» или в рекламном объявлении про академию St Ursula's Academy – «*a strong sense of community which is helping pupils to reach their full potential, a safe and nurturing academy where safeguarding and the well-being of its children is its utmost priority*», «*The academy not only wants children to achieve academically, it values their personal, social, moral and emotional development*»;
- здоровье: «На старте учебного года позитивные эмоции особенно нужны детям, ведь хорошее настроение вместе с крепким здоровьем – это залог отличной учебы», «Позаботились в аквапарке и об отдыхе для взрослых, ведь сентябрь – самое время укреплять иммунитет»;
- безопасность и комфорт: «Первая и базовая такая потребность – это безопасность. Требование к уровню киберзащиты сегодня вышло на первый план. Вторая потребность бизнеса – комфорт. Это и про удобство пользования сервисами-помощниками, и про скорость работы, и про доступ к широкому функционалу на одном экране. Третья потребность бизнеса – легкий доступ к банковским продуктам и услугам. Предпринимателям важно получать максимум от продуктов и сервисов банка без лишних шагов»;
- дети: «*family-friendly*», «... offers exceptional experiences for all ages», «*Your adventure starts with your little ones checking into the Singa Cub Club, where they'll receive a goodie basket with an activity booklet*», «*child-friendly bathroom amenities*», «*Here you'll find a range of spa treatments by Bonpoint, including ones specifically tailored to children – family bonding time doesn't get much more serene than this!*», «*What's more, kids under 6 eat for free in Pan Pacific London's signature Straits Kitchen restaurant – with kids under 13 getting 50% off*», «*Take advantage of the complimentary turn down service, including a personalised one for kids that allows them to choose a pre-bedtime treat and goodnight drink*», «*it'd sure make for a memorable school holiday*»;
- командная работа: «we believe in the power of shared experiences and what could bring us more together, even teams who don't get out in time will have plenty to celebrate, that bring all generations together».

В статье, которая рекламирует магазин верхней одежды, определяется фрейминг целей, поскольку с помощью именно этой одежды человек закроет как потребность комфорта (внутреннее цель), так и внешнюю цель – красота: «Кашемир идеален для ощущения уюта, не только согреют вас, но и подчеркнут индивидуальность, будет комфортно даже в первые морозы, красиво», «Конечно, приобрести новый наряд, чтобы гулять в любую погоду, наслаждаться комфортом и своим отражением в зеркале, чтобы создать ощущение уюта, но и подчеркнут индивидуальность и любовь к необычным вещам». В рекламной статье о частной школе не раз подчеркивается нацеленность на результат, например: «*City of London Freemen's School has a stellar reputation for results*», «*This year, more than half of all grades achieved at A Level were A*- A, with 86% of grades being at least a B. What's more, 10 students from the class of 2023 left with straight A*s, while a total of 39 received only A grades or higher, the Sixth Form at Freemen's prides itself on unlocking students' intellectual potential, A majority of this year's leavers will go on to*

their first-choice university, — just one way in which the school helps create confident leaders who can blaze trails in all sorts of arenas». В рекламе о строительной группе основная идея строится вокруг того, что все их дома сдаются в срок, а чаще даже раньше срока, задержек не бывает: «Строительная группа СМ.СИТИ сдает первый дом на 9 месяцев раньше срока», «За год там построили 320 квартир с чистовой отделкой», «Компания СМ.СИТИ ни разу не нарушила срок ввода жилья. Все участники долевого строительства получают ключи от квартиры в срок, указанный в договоре и в проектной декларации», «Сдавать объекты в срок позволяют отлаженные процессы планирования строительных работ». Те люди, чьей целью является отдых и веселье, хорошо отреагируют на следующее сообщение: «Inside this glittering winter wonderland you'll find festive food and drink, nostalgic tunes, and five enticing curling sheets», «No stress, if you fancy taking advantage of off-peak prices or are looking to banish those winter blues», «Who needs Courchevel, eh?».

Также был выявлен фрейминг рискованного выбора в рекламе автомобильного салона: «Цены уже начали расти. И по всем прогнозам – продолжат. Поэтому я советую автомобилистам следующее: если вам необходим автомобиль – приобретайте его сейчас, приобретайте его в кредит, если в нем есть необходимость. Возможно, сейчас вы возьмете машину под банковскую ставку выше, чем ранее, но – зафиксируете цену автомобиля. Пройдет совсем немного времени, и автомобиль у вас вырастет в цене. Также всегда есть варианты сделать рефинансирование под меньшую процентную ставку. А вот ценообразование по автомобилям сегодня непонятное, и далее они дешеветь точно не будут. Поэтому нужно спешить с покупкой».

Некоторые рекламные статьи фокусируют внимание на явных атрибутах, например, в статье про рестораны Охо акценты расставлены на красивые виды, разнообразное меню, высокое качество продуктов, но умалчивается про стоимость. Университет, предлагающий курсы для развития бизнеса при поддержке государства, оформляет свое сообщение о стоимость следующим образом: «*What's more, because the course is 90% funded by the government, it'll only cost you a one-off fee of £750 – a tiny price to pay for the amount of learning you'll take on*». Таким образом, сообщение оформлено в терминах приобретения, поскольку практически всю сумму 90% оплачивается государством, остается к оплате немного всего 750 фунтов, тем самым мы понимаем, что сравнительно за небольшую сумму мы получаем дорогостоящий курс.

Изучив эффект фреймирования в различных подвидах, было выявлено, что часто в его основе лежат следующие лингвокогнитивные механизмы: фреймирование, имажинеринг в подвиде интенсификации, фокусирование, инспирация.

Англоязычный термин «bandwagon effect» был впервые употреблен американским экономистом Харви Лейбенстайном [\[16\]](#). Это искажение является одним из видов группового мышления и представляет собой тенденцию перенимать определенное поведение, убеждения и отношение, если большинство людей это приняли. Многие ученые рассматривают этот эффект с разных точек зрения: с экономической, социологической, когнитивной, биологической, а также с точек зрения менеджмента и маркетинга [\[17\]](#). Эффект присоединения к большинству был отмечен в 9 русскоязычных и 8 англоязычных статьях. Так, во многих объявления нативной рекламы адресатов пытаются убедить в том, что продукт хорош, просто потому, что им пользуются много людей. Например, этого можно добиться с помощью:

- упоминания различных наград, как в статье о школе «*It isn't just Ofsted who have been impressed by St Ursula's practices and work, with the school earning awards from Eco-*

Schools, The National School Travel Awards, Anti-Bullying Alliance, Young Carers, School Games and Arts Mark»; в статье о ресторане: «Having our roots in the seaside town of Brighton with The Coal Shed and The Salt Room (winner of Best Seafood Restaurant 2017 by Caterer) The Coal Shed One Tower Bridge is our first London venture»; или в статье об инвестиционной компании «Компания входит в топ- 5 организаторов облигационных выпусков по итогу 2022. Рейтинг ее надежности и качества по версии Национального рейтингового агентства находится на уровне АА-. Также она входит в топ-25 ведущих операторов Мосбиржи. Клиентская база «СОЛИД Брокер» насчитывает более 15 тыс. клиентов»;

- акцентирования на большом количестве поклонников – «*Fans of this longstanding South Bank restaurant are legion*» или подчеркнув, что место является очень популярным (хотя это, может быть, и неправдой) – «*Cared for by the National Trust which states the property is within the top 100 most visited attractions in the country*», «*Aqua Shard, located on level 31 of The Shard, is the hottest destination for events*», «*За свою 10-летнюю практику она смогла не просто обучить несколько тысяч студентов, а привить им любовь к английскому языку*», «*С каждым годом все больше владельцев сайтов*»;

- отсылки к известным именам и организациям – «*renowned lighting experts SLX 27*», «*шеф-повар из списка топовых в Иркутске*», «*чай от известных чайных домов Европы Ronnefeldt и Gutenberg с более чем вековой историей и кофе*», «*Кроме того, я помогала в организации форума «Технопром» в 2022 и 2023г*». На самом деле, когда используют авторитетные имена, речь идет об эффекте авторитета, который описывает нашу склонность подвергаться влиянию мнений авторитетных людей. Эта тенденция приводит к тому, что люди склонны принимать эту информацию без критического осмысливания содержания, просто потому, что эта информация приходит от предполагаемого авторитета. В своем исследовании, мы рассматриваем эффект авторитета как подвид группового мышления. Отметим, что за этим искажением стоят такие ЛКМ, как вовлечение, инспирация, фокусирование, что указывает на синергийное когнитивное воздействие на адресата.

В 20% статей выделяется такое искажение как эмоциональное мышление. Поскольку принятие любых решений происходит часто с участием эмоций, то отмечается, что соединение сильных эмоций с рекламируемым товаром является одним из важных способов быть замеченным потребителем, а эффективность рекламы напрямую связана с ее способностью вызвать эмоциональную реакцию [\[18\]](#).

Было отмечено, что во многих рекламных статьях о ресторанах пытаются вызвать положительные эмоции, так, например, уже само название статьи «*A Summer Of Feasting On The Fifth Floor At Harvey Nichols*» создает яркую картинку, задействуя механизмы визуализации. Текст статьи является эмотивным и аппелирует к чувствам адресата, создает красивый образ ресторана с вкусной едой. С этой целью используются эмоционально окрашенные эпитеты *finer things, iconic luxury, fantastic value set menus, a better way, one of central London's chicest neighbourhoods*, а также необычные названия блюд - *a Greek-style watermelon salad, cured trout with shiso pepper sauce, kofte lamb leg served with heritage tomatoes and olive salsa verde, aubergine schnitzel with a pickled radish salad, confit salmon, and char sui pork, black forest mousse cake, burnt vanilla cheesecake*. Когнитивное искажение «эмоциональное мышление» включает в работу лингвокогнитивные механизмы – имажинеринг в подвиде позитивизации, диалогичность, инспирация, персонализация, спин-докторинг.

В некоторых рекламных статьях (16%) было обнаружено когнитивное искажение «страх

упущенной выгоды». Страх упущеной выгоды часто происходит из более общего искажения – неприятие потерь. Страх упустить что-то важное, интересное, выгодное делает нас уязвимыми перед искушениями и часто заставляет действовать быстро, подталкивает к необдуманным поступкам. В данных статьях это искажение встречалось посредством того, что создатели сообщения предлагали:

- зафиксировать цену – «*Возможно, сейчас вы возьмете машину под банковскую ставку выше, чем ранее, но – зафиксируете цену автомобиля*»,
- забронировать по специальной стоимости – «*Только в этом году можно забронировать утепленные глэмпы по специальной цене – 5 тыс. рублей в сутки на двоих*»,
- воспользоваться скидкой в течение ограниченного времени – «*Именно поэтому весь месяц в "Акварио" будет действовать акция "Яркий сентябрь", во время которой детский билет на полный день можно приобрести всего за 500 рублей*»,
- забронировать бесплатно в определенный срок – «*Hurry, book your visit now for free*»,
- имитировали повышенный спрос – «*... still has a few places available for their next course*».

Поскольку это искажение основано на страхе упустить что-то важное, то это относится и к упущенными возможностям, как в статье про спортивный клуб – «*Не упустите возможность подарить ребенку спорт и личностный рост*». В основном, эти когнитивные искажения активируют ЛГМ инспирации и вовлечения, но также был отмечен ЛГМ катастрофизации. Встречается также и искажение нулевого риска, когда люди отдают предпочтения вариантам, которые приводят к снижению небольшого риска до нуля, а не к незначительному снижению гораздо большего риска, а потому 5 объявлений были оформлены в виде розыгрыша и запускали ЛГМ вовлечение в игру. Рекламодатели предлагали заполнить анкету и дать согласие на отправку рекламных проспектов на почту, при этом почта должна быть действующей, так как сообщение о выигрыше придет именно на почту. Но были и такие, когда в предпраздничные рождественские дни магазины крупных сетей предлагали взять бесплатную морковку для Рудольфа рядом с магазинами, чтобы были выбраны именно их магазины – «*The carrots will be available in stands at the front of stores and shoppers will be able to help themselves. You don't need to make any other purchase*».

Анализируемый вид нативной рекламы (спонсируемый контент) оформлен в виде статей, что обуславливает присутствие в них повествовательной ошибки. Ее отличительной чертой является тенденция связывать воедино определенные факты, даже если между ними нет реальной связи, и создавать историю, которая, может являться неправдой. Это может привести адресатов к ложным выводам или предположениям на основе неполной или неточной информации. Так, в 11 рекламных статьях авторы вели повествование, приводя в доказательство различные факты, связывая их безосновательно в красивую картинку, вели псевдодиалоги и предлагали псевдовыбор, тем самым задействуя ЛГМ спин-докторинга.

Кроме того, выделено использование таких искажений как эффект ореола, эффект компромисса, эффект контраста и якорения, склонность к подтверждению своей точки зрения. В одной рекламной статье использовано искажение катастрофизация для поторопливания адресатов и ускорения покупки.

Заключение

Результаты исследования показывают, что использование когнитивных искажений, побуждающих адресатов совершать покупки, распространено в нативной рекламе, а именно в ее подвиде спонсируемого контента. В 80% проанализированных рекламных статьях зафиксировано использование по крайней мере одного когнитивного искажения, следовательно, можно утверждать, что сформулированное сообщение таким образом, которое стимулирует возникновение искажений, может оказать значительное влияние на восприятие его человеком и ввести в заблуждение, например, переоценив его полезность или ценность. Несмотря на то, что когнитивные искажения выявлены как в русскоязычных, так и в англоязычных рекламных статьях, нами не обнаружено национально обусловленных когнитивных искажений и различий в их использовании. Выявленные когнитивные искажения *эффект присоединения к большинству*, *эффект фрейминга в различных подвидах*, *эффект авторитета*, *эмоциональное мышление*, *страх упущеной выгоды*, *повествовательная ошибка*, *эффект ореола*, *эффект компромисса*, *эффект контраста и якорения*, *склонность к подтверждению своей точки зрения*, *катастрофизация* непосредственно связаны со следующими лингвокогнитивными механизмами *фреймирование*, *имажинеринг* в подвиде *интенсификации и позитивизации*, *фокусирование*, *инспирация*, *вовлечение в общение*, *вовлечение в игру*, *инспирация*, *диалогичность*, *персонализация*, *спин-докторинг*, *катастрофизация*, что указывает на синерийное когнитивное воздействие на адресата.

Однако данная статья имеет ряд ограничений, поскольку анализ проводился на ограниченной выборке. Более того, в данном исследовании не было задачи анализировать поликодовый текст, хотя каждая статья сопровождалась яркими иллюстрациями, фотографиями, ссылками для перехода на сайты, а некоторые даже видеорядами, посредством чего воздействующий эффект более выражен, а порой сами иллюстрации могут вызывать когнитивные искажения. Таким образом, данное исследование могло бы служить началом полноценного исследования и проведения его на более крупных выборках с анализом поликодовых текстов и изучением эффективности сообщений.

Библиография

1. Мелехова А. С. Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 242-245.
2. Wojdynski B. W. Native advertising: Engagement, deception, and implications for theory // The New Advertising: Branding, Content and Consumer Relationships in the Data-Driven Social Media Era. 2016. Santa Barbara, CA: Praeger/ABC Clio. pp. 203-236.
3. Якова И. А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2020. 399 с.
4. Якова И. А. Когнитивные искажения как средство манипуляции в новостном дискурсе в сфере информационных технологий // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 4. С. 762-771.
5. Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Когнитивные аспекты лексикографии. 1999. № 2. С. 5-13. [Электронный ресурс] URL: <http://www.infolex.ru/Interpret.html> (дата обращения 20.12.23).
6. Дейк Ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. Е. А. Кожемякина и др. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
7. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во МГУ, 1989. 171 с.

8. Болдырев Н. Н., Ефименко Т. Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. Т. 9, № 4. С. 355-368.
9. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: ACT, 2016. 653 с.
10. Kahneman D., Slovic P., Tversky A, (eds.). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge: Cambridge university press, 2008. 555 p.
11. Якуба И. А., Глухова Е. С. Манипулятивный потенциал когнитивных искажений в рекламных текстах // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 1.
12. Tversky A., Kahneman D. The framing of decisions and psychology of choice // Science. New series. 1981. Vol. 211. No. 4481. pp. 453-458.
13. Druckman J. N. The implications of framing effects for citizen competence // Political Behavior. 2001. Vol. 23. No. 3. pp. 225-256.
14. Levin I. P., Schneider S. L., Gaeth G. J. All frames are not created equal: A typology and critical analysis of framing effects // Organizational behavior and human decision process. 1998. Vol. 76. No. 2. pp. 149-188.
15. Bunčić S., Krstić J., Kostić-Stanković M. Cognitive biases in marketing communication: Influence of anchoring and message framing on consumers' perception and willingness to purchase // Marketing. 2021. Vol. 52. No. 2. pp. 103-117.
16. Leibenstein H. Bandwagon, snob, and veblen effects in the theory of consumers' demand // The Quarterly journal of economics. 1950. Vol. 64. No. 2. pp. 183-207.
17. Secchi D., Bardone E. Socially distributed cognition and intra-organizational bandwagon: Theoretical framework, model, and simulation // International Journal of Organization Theory & Behavior. 2013. Vol. 16. No. 4. pp. 521-572.
18. Татаринов К. А., Белых Е. Р., Филатенко Е. А. Психологические аспекты эмоциональной рекламы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 39-42

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, так как развитие коммуникации, ускорение процесса обмена информацией и увеличивающаяся ежегодно конкуренция привели к тому, что рекламная коммуникация в XXI веке переживает бурный расцвет. Таким образом, отмечается, что доля рекламных сообщений в глобальном коммуникативном продукте неуклонно растет.

Актуальность исследования, таким образом, заключается в значимости анализа нативной рекламы в медийном дискурсе с позиций когнитивной лингвистики в рамках когнитивно-дискурсивного и биологического подходов.

Несомненно, тема, заявленная автором, представляет определенный интерес, так как осмыслению подвергается современный феномен – реклама.

Целью данного исследования является обнаружения когнитивных искажений, внедренных в тексты рекламных статей, для оказания скрытого воздействия на адресата с целью увеличения продаж своего продукта.

Практическим материалом исследования послужили статьи нативной рекламы (спонсируемый контент) на городских порталах, то есть на информационных порталах о

жизни какого-то конкретного города с полезной информацией как для жителей, так и для гостей города. Было проанализировано 60 рекламных статей, в том числе в русскоязычном сегменте интернет-коммуникации отобраны 30 статей со следующих порталов: irk.ru, omskinform.ru, spbvedomosti.ru, krasnoyarsk.dk.ru, nsk.dk.ru, другие 30 примеров выбраны на англоязычных порталах: londonist.com, bristolpost.co.uk, leeds-list.com, nottinghampost.com, timeout.com за период август – декабрь 2023 года.

Настоящее исследование выполнено в русле сформировавшейся в отечественной лингвистике традиции изучения рекламных текстов. Автором был проведен анализ отечественных и зарубежных исследований языка рекламы, а также собственные наблюдения над эмпирическим материалом.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Методологией исследования явились как общенаучные методы, так и частно-лингвистические, а именно: метод интерпретации, метод дискурс-анализа, статистический метод случайной выборки и др.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых как отечественные, так и зарубежные труды.

Как и любая масштабная работа, рассматриваемый труд не лишен недостатков. Так, в работе присутствуют отдельные нарушения, допущенные при оформлении списка источников, а именно непонятен принцип нарушения алфавитной последовательности списка.

Однако данное замечание нисколько не умаляет огромной работы, проведенной автором. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, журналистам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Егошкина В.А. Специфика репрезентации речевых стратегий и тактик в просветительских аудиоподкастах // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69816 EDN: WCHKSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69816

Специфика репрезентации речевых стратегий и тактик в просветительских аудиоподкастах

Егошкина Виолетта Александровна

ORCID: 0000-0003-3173-8289

кандидат филологических наук

доцент кафедры журналистики и медиалингвистики; Омский государственный университет им. Ф.М.
Достоевского

644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, 55

✉ v.egoshkina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.2.69816

EDN:

WCHKSA

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2024

Аннотация: Объектом исследования являются просветительские аудиоподкасты, представленные на платформе Smotrim.ru (аудиоподкасты «Радио Маяк»): «100 минут» (16 выпусков), «Литературные склоки» (11 выпусков), «Пойми себя, если сможешь» (15 выпусков), «Беседы о литературе» (14 выпусков), «Дневник его жены» (11 выпусков), а также эпизоды аудиоподкаста, размещенные на платформе Polka.academy, – «Междустрок» (7 выпусков), опубликованные с 2021 по 2023 гг. Предмет исследования – прагмалистическая специфика медиатекстов, репрезентированных в эмпирическом материале. Цель работы – представить различные трактовки термина «аудиоподкаст», рассмотреть definicции понятий "речевая стратегия" и "речевая тактика", подходы к их классификации, а также выявить и описать доминантные коммуникативные стратегии и тактики, эксплицированные в просветительских аудиоподкастах. Для достижения заявленной цели помимо общенаучных методов были применены методы и методики, использующиеся в медиалингвистике и медиастилистике: контент-анализ,

лингвостилистический и прагмалистический анализ медиатекстов. Несмотря на то что сейчас аудиоподкасты являются востребованными у аудитории, представлены на различных платформах, в том числе на интернет-сайтах крупнейших радиостанций и стриминговых сервисах, данный медиафеномен еще нуждается в научной рефлексии. Так, в трудах отечественных исследователей до сих пор не сформулировано общепринятое определение аудиоподкаста, а также не выработана единая точка зрения, как рассматривать аудиоподкаст – как новую разновидность радио или самостоятельный формат. Помимо этого крайне мало изучена коммуникативно-прагматическая специфика медиатекстов, эксплицированных в аудиоподкастах. Это обуславливает актуальность и научную новизну предпринятого исследования. В результате анализа эмпирического материала были выявлены доминантные речевые стратегии и реализующие их тактики. Сделаны выводы о стилистическом своеобразии анализируемых медиатекстов.

Ключевые слова:

речевая стратегия, речевая тактика, аудиоподкаст, просветительский аудиоподкаст, медиадискурс, медиатекст, медиалингвистика, медиастилистика, прагмалистика, конвергенция

Аудиоподкаст: подходы к определению понятия

Подкастинг зародился в 2000-х годах в США. Его появление и востребованность у адресата были связаны с развитием RSS – формата, который позволяет транслировать какие-либо медиафайлы и дает возможность «подписываться» на них, то есть регулярно получать их по мере публикации.

Первые зарубежные аудиоподкасты появились в начале 2000-х годов. Самым популярным к тому моменту стал подкаст Адама Карри «Daily Source Code», вышедший в 2003 году. Дальше популярность подкастинга только росла.

Создателем первого аудиоподкаста в России считается телеведущий В. Б. Стрельников, который в 2004 г. основал платформу подкастов «Russian Podcasting».

После этого отдельные аудиоподкасты стали создавать крупные радиостанции: «Маяк», «Европа +», «Record» и др. В связи с тем, что популярные аудиоподкасты появлялись прежде всего на интернет-сайтах радиостанций, возникла дискуссия среди журналистов и исследователей медиа – как квалифицировать аудиоподкаст: как разновидность радиовещания или самостоятельный формат.

Так, А. С. Герасименко утверждает, что подкастинг это «формат радиовещания в Интернете, позволяющий скачивать передачи по сети Интернет, слушать их на компьютере, КПК или переносном MP3-плеере, а также размещать новые передачи в сети Интернет» [\[1, с. 54\]](#).

И. И. Карпенко также считает, что аудиоподкаст является новейшей формой радио, а не самостоятельным форматом [\[2\]](#).

С. С. Распопова объясняет, почему распространено мнение об аудиоподкастах как разновидности радио: «Подобно тому, как первые телевизионные журналисты появились из радиожурналистов, первые ведущие подкастов выросли из диджеев и виджеев» [\[3\]](#).

Отдельно исследователь замечает, что на основе радиопередач создавались одни из первых аудиоподкастов: «Ведущие специально записывали вводную часть и подводки для отрывков из эфира. Таким образом, поклонники шоу, пропустившие интересные моменты, могли послушать все лучшее потом» [\[3\]](#).

Однако большинство исследователей придерживается иного мнения, подчеркивая, что существует ряд отличий аудиоподкастов от традиционных радиопрограмм, которые не позволяют поставить между ними знак равенства.

Так, В. В. Витвинчук и М. С. Лаврищева понимают под аудиоподкастом «цифровой аудиофайл, доступный в Интернете для загрузки на компьютер или мобильное устройство, как правило, доступный в виде серии, новые партии которой могут быть получены подписчиками автоматически» [\[4, с. 544\]](#). Кроме того, исследователи постулируют, что подкасты — это «аудиопередачи, которые только напоминают классические программы на радио. Чаще всего это беседы либо монологи на разные темы: о технологиях, кино, моде, спорте, науке, юморе и т. д.» [\[4, с. 545\]](#).

Е. Д. Антропова делает акцент на периодичности выхода эпизодов аудиоподкаста и предлагает следующее определение интересующего нас феномена: «Подкаст — серия периодических выпусков определённой программы, записанных в аудиоформате и доступных для прослушивания в любое удобное пользователю время» [\[5, с. 16\]](#).

М. А. Бережная формулирует сразу несколько определений понятий, связанных с производством и выпуском аудиоподкастов: «Подкастом называется либо отдельный аудиофайл, либо регулярно обновляемая серия таких файлов, публикуемых на сайте, с возможностью подписки. Подкастер — человек, который занимается подкастингом на любительской или профессиональной основе, то есть тот, кто записывает и выкладывает подкаст. Подкаст-терминал — это сайт, поддерживающий хостинг медиафайлов. Кроме аудио- и видеозаписи может содержать запись речи в текстовом виде, теги и т.п.» [\[6, с. 448-449\]](#).

Интересна также дефиниция, предложенная Л. И. Хасановой: аудиоподкаст — это «регулярно обновляемая аудиозапись (чаще всего в формате MP3), которая распространяется посредством сети Интернет для массового прослушивания» [\[7, с. 276\]](#).

Е. В. Растиоргуева и А. В. Чутчева понимают подкастинг еще шире, констатируя, что это «новый формат для “упаковки” самых разнообразных медийных продуктов» [\[8, с. 231\]](#).

В русле нашего исследования наиболее актуальным будет определение, сформулированное Е. Г. Малышевой и О. С. Рогалевой: подкаст — специфический сетевой медиаформат, обладающий совокупностью технических / технологических средств, способствующих созданию поликодовых медиатекстов, которые характеризуются доминированием аудио- или аудиовидеокода, обладают тематическими, жанровыми и коммуникативно-прагматическими особенностями, связанными с экспликацией собственно диалогических и диалогизированных речевых структур [\[9, с. 787\]](#).

Принципиально важным для нас является мнение исследователей, согласно которому «полноценными подкастами всё-таки следует считать эксклюзивно созданный контент» [\[10, с. 130\]](#).

Подчеркнем, что аудиоподкасты, хоть и сохраняют свою генетическую связь с

радиовещанием, основываясь, прежде всего, на аудиальной специфике контента, в настоящее время стали самостоятельным медиапродуктом, «который имеет к радио теперь только формальное отношение. В отличие от традиционного медиа, у нового аудиоформата нет ограничений в виде эфирного времени и требований редакции, в количестве программ и в их тематике. Более чем за 15 лет в России появилось множество подкаст-терминалов, расширились интерфейсы других платформ, из-за чего подкасты стали более доступными. Как следствие, выросла и общая аудитория — до 5 млн. слушателей» [\[11, с. 164\]](#).

В. И. Волнухина отмечает, что «подкасты рассматриваются исследователями как самостоятельная структурная единица, а также как часть системы радиожурналистики, которая представляет собой особый аспект гражданской журналистики» [\[12, с. 48\]](#). Однако исследователь настаивает, и мы солидарны с ее мнением, что в настоящее время аудиоподкасты представляют «самостоятельный формат новых медиа, которые выполняют функции, присущие традиционным жанрам журналистики, то есть коммуникативную, справочную, рекламную и рекреационную» [\[12, с. 48\]](#).

Особенностью аудиоподкастов И. И. Карпенко считает «простоту в распространении информации, неограниченность аудиторного охвата, возможность самостоятельного отбора тем программ и получение подписки на один тип подкастов, который можно слушать в любом порядке без ограничения по времени» [\[2, с. 43\]](#). Цитируемый автор также утверждает, что «при видимом сходстве с форматами эфирного радио подкасты больше напоминают иной формат, который имеет существенные содержательные отличия из-за мультимедийной составляющей контента, существенно расширяющей вариативность вещательных форматов и жанров» [\[2, с. 44\]](#).

Таким образом, аудиоподкаст — это уникальная форма подачи информации в современной медиасреде, новый самостоятельный медиаформат, который отличается своими техническими, коммуникативными, стилистическими и pragматическими особенностями.

Речевая стратегия и речевая тактика: дефиниции и классификация понятий

Коммуникативные стратегии и тактики являются активно изучаемой областью в различных отраслях лингвистической науки. Несмотря на то что термин «коммуникативная стратегия» существует уже довольно давно, его содержание в работах ученых различно. А. Н. Баранов называет коммуникативной стратегией «языковые действия коммуникантов, которые влияют на образование и преобразование основополагающих когнитивных категорий участников общения» [\[13, с. 11\]](#). С. И. Виноградов при этом отмечает, что «стратегию определяет макроинтенция одного (или всех) участника диалога, обусловленная социальными и психологическими ситуациями» [\[14, с. 42\]](#). Также в работе ученый обращает внимание на следующий факт: стратегия связана с поиском общего языка и созданием основы для построения диалога, что выражается в выборе тональности коммуникации и языковых средств.

В свою очередь А. А. Волкова определяет речевую стратегию как «диалектический процесс взаимодействия коммуникативной ситуации и участников речевого общения» [\[15, с. 7\]](#). А. И. В. Труфанова, обобщая мнения ученых, называет стратегией «совокупность речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего» [\[16, с. 57\]](#).

В нашем исследовании мы придерживаемся концепции О. С. Иссерса, согласно которой «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [\[17, с. 54\]](#).

При выборе стратегии авторы аудиоподкастов прежде всего учитывают поставленные цели, однако при этом предпочтение определенной речевой стратегии также может быть обусловлено тоном коммуникации, направленностью беседы, языковыми средствами.

Для того чтобы медиапродукт был успешен, необходимо использовать целый комплекс речевых стратегий. Как правило, среди них есть основные, или когнитивные, которые «непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение» [\[17, с. 106\]](#), и вспомогательные, позволяющие достичь эффективного коммуникативного взаимодействия.

В зависимости от типа дискурса, в рамках которого проводится исследование речевых стратегий, ученые формируют свои типологии. Профессор Амстердамского университета Т. А. Ван Дейк в работе «Язык. Познание. Коммуникация» выделил следующие речевые стратегии: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение и пресуппозиция/импликация/предположение/косвенный речевой акт. Основу классификации составили групповые предубеждения [\[18, с. 297–298\]](#).

О. Н. Паршина в рамках политического дискурса предлагает свою классификацию речевых стратегий, включая в нее самопрезентацию, дискредитацию, нападение, самозащиту, формирование эмоционального настроя адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную стратегии [\[19\]](#).

Поскольку в данной работе мы опираемся на концепцию, сформулированную О. С. Иссерс, обратимся к классификации, предложенной исследователем. В своей монографии автор выделяет следующие стратегии:

- общие речевые (делятся на основные и вспомогательные);
- диалоговые (контролируют ход коммуникации);
- риторические (в них проявляются приемы ораторского искусства и реализуются риторические техники воздействия) [\[17, с. 104–106\]](#).

Для выявления речевых стратегий, используемых авторами просветительских аудиоподкастов, следует обратить внимание на коммуникативные интенции и цели речевого акта. Главной целью просветительских аудиоподкастов является изменение, расширение представлений адресата о каком-либо объекте в определенной области, поэтому когнитивной стратегией выступает стратегия просвещения, которая, по мнению Т. Е. Арсеньевой, направлена на: а) расширение кругозора адресатов; б) повышение общего культурного уровня слушателей; в) формирование и стимулирование познавательной активности аудитории [\[20, с. 51\]](#).

Отметим, что выбор речевых стратегий определяет успех или неудачу предполагаемой коммуникации, а вследствие и полученного медиапродукта. Для того чтобы стратегия была реализована, необходимо использовать речевые тактики, определяемые О.С. Иссерс как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [\[17, с. 110\]](#).

Речевые тактики обеспечивают «порождение текста определённой интенциональности — с отбором языковых средств, способствующих эффективности воздействия» [21, с. 71]. Несмотря на то, что анализируемые аудиоподкасты прежде всего носят просветительский характер, авторы нацелены на расширение целевой аудитории, поэтому используют тактики для привлечения слушателей в том числе.

Кроме того, исследователи О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина выходят за рамки лингвистического понимания речевых стратегий тактик и считают, что «успех в коммуникации зависит от владения тремя определяющими категориями: логикой, психологией и речью. В ситуациях бытового общения эффективно действуют одни речевые тактики, в деловой сфере — другие. Причем речевые тактики разных уровней могут взаимопроникать с определённой коррекцией. Следует отметить, что ни одна из тактик не является универсальной и эффективной на все случаи жизни. Какую именно форму выбрать, подсказывают именно логика и психология» [22, с. 207].

Таким образом, именно корректно избранные речевые стратегии, а также набор реализующих их речевых тактик являются ключевым моментом в построении коммуникации. Следуя заранее выбранному алгоритму, авторы аудиоподкастов не только задают направленность диалога, но и способствуют достижению желаемых результатов, тем самым делая свой медиапродукт востребованным у аудитории.

Доминантные речевые стратегии и тактики, эксплицированные в просветительских аудиоподкастах

Эмпирическую базу нашего исследования составляют просветительские аудиоподкасты, целью которых является расширение картины мира адресата, поэтому когнитивной (основной) стратегией выступает **стратегия просвещения**.

Данная стратегия реализуется в речи ведущих и приглашенных экспертов: и те, и другие нацелены на расширение представлений аудитории об объекте разговора, при этом тон коммуникации имеет вовсе не менторский характер. Ведущие направляют беседу, выстраивая её логическую последовательность, эксперты же активно поддерживают диалог, отвечая на вопросы; используют в речи иронию, юмор, позволяя себе короткие отступления, таким образом избегая жанра классической лекции. И ведущий, и приглашенный гость рефреймируют картину мира адресата, делая это ненавязчиво и интересно, тем самым побуждают аудиторию прослушать подкаст полностью и ждать новый выпуск.

Для того чтобы реализовать когнитивную стратегию, авторы аудиоподкастов используют вспомогательные: **стратегии формирования целевой аудитории, привлечения и удержания внимания адресата и диалоговую стратегию**. Именно они помогают повысить эффективность речевого воздействия на аудиторию.

Стратегия формирования целевой аудитории представлена с помощью **тактик номинации и самопрезентации**. Как уже было отмечено ранее, подкастинг — набирающий популярность формат, из-за чего конкуренция на медийном рынке достаточно высокая. Именно поэтому тактика *номинации* играет важную роль, помогая создателям аудиоподкастов сделать свой продукт заметным и запоминающимся.

Так, например, в названиях аудиоподкастов «Пойми себя, если сможешь», «Дневник его жены» и «Междустрок» используются интертекстуальные элементы. В номинации «Пойми себя, если сможешь» видна явная отсылка на известную книгу и кинокартину «Поймай меня, если сможешь», название «Дневник его жены» строится на ассоциации со

знаменитым ежемесячным журналом Ф. М. Достоевского «Дневник писателя», выходившим в 1870-1880-х годах, а номинация «Между строк» отсылает к устойчивому выражению «читать между строк». Ни в одном из этих названий не эксплицирован жанр аудиоподкаста, однако в номинациях «Дневник его жены» и «Между строк» прослеживается тематическая доминанта. В названии «Дневник его жены» она выражена не столь ярко, однако использование прямой отсылки к журналу «Дневник писателя» абсолютно точно дает понять, что в центре внимания подкаста теперь не «писатель», как это было у Достоевского, а «его жена», т. е. любимая женщина автора.

Иная ситуация в названии аудиоподкаста «Между строк». На первый взгляд может показаться, что и здесь явного указания на тему нет, однако, если обратиться к смыслу высказывания «читать между строк» (разгадка тайных смыслов написанного), можно предположить, что программа будет посвящена анализу художественных текстов. Как правило, скрытые смыслы, «приправленные» выразительными средствами, находят своё отражение в поэзии, из чего можно сделать вывод: аудиоподкаст посвящен анализу стихотворений.

В данных примерах использование интертекстуальности не только помогает слушателю запомнить название аудиоподкаста, но и понять, чему он посвящен. Чего нельзя сказать о номинации «Пойми себя, если сможешь»: в ней нет прямого указания на тему, которой посвящен аудиоподкаст, поэтому аудитория может лишь догадываться, что именно её ждёт при прослушивании выпуска. Исходя из названия, можно предположить, что речь пойдет о философии и психологии, однако кроме этого аудиоподкаст поднимает темы науки, искусства и литературы, о чём догадаться, зная лишь название подкаста, не представляется возможным.

В номинации «Беседы о литературе» эксплицирован базовый жанр и тематическая доминанта. В данном случае адресат сразу понимает, что речь пойдет о литературе, а услышит он не только рассуждения журналиста, но и мнения экспертов. Похожим образом строится название «Литературные склоки»: в словосочетании ярко обозначена тема программы, эксплицированная при помощи разговорного слова «склоки», которое, в свою очередь, делает действующих лиц подкаста ближе к слушателю и расширяет потенциальную аудиторию — заинтересоваться программой могут не только те, кто увлечен литературой, но и те, кто любит узнавать тайны жизни известных людей, сплетни.

Интересным образом строится название аудиоподкаста «100 минут». На первый взгляд кажется, что авторы названием как бы говорят: за 100 минут вы сможете пройти краткий курс по определенным темам, однако длительность выпусков различная — от 15 до 40 минут. Даже если предположить, что акцент сделан на том, что цикл подкастов, объединенных одной темой, вместе составит 100 минут, это не совсем так. Возьмём для примера цикл «Математика вокруг нас». Он состоит из четырех самостоятельных подкастов: «Математика в контексте истории» (длительность 29 минут), «Как математика объясняет природу» (длительность 33 минуты), «Есть ли место математики в музыке» (продолжительность 33 минуты) и «Как математика связана с медициной» (продолжительность 28 минут). Вместе цикл аудиоподкастов составляет 123 минуты.

Рассмотрим для примера еще один цикл «Странности в архитектуре», состоящий из четырех выпусков: «В каких фильмах можно увидеть достопримечательности и здания, которых больше нет» (продолжительность 39 минут), «Корабль, пончик, многоноожка: как мимикируют архитектурные шедевры» (продолжительность 37 минут), «Конкуренты Пизанской башни: 10 наклонных башен со всего мира» (продолжительность 36 минут),

«Как, куда и почему передвигали здания в столице» (продолжительность 38 минут). Хронометраж этого цикла составляет 150 минут. Очевидно, что выбор названия не был мотивирован желанием за 100 минут осветить основную тему выпусков с разных сторон. В таком случае можно предположить, что при выборе названия авторы хотели сыграть на ассоциации с популярной в 1980-1990-х годах телевизионной программой «600 секунд», либо же с выражением «Сто лет назад». Однако, на наш взгляд, такая языковая игра не оправдана. Название не запоминается и вводит слушателя в заблуждение.

Тактика самопрезентации реализуется через персонализацию ведущего, представление соведущего или приглашенного эксперта, что позволяет аудитории создать образ адресанта и понять модель его поведения.

Так, например, в шуточной манере представляет своего соведущего Артем Новиченков — автор подкаста «Пойми себя, если сможешь»:

— Дорогие мои, здравствуйте. **Я полон сил, энергии, и сегодня мы ухватимся за большую рыбину.** Я буду делать это, то есть **тянуть сети истории с Владиславом Владиславом Тимкиным.**

— **Владиславом Владиславом?**

— Ну, это правильно так.

— Согласен.

— **Сын Владислава — Владислав Владислав.**

— **Владиславсон** тогда.

— **Владиславсон?** Это ты уже можешь претендовать на сборную Исландии («Пойми себя, если сможешь», выпуск «Управление прошлым», 13.09.2022).

Помимо шуточного представления соведущего Артем Новиченков работает и над своим образом, используя в речи метафоры: «тянуть сети истории», «ухватимся за большую рыбину» (здесь автор играет на стилевой дисперсии, строя высказывание с использованием разговорной лексики — «рыбину»). Кроме того, в начале программы ведущий дает характеристику себе, акцентируя внимание на том, что он «полон сил, энергии», а значит и выпуск получится продуктивным, живым и интересным. С помощью этих приемов Артем Новиченков сближает себя и своего соведущего Владислава Тимкина с аудиторией, настраивая при этом на дружеский тон коммуникации между её непосредственными участниками.

Стоит отметить, что в большинстве проанализированных просветительских аудиоподкастов ведущий представляется в конце выпуска, в то время как имя эксперта аудитория узнает сразу. Такой ход выдвигает на первый план приглашенного гостя, хотя в рамках беседы участники подкаста позиционируются как равные:

— Мы сегодня обсудим его с **филологом Еленой Зейферт — писателем, профессором Российского государственного гуманитарного университета и ведущим научным сотрудником Московского государственного лингвистического университета.** Елена, здравствуйте.

— Здравствуйте, Лев. Я очень-очень рада.

— Я тоже очень рад, что вы согласились прийти к нам («Между строк», выпуск

«Невыразимое Василия Жуковского», 01.11.2022).

А завершают подкаст слова: «Спасибо большое. Это был подкаст "Между строк". Мы говорили сегодня с филологом, профессором, доктором филологических наук Еленой Зейферт о "Невыразимом" Жуковского. **Меня зовут Лев Оборин и до следующих выпусков.** Всего доброго («Между строк», выпуск «Невыразимое Василия Жуковского», 01.11.2022).

Представление эксперта открывает и выпуски аудиоподкаста «Беседы о литературе»:

— Замахнемся на Достоевского, поговорим о том, какое влияние оказал писатель на русское поэтическое сознание, и поможет нам в этом **наш эксперт — доктор филологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель лаборатории «Творческое наследие Юрия Любимова и режиссерский театр XX–XXI века» Елена Наумовна Пенская.** Елена, добрый день!

— Здравствуйте! Рада поговорить с вами («Беседы о литературе», выпуск «Какое влияние оказал Достоевский на русское поэтическое сознание», 14.04.2021).

Эта же тенденция прослеживается в аудиоподкасте «Дневник его жены», однако стоит отметить, что Сергей Стиллавин сначала представляет эксперта и лишь затем озвучивает тему выпуска:

— Дорогие друзья, долгожданная встреча с **Егором Сартаковым — доцентом факультета журналистики МГУ, кандидатом филологических наук.** Егор, доброе утро!

— Доброе утро, друзья.

— Я, честно говоря, боялся сегодняшней **темы, потому что она крайне пикантная**, но Егор Сартаков — смелый человек, и он взялся за неё со всем, как говорится, **научным мужеством**, потому что **наш проект называется «Дневник его жены». А вот сегодня у нас вопрос будет поставлен несколько иначе: зачем поэту чужая жена, товарищи?**

— У-у-у-у.

— Да-да-да, **мы добрались до Владимира Владимировича Маяковского, Лили Брик и её супруга.** Там еще сестра также присутствует, но это другой разговор («Дневник его жены», выпуск «Маяковский и Брик: зачем поэту чужая жена?», 08.11.2022).

Используя в речи яркие метафоры и иронию, Сергей Стиллавин располагает к себе приглашенного эксперта и аудиторию подкаста. Кроме того, в этом эксплицирована доминантная стилистическая черта ведущего — Сергей Стиллавин известен своими острыми темами, граничащими со сплетнями, иронией и сарказмом по отношению к объекту разговора, соведущим и гостям выпуска.

В стратегии привлечения и удержания внимания адресата реализуются такие речевые тактики, как **языковая игра, анонсирование, солидаризация с аудиторией.**

Языковая игра выражается в использовании стилевой дисперсии:

«**Не могли бы вы наших слушателей погрузить в жанр исторической живописи?** И тут, как гласит народная мудрость, **без пол-литра не разобраться**» («100 минут», выпуск «Русская живопись. Историческая живопись», 16.05.2022).

Маргарита Митрофанова прибегает к использованию разговорного выражения для того, чтобы показать слушателям, какая сложная тема предстоит, но при этом как бы снижает напряжение, «упрощает» тональность беседы и акцентирует внимание на том, что эксперт поможет легко разобраться в этой теме. Стоит отметить, что помимо разговорной лексики адресант использует метафору «погрузить в жанр», как бы играя со слушателями: сначала добавляет речи выразительности, а после снижает ее стилистический регистр, употребляя разговорную лексику.

Весьма интересно обыгрывает ситуации ведущий подкаста «Беседы о литературе» Вахтанг Махарадзе. Для того чтобы добавить беседе развлекательный характер, он задает вопрос, используя разговорную лексику: «*А могло случиться такое: Наталья Гончарова заходит к Пушкину и говорит: "Саш, посмотри, я тут набросала". Он прочитал по диагональке и говорит: "Не, Наташ, литература — это не твоё". Могло такое быть?*» («Беседы о литературе», выпуск «Почему среди классиков русской литературы почти нет женщин», 16.12.2021).

Журналист, обыгрывая ситуацию, использует усеченный вариант имени поэта («Саш») и его жены («Наташ»), пытаясь имитировать бытовой диалог супругов. Кроме того, Махарадзе образует слово «диагональка», добавляя уменьшительно-ласкательный суффикс «-ка», тем самым придаёт ему разговорный оттенок. Использование краткой формы слова «нет» — «не» также является признаком разговорной речи. Этот приём не только сближает слушателей и великого поэта, но и добавляет в обсуждение шутливые ноты, делает беседу непринуждённой. Таким образом, происходит своеобразная игра со слушателем.

Артём Новиченков в авторском подкасте «Пойми себя, если сможешь» также использует разговорные выражения: «*Кстати, настоящая его фамилия Ювачёв. Согласитесь, классная фамилия <...> Повесть "Старуха" — его самый большой текст. Она, дай бог, 30 страниц <...> Эти люди собираются вместе и вытворяют не бог весть знает что*» («Пойми себя, если сможешь», выпуск «"Из дома вышел человек": безумный гений Хармса», 30.11.2021).

Журналист использует разговорную лексику: слово «классная», междометие «дай бог», выражение «не бог весть знает что». Этими лексическими единицами автор добавляет эмоциональную оценку, экспрессивность своей речи.

Сергей Стиллавин в подкасте «Дневник его жены» использовал разговорное слово «подкаблучник»: «*А превратился ли Александр Сергеевич в этом смысле, ну, как сейчас говорят, в подкаблучника?*» («Дневник его жены», выпуск «А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова. История знакомства», 19.01.2022).

Разговорную лексику с ярким экспрессивным компонентом использует журналист в своей речи и в другом подкасте: «*А они, когда отзывались друг о друге, сопровождали это какими-то прозвищами или эпитетами? Например: "Ах ты, белогвардейский выкормыш", а тот ему: "Ах ты, пролетарский голодранец"?*» («Литературные склоки», выпуск «Булгаков vs Маяковский», 16.09.2021). Слова «выкормыш» и «голодранец» имеют сниженную стилистическую окраску. Такое иронично-саркастичное моделирование коммуникативной ситуации, в которой эксплицирован конфликт между поэтом и писателем, репрезентирует характерные черты языковой личности Сергея Стиллавина.

Яркую лексическую палитру использует и автор аудиоподкаста «Между строк» Лев Оборин: «*Я не знаю, как ты бы это прокомментировал, момент, когда хирург у нас терпит фиаско, ломается и ритм этого стихотворения. Тут и ритм, может быть,*

развалился, как и все надежды хирурга» («Между строк», выпуск «Сладострастная торговка» Даниила Хармса», 28.12.2022).

Ведущий использует разговорное выражение «терпит фиаско», что означает испытать неудачу, и сразу же дополняет его метафорой «ломается и ритм этого стихотворения». В отличие от Маргариты Митрофановой Лев Оборин сначала снижает стилистическую тональность высказывания, а затем повышает при помощи художественных средств, тем самым возвращая коммуникации просветительский характер. Дополняет метафору Лев Оборин ироничным сравнением «и ритм, может быть, развалился, как и все надежды хирурга».

Используя тактику языковой игры, авторы просветительских аудиоподкастов подчеркивают свою речевую индивидуальность, стремятся быть запоминающимися и узнаваемыми у целевой аудитории.

Тактика анонсирования представлена в подводках к аудиоподкастам, где ведущий обозначает, о чем пойдет речь в данном выпуске. Лев Оборин, автор подкаста «Между строк», практически не использует элементы инфотейнмента, придерживаясь стратегии просвещения:

- **Сегодня мы говорим о Ксении Некрасовой** с Данилой Давыдовым — поэтом, критиком, филологом, исследователем, в том числе и Ксении Некрасовой. Данила, здравствуй!

- **Мы решили поговорить об одном из стихотворений, часто цитируемых, — «Дом, в котором я живу» — и о самой Некрасовой, наверное, тоже имеет смысл сказать побольше** («Между строк», выпуск ««Дом, в котором я живу...» Ксении Некрасовой», 29.03.2023).

Совсем иначе себя ведет Артем Новиценков в подкасте «Пойми себя, если сможешь»:

- Дорогие мои, здравствуйте. С вами Артём Новиценков и Владислав Тимкин, **иссегодня мы будем говорить о... о чем, Влад?**

- **О чем мы будем говорить...** О чем захотим.

- **О про-кра-сти-на-ции** (поют на мотив «Буратино»).

- **Мы сегодня будем говорить о прокрастинации.** Влад предложил эту тему, я не мог отказаться, потому что был занят. Влад, почему ты выбрал эту тему? («Пойми себя, если сможешь», выпуск «Отложенная жизнь», 07.02.2022).

В этом примере также наблюдается тактика солидаризации с аудиторией в использовании дружеского обращения «дорогие мои», кроме этого, сам тон общения между ведущими выбран расслабленный, дружественный, поэтому и слушатель чувствует себя комфортно.

А вот как Сергей Стиллавин обращается к слушателям:

«**Дело в том, что писатели-то тоже люди, им не чуждо быть такими же, как и мы, в общем-то. А мы с вами неидеальны. Иногда у нас просто портится настроение, хочется кому-нибудь чего-нибудь как-нибудь, а это потом записывают и говорят: "Вот, смотри, какой подлец-то был"**» («Литературные склоки», выпуск «С кем не ладил А.П. Чехов»,

27.01.2022).

Еще одной стратегией, эксплицированной в аудиоподкастах, является **диалоговая**. Она включает четыре коммуникативные тактики: **имитация дружеского общения, обращение к слушателю, контроль над темой и тактика завершения диалога**.

Установка на дружеское общение, как и обращение к слушателю, реализуется посредством использования в речи выражений: «дорогие друзья», «друзья мои», «дорогие мои», «дорогие слушатели». Кроме того, ведущие аудиоподкастов обращаются к аудитории, когда анонсируют программу, в ходе беседы расставляют смысловые акценты, дают советы или шуточные рекомендации, как, например, Маргарита Митрофанова:

«Ну, в общем, давайте запомним, на мостУ/мостЕ. Это, как помните, 'белый лебедь на прудЕ', мужик один в "Давай поженимся" спился и не смог допеть песню» («100 минут», выпуск «Мосты. Как корректно склонять слово — мост», 06.09.2021).

Тактика контроля над темой репрезентирована в диалоге с приглашенным экспертом. Ведущий выступает в роли модератора, который задает тон беседы, направляет эксперта, охватывая все вопросы. Наиболее явно тактику контроля над темой использует Лев Оборин в аудиоподкасте «Между строк»:

«Мне не хочется пока что бросать мотив трамвая. Всё-таки стихотворение про трамвай. Действительно, до XIX века, когда появляются железная дорога и конка, совсем массовых путешествий, где в одном вагоне, в одном домике на колёсах собирается много-много народа, нет» («Между строк», выпуск «Заблудившийся трамвай» Николая Гумилёва», 25.08.2021).

«Много говорим о поэте Лермонтове и о поэте — герое стихотворения, но как-то мало до сих пор сказали про кинжал, про этот ключевой образ. Я ведь правильно понимаю, что имеется в виду вполне конкретный кинжал, действительно имевший силу Лермонтова?» («Между строк», выпуск «Поэт» Михаила Лермонтова», 13.09.2022).

В тактике завершения диалога ведущие используют слова благодарности: **«Спасибо огромное, Данила. Мы сегодня говорили о Ксении Некрасовой в подкасте "Между строк". Меня зовут Лев Оборин. С нами был Данила Давыдов. Это "Между строк". До следующих выпусков»** («Между строк», выпуск «Дом, в котором я живу...» Ксении Некрасовой», 29.03.2023).

Кроме того, тактика завершения диалога репрезентирована в речевых штампах, которые оповещают об окончании беседы: **«Завершаем вот этой прекрасной байкой про Андрея Миронова. Говорили сегодня о псевдонимах. А сегодня у нас была доцент факультета журналистики Института госслужбы РАНХиГС Любовь Петровна Гогина. Любовь Петровна, большое вам спасибо! И всего доброго! До новых встреч!»** («Беседы о литературе», выпуск «Почему писатели скрываются за псевдонимами», 25.07.2022).

Выводы

Подводя итог предпринятого исследования, отметим, что аудиоподкаст как новый медиаформат активно изучается отечественными исследователями. Если первые попытки представить дефиницию данного феномена были связаны в большей степени с его техническими и технологическими характеристиками, то современные научные работы, выполненные в русле дискурсологии, медиалингвистики и медиастилистики, учитывают различные аспекты: тематическую, коммуникативно-прагматическую, стилистическую и

языковую специфику.

Наше исследование, направленное на изучение прагмалистического своеобразия просветительских аудиоподкастов, позволяет сделать вывод, что набор речевых стратегий и тактик, представленных в эмпирическом материале, обусловлен своеобразием формата аудиоподкаста, целями адресанта, ожиданиями адресата, тематикой, границами медиадискурса.

Используя представленные речевые стратегии и тактики, ведущие аудиоподкастов расширяют картину мира адресата, привлекают и удерживают внимание слушателей, ведут беседу непринужденно, легко, при этом обстоятельно и нескучно обсуждают как значимые культурные события или явления, так и некоторые интересные подробности из жизни известных людей. Авторы аудиоподкастов намеренно уклоняются от, например, жанра академической лекции в сторону инфотейнмента, благодаря чему им удается доступно и увлекательно доносить информацию до аудитории.

Библиография

1. Герасименко А. С. Радио в сети Internet и подкастинг. Создание собственного подкастинга и радиостанции в сети Internet. М.: Триумф, 2007.
2. Карпенко И. И. Радиовещание в Интернете: теория, типология, специфика журналистской деятельности: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
3. Распопова С. С. Подкасты – это просто удобно // Журналист. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://jrnlst.ru/podcasting> (дата обращения: 05.01.2024).
4. Витвинчук В. В., Лаврищева М. С. Особенности российских подкастов (по материалам издания «Meduza») // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 544-546.
5. Антропова Е. Д. Подкастинговое вещание на радио: перспективы, тенденции развития // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: Межвузовский сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов / под ред. А. Н. Марченко. СПб: ООО «Медиапапир», 2021.
6. Бережная М. А. Что за чудо-юдо заморское – музейный подкаст? // Время Музея. 2019. Выпуск 2. С. 441-458.
7. Хасанова Л. И. Подкаст как образовательное медиасредство // Цифровое развитие экономики и социальной сферы Удмуртской Республики: актуальные вопросы и роль высшей школы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. М. Макарова. Ижевск: Удмуртский университет, 2019.
8. Растиоргуева Е. В., Чутчева А. В. Аудиоподкасты как современная разновидность аналитической журналистики // Медиаисследования. 2020. № 7. С. 230-235.
9. Малышева Е. Г., Рогалева О. С. Спортивные подкасты в аспекте диалогической коммуникации // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 782-799. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(4). 782-799.
10. Петренко О. А., Горбачёв А. М. Потенциал подкастов эфирного радио в формировании исторического сознания аудитории // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 2. С. 130-134.
11. Круглова Л. А., Мамедов Д. З. Проблемы подкастинга в России // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. № 6: Журналистика. С. 156-167.
12. Волнухина В. И. Подкаст как самостоятельная единица в современном культурном

- медиапространстве // Культура и гуманитарные науки в современном мире: Сборник научных статей / под ред. О. В. Архиповой. СПб: Научно-исследовательский центр «Пересвет», 2019.
13. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1990.
 14. Виноградов С. И. Культура русской речи: учебник для высших учебных заведений / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М.: ИНФРА-М, 1999.
 15. Волкова А. А. Понятия «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «коммуникативный ход» // Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе / Отв. ред. Н. Г. Нестерова. Томск: Томский государственный университет, 2011.
 16. Труфанова И. В. О разграничении понятий «речевой акт», «речевой жанр», «речевая стратегия», «речевая тактика» // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56-65.
 17. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е. изд. М: Изд-во ЛКИ, 2008.
 18. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
 19. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
 20. Арсеньева Т. Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013.
 21. Нестерова Н. Г. Феномен радиодискурса: современные дискурсивные практики: дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2015.
 22. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2007.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Обозначенный вектор исследования касается презентации речевых стратегий и тактик в просветительских аудиоподкастах. Считаю, что проблема, которую рассматривает автор статьи актуальна, нова, нетривиальна. «Подкастинг зародился в 2000-х годах в США. Его появление и востребованность у адресата были связаны с развитием RSS – формата, который позволяет транслировать какие-либо медиафайлы и дает возможность «подписываться» на них, то есть регулярно получать их по мере публикации», «первые зарубежные аудиоподкасты появились в начале 2000-х годов. Самым популярным к тому моменту стал подкаст Адама Карри «Daily Source Code», вышедший в 2003 году. Дальше популярность подкастинга только росла. Создателем первого аудиоподкаста в России считается телеведущий В.Б. Стрельников, который в 2004 г. основал платформу подкастов «Russian Podcasting». Работа информативна, материал достаточно объективно преподносится читателю, создается, и это положительно, определенный диалог, ориентированный отчасти и на дальнейшее изучение природы подкастов. Цитации на уже имеющиеся источники выверены: например, «Так, А. С. Герасименко утверждает, что подкастинг это «формат радиовещания в Интернете, позволяющий скачивать передачи по сети Интернет, слушать их на компьютере, КПК или переносном MP3-плеере, а также размещать новые передачи в сети Интернет». И. И. Карпенко также

считает, что аудиоподкаст является новейшей формой радио, а не самостоятельным форматом. С. С. Распопова объясняет, почему распространено мнение об аудиоподкастах как разновидности радио: «Подобно тому, как первые телевизионные журналисты появились из радиожурналистов, первые ведущие подкастов выросли из диджеев и виджеев». Отдельно исследователь замечает, что на основе радиопередач создавались одни из первых аудиоподкастов: «Ведущие специально записывали вводную часть и подводки для отрывков из эфира. Таким образом, поклонники шоу, пропустившие интересные моменты, могли послушать все лучшее потом» и т.д. Считаю, что методология, которая взята за основу анализа вопроса вполне уместна, здесь и должна аналитика, и эмпирика, и систематизация, и компаратив. Оценивая данную работу, стоит отметить и факт продуктивного диалога автора с оппонентами, причем в ряде мест обозначается явное несогласие, в ядре оценочное принятие точки зрения: «в русле нашего исследования наиболее актуальным будет определение, сформулированное Е. Г. Малышевой и О. С. Рогалевой: подкаст — специфический сетевой медиаформат, обладающий совокупностью технических / технологических средств, способствующих созданию поликодовых медиатекстов, которые характеризуются доминированием аудио- или аудиовидеокода, обладают тематическими, жанровыми и коммуникативно-прагматическими особенностями, связанными с экспликацией собственно диалогических и диалогизированных речевых структур...». Информационно-научный срез данных сделан правильно и точно: хронология в данном случае начинается со ссылки на Т.А. ван Дейка: «в зависимости от типа дискурса, в рамках которого проводится исследование речевых стратегий, ученые формируют свои типологии. Профессор Амстердамского университета Т. А. Ван Дейк в работе «Язык. Познание. Коммуникация» выделил следующие речевые стратегии: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение и пресуппозиция/импликация/предположение/косвенный речевой акт. Основу классификации составили групповые предубеждения...». Термины, понятия по ходу работы используются в унифицированном виде, без каких-то нарушений и сбивов. Стандарт, касающийся структуры, цели работы, задач весьма точен: например – «эмпирическую базу нашего исследования составляют просветительские аудиоподкасты, целью которых является расширение картины мира адресата, поэтому когнитивной (основной) стратегией выступает стратегия просвещения». Иллюстративный уровень достаточен: «в номинации «Беседы о литературе» эксплицирован базовый жанр и тематическая доминанта. В данном случае адресат сразу понимает, что речь пойдет о литературе, а услышит он не только рассуждения журналиста, но и мнения экспертов. Похожим образом строится название «Литературные склоки»: в словосочетании ярко обозначена тема программы, эксплицированная при помощи разговорного слова «склоки», которое, в свою очередь, делает действующих лиц подкаста ближе к слушателю и расширяет потенциальную аудиторию — заинтересоваться программой могут не только те, кто увлечен литературой, но и те, кто любит узнавать тайны жизни известных людей, сплетни». Или прямая отсылка: «Представление эксперта открывает и выпуски аудиоподкаста «Беседы о литературе»: — Замахнемся на Достоевского, поговорим о том, какое влияние оказал писатель на русское поэтическое сознание, и поможет нам в этом наш эксперт — доктор филологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель лаборатории «Творческое наследие Юрия Любимова и режиссерский театр XX–XXI века» Елена Наумовна Пенская. Елена, добрый день!» и т.д. Главная составляющая статьи в том, что целевая установка достигнута, тема полновесно раскрыта. Материал, на мой взгляд, уместно использовать при изучении курсов связанных со СМИ (журналистикой), да и вообще социологии, культурологии и т.д. Итоги работы конструктивны и соотносятся с основной частью: «Подводя итог

предпринятого исследования, отметим, что аудиоподкаст как новый медиаформат активно изучается отечественными исследователями. Если первые попытки представить дефиницию данного феномена были связаны в большей степени с его техническими и технологическими характеристиками, то современные научные работы, выполненные в русле дискурсологии, медиалингвистики и медиастилистики, учитывают различные аспекты: тематическую, коммуникативно-прагматическую, стилистическую и языковую специфику. Наше исследование, направленное на изучение прагмастилистического своеобразия просветительских аудиоподкастов, позволяет сделать вывод, что набор речевых стратегий и тактик, представленных в эмпирическом материале, обусловлен своеобразием формата аудиоподкаста, целями адресанта, ожиданиями адресата, тематикой, границами медиадискурса...». Список источников объемен, здесь и работы теоретического, и практического уровней, удачно синтезируется и хронология – статьи / исследования 2007, 2008, 2019, 2021 годов. С учетом сказанного тезирую: статья «Специфика презентации речевых стратегий и тактик в просветительских аудиоподкастах» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

"The Seagull" by A. P. Chekhov in English translations (1909-2019): the experience of comparison

Rudenko Tatiana

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Contrastive Linguistics, Moscow State Pedagogical University

119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1

 ti.rudenko@mpgu.edu

Abstract. This article is devoted to the consideration of the main translations of A. P. Chekhov's play "The Seagull" into English. The purpose of the work is to identify the key translation trends in the transmission of the above-mentioned work, depending on the year of its creation. The theoretical basis of this study was the works devoted to the theory of translation by domestic and foreign researchers (such as Alekseeva, 2004; Vinogradov, 2001; Vlakhov, Florin, 1986; Nelyubin, Khukhuni, 2008; Proshina, 2019; Fedorov, 1983; De Waard, Nida, 1986; Nida, Taber, 1982; Savory, 1968). The research material was the original of A. P. Chekhov's play "The Seagull" and twelve of its translations into English, published in the period from 1909 to 2019 in the United Kingdom and the United States of America. The following methods were used in this study: comparative method, descriptive method, component analysis method. Thus, based on our research, we come to the conclusion that translations of A. P. Chekhov's play "The Seagull" into English can be divided into actual translations of the literary text, preserving the semantic content, and interpretative variants, the purpose of which is adaptation not only linguistic, but also cultural, for the viewer, at all unfamiliar with the original source. Russian authors, who are native speakers of the Russian language, but are guided by a different, to varying degrees alien, cultural orientation, are characterized by excessive domestication and attempts to bring the translation of a work closer to the realities of another culture, not so much by English-speaking translators, who nevertheless tried to convey the author's style of A. P. Chekhov and explain certain realities to a foreign reader.

Keywords: reality, equivalence, domestication, translation transformations, The Seagull, Chekhov, literary text, comparison, translation, original

References (transliterated)

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie. SPb. M.: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogosudarstvennogo universiteta; Akademiya, 2004. 352 s.
2. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie. Obshchie i leksicheskie voprosy. M.: Izd-vo Instituta obshchego srednego obrazovaniya Rossiiskoi akademii nauk, 2001. 224 s.
3. Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Vysshaya shkola, 1986. 360 s.
4. Proshina Z. G. Teoriya perevoda (na angliiskom yazyke). M.: Yurait, 2019. 320 s.
5. Fedorov A. V. Osnovy obshchei teorii perevoda. M.: Vysshaya shkola, 1983. 303 s.
6. Nelyubin, L. L. Khukhuni G.T. Iстория науки о языке. Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "FLINTA", 2008. 376 s.

7. Chekhov A. P. «Chaika», 1986. Elektronnyi resurs. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
8. Chukovskii K. I. Kritika. Elektronnyi resurs. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/v-zashhitu-chexova> (data obrashcheniya: 21.08.2023).
9. Chekhov A. Chekhov: the major plays. A new translation by Ann Dunnigan with a foreword by Robert Brustein. A Signet classic, 1964. 381 p.
10. Chekhov A. Plays by Anton Tchekoff. Translated from the Russian, with an introduction by Marian Fell. Charles Scribner's sons, 1912. 233 p.
11. Chekhov A. Plays. L.: Penguin books, 2002. 359 p.
12. Chekhov A. The Sea Gull. Translated by Nicholas Saunders and Frank Dwyer. USA: A Smith and Kraus Book, 1994. 95 p.
13. Chekhov A. The Sea Gull. Translated from the Russian of Anton Chekhov by Stark Young. Samuel French Inc., 1950. 80 p.
14. Chekhov A. The Sea Gull and other plays. translated by Elisaveta Fen. Penguin Books; Later Edition, 1954. 207 p.
15. Chekhov A. The Seagull by Jean-claude Van Itallie. Dramatists play service Inc., 1974. 57 p.
16. Chekhov A. The Seagull. Translated by Michael Frayn. A Methuen Paperback, 1986. 67 p.
17. Chekhov A. The Seagull. Translated from the Russian by Alexandra LaCombe. Sordelet Ink, 2019. 124 p.
18. Chekhov A. Young Chekhov: Platonov, Ivanov, The Seagull / Transl. by D. Hare. L.: Faber & Faber, 2015. 123 p.
19. De Waard Jan, Nida E. A. From One Language to Another. Nashville: TN, Thomas Nelson, 1986. 224 p.
20. Nida E.A., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill. 1982. VIII. 218 p.
21. Savory Th. The Art of Translation. London: Jonathan Cape, 1968. 191 p.
22. Tchekov A. The plays of Anton Tchekov. Translated by Constance Garnett. Modern Library: New York, 1923. 327 p.
23. Tchekhof A. Two Plays by Tchekhof / transl. by G. Calderon. N.Y.: Mitchell Kennerley, 1909. 155 p.

Formation of modern English abbreviations in business and scientific communications and their translation into Russian

Kameneva Natalia Alexandrovna

PhD in Economics

Associate professor, Department of Foreign Languages and Speech Communication, Moscow International University; Associate professor; Department of philosophy, history and intercultural communications; Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI)

17 Leningradsky ave., Moscow, 125040, Russia

✉ n-kameneva@yandex.ru

Abstract. For completeness and accuracy of meaning, most of new concepts, both in Russian and in English, are expressed using phrases or compound words. But multicomponent terms,

are often quite cumbersome. That is why there is a need to shorten terms and use abbreviations. The object of the study is the phenomenon of abbreviation of English terminology in business and scientific discourse. The subject of the work is the analysis of the structural and semantic features of the abbreviation lexical units, the ways of forming English-language abbreviations and their translation into Russian.

The article uses comparative research method to compare complete terms and their abbreviations to identify structural and semantic transformations; method for analyzing semantic structure of abbreviations to establish their common and distinctive properties; method of contextual analysis to determine the degree of linguistic economy through the use of abbreviations and to identify differences between semantically similar abbreviations.

The novelty of the research lies in the identification, analysis and generalization of ways of education and translation of English-language abbreviations in business and scientific communications. Inaccurate translation of abbreviations can change or distort the intended meaning. To transfer foreign-language abbreviations into Russian, such methods can be used as searching for a translation equivalent, full borrowing of an abbreviation, transliteration, transcription, translation of an abbreviation, translation of an abbreviation and creation of an abbreviation in the translating language, transcription of the letter-by-letter pronunciation of an abbreviation.

Among the main difficulties of translating abbreviations are difficulties in identifying abbreviations and problems of their correlation with complete lexical unit, as well as the phenomenon of homonymy of terminological units.

It is important to take into account the normalization of translated text and its compliance with literary and linguistic norms and cultural traditions of target language.

Keywords: discourse, homonymy, alphabetisms, clipping, blending, acronym, multicomponent terms, abbreviation, semantic correspondence, context

References (transliterated)

1. Anglo-russkii slovar' sovremennoykh sokrashchenii. Pod red. V.A. Lutskevicha i dr. – M.: Rus.yaz, 2002. – 176 s.
2. Egorova M.A. *Omonimichnye abbreviatury v angliiskom yazyke*. Kazanskaya nauka. 2022. № 10. S. 95-97.
3. Dem'yanova Zh.V. Izuchenie abbreviatury na zanyatiyakh po angliiskomu yazyku v vuze. Global'nyi nauchnyi potentsial. 2021. № 7 (124). S. 107-110.
4. Cambridge Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/> (Data obrashcheniya 17.02.2024)
5. Oxford English Dictionary <https://www.oed.com/search/dictionary/> (Data obrashcheniya 17.02.2024)

Assessment of the quality of poetic translation (based on the material of translations of British poetry into Russian)

Dondik Lyudmila Yurievna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University

622031, Russia, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57

✉ dondik2006@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the peculiarities of assessing the quality of translation of poetic texts. The object of the study is the translation of a poetic text as a complex multidimensional process. In this paper, we will be interested in criteria for evaluating the quality of translation of a poetic work, since a comprehensive assessment of the quality of a poetic translation remains an unresolved problem, and the need for such a procedure remains. The criteria for evaluating poetic translation mean such signs of high-quality poetic translation, on the basis of which a standardized assessment of any poetic translation can be made, for example, in the conditions of a translation competition. To develop evaluation criteria, the author examines in detail the difficulties of translating poetry. The results of a comparative analysis of original and translated poetic texts are analyzed on the basis of the selected criteria. The work uses methods of directed sampling, comparative linguistic (phonetic, semantic, syntactic) analysis of parallel texts, linguistic and pragmatic analysis using elements of cultural and stylistic analysis, as well as quantitative data processing methods. The scientific novelty of the study lies in the fact that a method of analyzing a poem based on an assessment of the quality of poetic translation is proposed. The concept of the quality of poetic translation is clarified, criteria for a comprehensive assessment of the quality of poetic translation are formulated. A comparative analysis of parallel original and translated texts – works of British poetry and their translations into Russian, performed by professional translators, is carried out. The quality of a poetic translation can be the object of a comprehensive assessment, which is carried out using a number of criteria: the preservation of the original author's idea, composition and rhyme of a poetic work, the selection of appropriate equivalents by the translator, the absence of significant permutations, omissions and distortions, as well as compliance with the norms of the translation language. The criteria for a comprehensive assessment of the quality of poetic translation can be recommended to the organizers of translation contests to evaluate the works of the participants of the contests, as they reduce the effect of subjective factors in the analysis of quality and make it possible to rank translation options, identify the most qualitative of them.

Keywords: pragmatic aspect of translation, evaluation criteria, comprehensive quality's assessment, equivalence, adequate translation, translation quality, poetic translation, standardization of the assessment procedure, invariant, interpretation

References (transliterated)

1. Khaidegger M. Gel'derlin i sushchnost' poezii // Logos. 1991. № 1. S. 37-47.
2. Gasparov M. L. Stat'i o lingvistike stikha. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 288 s.
3. Zhirmunkii V. M. Kompozitsiya liricheskikh stikhhotvorenii // Teoriya stikha / Pod red. V. M. Zhirmunkogo. – L.: Sovetskii pisatel', 1975. S. 433-536.
4. Fedorov A. V. Osnovy obshchey teorii perevoda: ucheb. posobie. – M.: Filologiya Tri, 2002. 416 s.
5. Retsker Ya. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. – M.: Valent, 2007. 240 s.
6. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. – M.: ETS, 2002. 424 s.
7. Nida E., C. Taber. The theory and practice of translation. Leiden : E. J. Brill, 1969. 220 p.
8. Sdobnikov V. V. Tak kto zhe otsenivaet kachestvo perevoda // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti. 2014. № 2. S. 86-92.

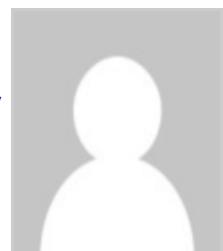
9. Knyazheva E. A. Otsenka kachestva perevoda: problemy teorii i praktiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2. S. 190-195.
10. Barkhudarov L. S. O leksicheskikh sootvetstviyakh v poeticheskem perevode // Tetradi perevodchika / Pod red. L. S. Barkhudarova. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1984. S. 18-23.
11. Leont'ev A. N. Osobennosti poeticheskogo perevoda // Naukovii visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. 2010. № 1. S. 50-57.
12. Arpent'eva M. R. Perevod kak popytka ponimaniya chuzhogo // Materialy mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Perevod kak sredstvo vzaimodeistviya kul'tur». – M.: MGU, 2014. S. 101-111.
13. Emel'yanova O. N. Ekzotizmy // Kul'tura russkoi rechi. – M.: Flinta : Nauka, 2003. S. 760.
14. Matiu O. Translating poetry. Contemporary theories and hypotheses // Professional communication and translation studies. – Timisoara : UPT, 2008. R. 127-134.
15. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk. – M.: Flinta : Nauka, 2005. 384 s.
16. Denisova G. V. Intertekstual'nost' i semiotika perevoda // Tekst. Intertekst. Kul'tura / Pod red. V. P. Grigor'eva, N. A. Fateevoi. – M.: Azbukovnik, 2001. S. 112-128.
17. Komissarov V. N. Obshchaya teoriya perevoda. – M.: Yurait, 2000. 136 s.
18. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie. – M.: Akademiya, 2004. 352 s.
19. V dvukh izmereniyakh: sovremennaya britanskaya poeziya v russkikh perevodakh / Pod red. M. Boroditskoi, G. Kruzhkova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 528 s.
20. Marshak S. Ya. Portret ili kopiya. Iskusstvo perevoda. V 4 tomakh. T. 4: Stat'i, zamekti, vospominaniya. – M.: Pravda, 1990. 453 s.
21. Ul'yam Bleik. Pastukh [Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=138> (data obrashcheniya: 21.02.2024).
22. Fet A. A. Polnoe sobranie stikhhotvorenii. V 2 tomakh. – SPb.: Izdatel'stvo A. F. Marks, 1912. 442 s.
23. The Tyger by William Blake [Elektronnyi resurs] // URL: <https://poemanalysis.com/william-blake/the-tyger/> (data obrashcheniya: 21.02.2024)

Cultural reality as a phenomenon of language and artistic text.

Pavlova Tatyana Alexandrovna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Sevastopol State University
299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, Russia, Sevastopol, Crimea, Rudneva str., 26/5

 tatyana_bokhan@mail.ru

Potovskaya Kseniya Sergeevna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Sevastopol State University
299053, Russia, Sevastopol, Crimea, Rudneva str., 26/5

 xevia25@mail.ru

Abstract. The article investigates the specificity of literary realities with a national-cultural

component of meaning in the context of a fiction text. Different approaches to the interpretation and classification of this linguistic phenomenon are analyzed, the peculiarities of the use and transfer of cultural realities into the target language are considered. The author analyzes how these cultural elements influence the perception and interpretation of texts, emphasizing their importance for understanding the context and meaning of works. The paper aims to broaden the understanding of the relationship between linguistic and cultural aspects, and to provide readers with a new perspective on the role of cultural realities in enriching language and fiction. The author also analyzes how these cultural elements influence the perception and interpretation of texts and emphasizing their importance for understanding the context and meaning of works. The article aims to broaden the understanding of the relationship between linguistic and cultural aspects, and to provide readers with a new perspective on the role of cultural realities in enriching language and fiction. The main conclusions of the conducted research are the identification of a deep relationship between cultural reality, language and artistic text. The scientific novelty of this article lies in the systematic analysis of the influence of cultural factors on the formation of linguistic reality and its reflection in literary works. The study identifies the key linguistic mechanisms of transmission of cultural concepts, reveals the specifics of text perception in different cultural contexts. These findings provide a basis for further research in linguistics and literary studies, deepening our understanding of the interaction between culture, language and artistic creation. The results can be used to develop language and cultural studies teaching methods and to better analyze literary works in cultural contexts.

Keywords: translation, fiction text, culture, language, ethnographic reality, anthroponym, onomastics, toponym, non-equivalent vocabulary, cultural reality

References (transliterated)

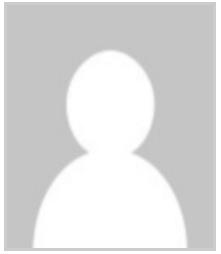
1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M. : Editorial URSS, 2004. – 381 s.
2. Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. – M. : Vysshaya shkola, 1986. – 88 s.
3. Retsker Ya.I. Posobie po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii. – M. : Prosveshchenie, 1982. – 32 s.
4. Rylov Yu.A. Ocherki romanskoi antroponomii. – Voronezh : TsChKI, 2000. – 156 s.
5. Fedorov A.V. Osnovy obshchey teorii perevoda. – M. : Izdatel'skii Dom Filologiya Tri, 2002. – 206 s.
6. Chernov G.V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. – 187 s.
7. Shveitser A.D. Teoriya perevoda. Status. Problemy. Aspekty. – M.: Nauka, 1998. – 108 s.
8. Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow, 2005. – 95 r.

The role of mass media in the development of intercultural communication in the context of digitalization

Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov

173 Chernyshevsky str., building 4, Nalchik, 360004, Russia

✉ rysal2727@gmail.com

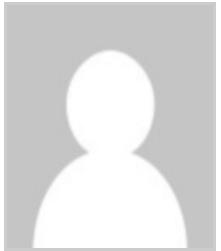

Borieva Markhaba Kurmanbaevna

Senior lecturer at the Department of Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov

173 Chernyshevsky str., building 4, Nalchik, 360004, Russia

✉ rysal2727@gmail.com

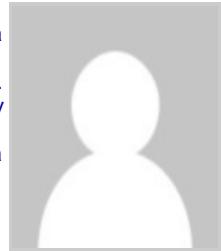

Tekueva Adalina Alekseevna

Senior lecturer at the Department of Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov

173 Chernyshevsky str., building 4, Nalchik, 360004, Russia

✉ rysal2727@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the definition of the role of mass media in the development of intercultural communication in the context of digitalization. Intercultural communication in the modern world is actively developing in the context of globalization, and is also being significantly transformed through the mass application of information and digital technologies. The promotion of intercultural dialogue in order to form an understanding and acceptance of the specifics and identity of different cultures remains unchanged. The article formulates the author's definition of the meaningful characteristics of the role of the media in the development of intercultural communication through the prism of two main aspects of their functioning in this area: the transmission of socio-cultural values and traditions, as well as coverage of issues arising in the process of intercultural dialogue. Attention is focused on the complex nature of the influence exerted, which is manifested in the implementation of a number of functions by the media (educational, organizational and integration). Through a systematic analysis, the current state of intercultural communication has been studied, and the use of a structural and functional method has made it possible to determine the role of the media in the development of intercultural communication. Based on the application of empirical methods (observation, comparison, etc.), current trends in the functioning of the media in the context of digitalization have been identified. The scientific novelty of the article lies in the fact that it takes into account the impact of the large-scale dissemination of information and digital technologies in the media, which significantly increases the availability of relevant materials to the public, and the degree of involvement of the media in the development of intercultural communication. The role of the media in the development of intercultural communication in the context of digitalization is determined, since the process of mass media dissemination currently has significant specifics and is important for the formation of a modern person's worldview. According to the results of the study, the authors conclude that the activity of the media in the context of digitalization, characterized by the transition to the Internet space, is of crucial importance for the development of intercultural communication. Conclusions and suggestions can be used in the development and reading of theoretical and practical courses on intercultural communication.

Keywords: online resources, information interaction, values, culture, digital technologies,

media space, intercultural communication, mass media, digitalization, intercultural dialogue

References (transliterated)

1. Blagov Yu.V. Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v SMI // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2022. № 1(1). S. 20-27.
2. Blagov Yu.V. SMI i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2021. № 1(1). S. 118-125.
3. Gulyaev S.B. Vliyanie SMI na sotsiokul'turnuyu dinamiku v sovremenном rossiiskom obshchestve: diss. ... kand. sots. nauk. M., 2009. 170 s.
4. Kozhevnikov M.V., Korneeva N.Yu., Korneev D.N., Lapchinskaya I.V. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v epokhu tsifrovizatsii. Chelyabinsk, 2022. 100 s.
5. Kosintseva T.D. Rol' stereotipov v mezhkul'turnoi kommunikatsii i ikh preodolenie // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 5. S. 144-150.
6. Mikhaleva G.V. Razvitie mezhetnicheskoi tolerantnosti na materiale televizionnykh mediatekstov v studencheskoi auditorii // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazование, yazyk. 2021. № 3. S. 202-215.
7. Negryshev A.A. O roli SMI v mezhkul'turnoi kommunikatsii (k postanovke problemy). URL: <https://textarchive.ru/c-2317052.html> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
8. Panibrattsev A.V. Vliyanie SMI na formirovanie i sokhranenie kul'turnoi identichnosti: dostoinstva i nedostatki // Region i mir. 2021. № 2. S. 55-59.
9. Rzhanova S.A. Sinergetika mass-mediinoi kul'tury (na primere regional'nogo segmenta informatsionnogo rynka) // Nauka, obshchestvo, kul'tura: problemy i perspektivy vzaimodeistviya v sovremennom mire. Petrozavodsk, 2021. S. 172-188.
10. Frik T.B. Osnovy teorii mezhkul'turnoi kommunikatsii. Tomsk, 2013. 100 s.
11. Shulumba B.V. Mediaprostranstvo kak faktor mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (na primere Respubliki Abkhaziya): diss. ... kand. fil. nauk. M., 2015. 162 s.

The specifics and functions of the concepts of LIFE and DEATH in V. Y. Bryusov's poetry

Glazkova Marina Mikhailovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department "Russian Language and General Educational Disciplines", Tambov State Technical University

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Sovetskaya str., 106

 rusfilol37@mail.ru

Ilyina Svetlana Anatolevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department "Russian Language and General Educational Disciplines", Tambov State Technical University

106 Sovetskaya str., Tambov, 392000, Russia, Tambov region

 vaska24@yandex.ru

Abstract. The object of the study are poems representing such thematic layers as love lyrics;

urban lyrics, including poems dedicated to Venice; the theme of death; the theme of Vikings; great figures of the past; apocalyptic themes. The paper actualizes the importance of studying Bryusov's poetry in the aspect of cognitive linguistics, examines the essence of the concepts. The place of the concepts of LIFE and DEATH in the hierarchical structure of the conceptual sphere is analyzed, their meanings are revealed based on the lexicographic material of dictionaries, representing, along with the primary meanings, various associative lexical units, including mythologems that arose on the basis of cognitive metaphorization, which, being representatives of concepts, fill slots, form a frame structure, while the frame qualifies as the core of the concept. The analysis of poems allowing to recreate the linguistic and artistic worldview of the poet, the keys to understanding which are the basic concepts of LIFE and DEATH, and to determine their specificity and role, is carried out. The following methods were used in the research process: the method of discursive analysis, which allowed us to study the interacting denotative and conceptual structures that organize the semantic space of each lyrical work under consideration in the context of Bryusov's poetry; the cultural and historical method, which contributed to the identification of connotative meanings representing the concepts of LIFE and DEATH; the hermeneutic method, which made it possible to analyze the poetics of poems. As a result of the study, the authors came to the following conclusions. Organizing a system of poetic creativity, vividly embodying the main motive, the motive of duality, the concepts of LIFE and DEATH undergo semantic contamination based on the intersection of their frame networks and form a single bipolar concept of LIFE/DEATH. An integral phenomenon, Bryusov's concept of LIFE/DEATH is multifunctional: as a figurative means, this structural unit creates the poet's idiosyncrasy; plays a text-forming role; organizes the main motives that allow Bryusov to carry out a discourse relevant to him and his contemporaries about the problem of the meaning of life and its eternity. The scientific novelty lies in the fact that the work of V. Y. Bryusov, from the point of view of the conceptual sphere and conceptualization, has not been sufficiently studied. For the first time, the comprehension of V.Y. Bryusov's linguistic picture of the world was realized through the concepts of LIFE and DEATH, which are fundamental in his work.

Keywords: the primary meaning, oppositional discourse, the motive of duality, conceptual field, idiostil, connotations, dominance, bipolar concept LIFE-DEATH, ambivalence, frame

References (transliterated)

1. Krasnova T. I. Oppozitivnyi diskurs o russkom bol'shevizme v kharbinskikh gazetakh 1918-1919 godov // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3(49). 142-147.
2. Popova I.M., Glazkova M.M. Bryusovskoe «ozarenie smert'yu» v romane Zakhara Prilepina «Obitel'» // Bryusovskie chteniya 2016 goda: Sbornik statei. Erevan: Lingva, 2017. S. 227-238.
3. Florovskii G. Puti russkogo bogosloviya. M: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009. 848 s.
4. Zharina O. A. «Kontsept» VS «Freim»: problema definitsii i sootnosheniya ponyatii v sovremennoi kognitivnoi lingvistike // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2017. T. 6, № 3(20). S. 43-46.
5. Ozhegov S.I., Shvedova I.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M: «AZ!!!», 1993. 960 s.
6. Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
7. Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka. Vladimira Dalja. V 4 t. T. 4. SPb.: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa, 1882. 706 s.
8. Bibleiskaya entsiklopediya. M.: LOKID-PRESS; RIPOL klassik, 2005. 768 s.

9. Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar': v 2 t. T.1. SPb.: Izd. P.P. Soikina, 1913. 1120 s.
10. Prokhorova A. V. Bipolyarnost' kontsepta «zhizn'/smert'» v diskursivnom prostranstve rannikh rasskazov L. Andreeva // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannyе yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2018. T. 16, № 2. 224-241.
11. Nitsshe F. Sochineniya v 2-kh t. M.: Mysl', 1996. T.1. 829 s.
12. Bryusov V.Ya. Dnevniki. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma. M.: OLMA-PRESS, 2002. 414 s.
13. Bodler Sh. Tsvety zla. M: Nauka, 1970. 485 s.
14. Bryusov V.Ya. Sobranie sochinenii. V 7-mi tomakh. T.1. M. Khudozh. lit., 1973. 672 s.
15. Chukovskii K. I. Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 6. M.: TERRA – Knizhnyi klub, 2002. 624 s.
16. Entsiklopedicheskoye slovare simvolov/avt.-sost. N.A. Istomina. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2003. 1056 s.
17. Khetagurova D. K. Mifologiya sovremennoego goroda v poezii rubezha KhIKh-KhKh vekov (E. Verkharn, V. Ya. Bryusov, D. A. Gatuiev) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14, № 7. S. 2028-2034.
18. Kolobaeva L.A. Kontseptsiya lichnosti v russkoj literature rubezha XIX-XX vv. M. Izd-vo MGU, 1990. 336 s.
19. Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t. T.2. M.: Mysl', 2010. 634 s.
20. Mashbits-Verov I. Russkii simvolizm i put' Aleksandra Bloka. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 352 s.
21. Khetagurova D. K. Videniya apokalipsisa: gorodskaya poeziya rubezha KhIKh-KhKh vekov (E. Verkharn, V. Ya. Bryusov, A. I. Tokaev) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13, № 11. C. 68-73.
22. Bryusov V.Ya. Sobranie sochinenii. V 7-mi tomakh. T. 2. M. Khudozh. lit., 1973. 496 s.

The word order in multicomponent culinary synonyms of the Russian and Chinese languages and its influence on the perception of information about the dish

Chen Yufan

Postgraduate student, Department of Russian as a Foreign Language and Teaching Methods, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7/9

✉ st094080@student.spbu.ru

Abstract. In the modern world, against the background of globalization, the tendency to carefully preserve regional and national customs is manifested in the growing interest in the culinary traditions of different peoples. Restaurants of national cuisines of different nations are becoming popular in the world; against this background, modeling of optimal ways of gastronomic nomination, which is in demand by business, is relevant. An important component of the formation of ideas about the dish is the order of presentation of information, which is reflected in the order of words. Following stereotypes developed within the framework of other languages and cultures can influence the recipient's perception of information. The object of the study is the influence of ways of presenting information about the composition and

qualitative characteristics of a dish on the client's consciousness. The subject is the differences in the order in which information about the dish is presented on the menu in Russian and Chinese. Russian culinary names obtained by the method of continuous sampling from restaurant menus (1319 units), data from a questionnaire aimed at clarifying the preferences of native speakers of the Russian language when choosing a dish (142 questionnaires) are the material of the study. The analysis of the usual word order in elementary phrases that make up culinary names is based on quantitative and descriptive methods. The analysis revealed the most significant differences between the accepted order of information presentation in Russian and Chinese culinary names. The place of lexemes indicating the type of dish, culinary tradition, main ingredients, side dishes and sauces in Russian and Chinese culinary names often does not coincide. Russian, as a language with a free word order, presents a greater variety of types of information structures, while the word order is limited not only by grammatical rules, but also by various traditions of gastronomic nomination adopted in Russian and Chinese cultures. Cultural stereotypes are reflected in the order in which information is provided about cooking methods, dishes and the quality characteristics of the dish. Even in cases where calculating does not lead to errors in the Russian menu, following other people's traditions can cause misunderstanding and laughter, which must be taken into account when nominating a dish.

Keywords: predicative model, the attribute model, the copulative model, management, agreement, cookery, syntactic tracing paper, word order, translator's speech activity, speech perception

References (transliterated)

1. Van Kh. Russkii perevod nazvanii kitaiskikh blyud v aspekte transkul'turnoi kommunikatsii / Vestnik Kalmyskogo gos. Universiteta. 2018. №2. C. 88-94.
2. Velichko A.V. Kniga o grammatike. Russkii yazykak inostrannyi / Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova. 2009. 648 c.
3. Dardykova N.V. Gastronomiceskaya metafora kak sposob vyrazheniya otsenki v turetskom yazyke / Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya. 2021. №2 (111) C. 133-141.
4. Dunaeva M.B. Gastronomiceskii diskurs v kul'turnykh praktikakh povsednevnosti / Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2019. №1(21). C. 143-150.
5. Zueva T. A., Chzhan Kh. Printsipy nominatsii kushanii v kitaiskom yazyke / Chelovek v mire kul'tury. 2014. №4. C. 97-100.
6. Kovalev E. D., Kozhevnikov I. R. Osobennosti nazvanii blyud v restorannyykh menyu na kitaiskom yazyke (strukturno-semanticeskii i pragmatischeeskii podkhody) / Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2018. №7(85). C. 329-333.
7. Krylova O.A., Khavronina S.A. Poryadok slov v russkom yazyke / Lingvodidakticheskii aspekt. M.: Russkii yazyk. Kursy. 2015. 168 c.
8. Kruglyakova T.A., Chen Yu. «Kulinarnye prikoly iz Podnebesnoi»: interpretatsiya perevodcheskoi oshibki kak sposob sozdaniya yazykovoi shutki / Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa. 2022. № 2. C. 43-56.
9. Kushkova A. V. Tsentre stola: zenit i zakat salata «Oliv'e» / Novoe literaturnoe obozrenie. 2005.
10. Lutovinova I.S. Slovo o pishche russkoi / I.S.Lutovinova. Sankt-Peterburg: Avalon: Azbuka-klassika, 2005. 288 c.
11. Ovchinnikova I.G., Pavlova A.V. Perevodcheskii bilingvism: po materialam oshibok

- pis'mennogo perevoda. M.: FLINTA. 2021.
12. Sai S.S. O poryadke slov v russkom atributivnom slovosochetanii (po dannym analiza razgovornoj rechi) / Russkaya filologiya 12. Tartu: Tartu Ülikooli, 2001. C. 171-178.
 13. Sternin I. A., Rudakova A. V. Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie / I. A. Sternin., A. V. Rudakova. Lambert. 2011. 192 c.
 14. Syutkina O., Syutkin P. Nepridumannaya istoriya sovetskoi kухни / O. Syutkina., P. Syutkin. AST. 2013. 288 c.
 15. Khoshaba I.S. Restorannoe menu v perevodcheskoi perspektiv / Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2019. №4. C. 153-157.
 16. Chernyakhovskaya L.A. Perevod i smyslovaya struktura / L.A. Chernyakhovskaya. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976.
 17. Chzhao S. K voprosu o poryadke slov v russkom i kitaiskom yazyke yazykakh transformatsii pri perevode / Gumanitarnyi vektor. Ser: filologiya, vostokovedenie. 2016. №3. C. 120-125.
 18. Chen X., Ren H., Liu Y., Okumus B., Bilgihan A. Attention to Chinese menus with metaphorical or metonymic names: An eye movement lab experiment / International Journal of Hospitality Management. 2020. №84. (In English).
 19. Khan' P. Sotsiolingvisticheskoe issledovanie nazvanii kitaiskikh blyud / Sovremennye yazyki. 2017. №08. C. 136-138. [韩沛珊. 中国菜名的社会语言学研究 / 现代语文. 2017. №08. C. 136-138]. (In Chinese.).
 20. Huo C, Jiao L, Wang W. An Empirical Study of Corpus Application in the Teaching of English Writing / Creative Education. 2021. №10. Pp. 2464-2470. (In English).
 21. Li Ts. Issledovanie kognitivnykh osnov poryadka imen sushchestvitel'nykh v «Strukture nazvanii blyud» / Kul'turno-prosvetitel'skie materialy, 2016. №8. C. 22-24. [李梓嫣. “菜名结构”中名词顺序的认知理据探究 / 文教资料, 2016. №8. 22-24]. (In Chinese).
 22. Li Ts. Ob upotreblenii nenaipyazhennykh mestoimenii v kachestve narechii / Zhurnal Suchzhouskogo universiteta. 1983. №04. C. 69-73 [李晋荃. 试论非时地名词充当状语 / 苏州大学学报, 1983. №04. 69-73]. (In Chinese).
 23. Lim L. A corpus-based study of braised dishes in Chinese-English menus / Proceedings of the 32nd Pacific Asia conference on language, information and computation: 25th joint workshop on linguistics and language processing. 2018. (In English).
 24. Li S. A corpus-based multimodal approach to the translation of restaurant menus / Perspectives. 2019. Pp. 27(1). C. 1-19. (In English).
 25. Shevchenko V.D. Realization of “food as a source of health” cognitive model. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2020. 4. Pp. 62-68. (In English).
 26. U Kh. Slogovye faktory v kitaiskom slovoobrazovanii i vospitanie ritmicheskogo chuvstva yazyka / Zhurnal Nankinskogo universiteta. 2003. №03. C. 142-148. [吴淮南. 汉语词语构成的音节因素和节奏语感的培养 / 南京大学学报. 2003. №03. 142-148]. (In Chinese.).
 27. Chzhou Ts. Sposoby i printsipy perevoda kitaiskikh nazvanii blyud na russkii yazyk. Issledovanie uchebnogo plana. 2013. 11. C. 43-46. [周进辉. 中餐菜名的俄译方法及原则 / 黑龙江: 课程教育研究. 2013. 11. 43-46.]. (In Chinese).

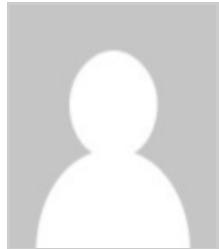
The narrative structure of Yu. P. Kazakov's short story "Arcturus the Hound Dog"

Pyhtina Irina Yur'evna

Student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ miss.irina.pihtina@yandex.ru

Bubnova Natal'ya Aleksandrovna

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ bubnova_na@pfur.ru

Abstract. The article presents a narrative analysis of Yu.P. Kazakov's short story "Arcturus the Hound Dog", which refers to the animalistic prose of the writer. The main purpose of the analysis is to consider the organization of the narrative in prose, since the narrative features of the work allow us to characterize the writer's idiosyncrasy in detail. Research objectives: to identify the features of the narrative; to get acquainted with the works devoted to the research topic; to turn to the historical and cultural context; identify the types of narrators; correlate the perspective and narrative plan with them. The relevance of the work is due to the fact that more and more studies are interested in narrative structures, as they allow us to determine the nature of the work and the poetics of Kazakov's stories. Despite the fact that many works are devoted to the early story "Arcturus the Hound Dog", not all of them differ in precise terminology and logical conclusions. So, we will attempt to challenge one of the points of view on the analyzed work. The study of the issue was based on a structural and semantic analysis. Formal, biographical and psychological methods were also used in the study. In the course of the work, the features of the narrative of the story were discovered. We came to the following conclusions: 1. The narrative is based on the principle of opposition of perspectives: an "internal - external" point of view (Innenperspektive - Außenperspektive) 2. The writer introduces three types of narrator into the canvas of the text: exegetic (omniscient, taking an indirect part in the action of the story), diegetic (active, directly appearing in the plot as a character) and lyrical (reflective, feeling, which manifests itself more on a spiritual level). The discovery of the latter in the canvas of the text determines the novelty of the study of the literary heritage of Yu. P. Kazakov. 3. Thus, the lyrical type of the narrator determines the poetics of Kazakov's lyrical prose, discovers difficult-to-grasp subtexts in the narrative and introduces a special rhythm into the analyzed story.

Keywords: composition of the work, point of view, lyrical expression, first-person narration, the outline of the narrative, zero focalization, perspective, animalistic story, lyrical prose, the type of narrator

References (transliterated)

1. Zhenett Zh. Figury. V 2-kh tomakh. Tom 1-2. – M.: Izd.-vo im. Sabashnikovykh, 1998.
2. Kazakov Yu. P. Vo sene ty gor'ko plakal: Rasskazy / Sost. T. M. Sudnik. – M.: Sovremennik, 2000.
3. Kazakov Yu. P. Ne dovol'no li?: [O liricheskoi proze: V svyazi so stat'ei V. Kamyanova «Ne dobrotoi edinoi...»] // Literaturnaya gazeta. 1967. № 52.
4. Kargashin I.A. «K rechi nado imet' vkus». Poetika rasskazov Yu.P. Kazakova //

Russkaya rech'. 2012. № 5. S. 34-38.

5. Korolev S. I. Tochka zreniya slepogo: o nekotorykh osobennostyakh rasskaza «Arktur – gonchii pes» Yurya Kazakova // Svet slova... Sbornik nauchnykh trudov k 90-letiyu Yurya Pavlovicha Kazakova / sost., vstup. stat., redaktsiya E. A. Balashova, I. A. Kargashin. – Kaluga: Izdatel'stvo AKF «Politop». 2018. – S. 117-125.
6. Kudel'ko N. A. Traditsii poetiki I. S. Turgeneva v russkoj literature XX veka (B. K. Zaitsev, K. G. Paustovskii, Yu. P. Kazakov). Diss. na soisk. uch. st. fil. nauk: 10.01.01. – M.: GUOVPO "Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet", 2005.
7. Kuz'michev I. S. Zhizn' Yurya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie. – SPb.: Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga, OOO «Zhurnal «Zvezda», 2012.
8. Kuz'michev I. Yurii Kazakov: Nabrosok portreta. – L.: Sov. pisatel', 1986.
9. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke // Semantika narrativa. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. – 464 s.
10. Uspenskii, B.A. Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy // Uspenskii B.A. Semiotika iskusstva. – M.: Iskusstvo, 1995.
11. Shmid V. Narratologiya. – M.: «Yazyki slavyanskoi kul'tury», 2003. – 312 s.
12. Stanzel Franz K. Die typischen Erzählsituationen im Roman: Dargestelltan «Tom Jones», «MobyDick», «The Ambassadors», «Ulysses» u. a. Wien, 1963 / Typische Formen des Romans. Göttingen, 1964.

Features of the use of cognitive biases in native advertising

Gukhova Elena Sergeevna □

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Specific Purposes, Baikal State University

11 Lenin Street, Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia

✉ dovgy@inbox.ru

Abstract. The aim of the study is to detect cognitive biases embedded in native advertising articles and their hidden influence on the addressees in order to increase sales of their product. The identification of cognitive biases and the linguocognitive mechanisms behind them is aimed at combating manipulative practices in advertising and increasing awareness of a wide audience when perceiving advertising messages. This study is a development of the concept of effective communication and the technology of "Smart tuning". Cognitive biases in native advertising are chosen as the object of research, and the subject is the ways of verbalization of cognitive biases. The research material is selected from sponsored content articles in both Russian and English segments of online communication. The relevance of this research lies in the significance of analyzing native advertising in media discourse from the perspectives of cognitive linguistics within cognitive-discursive and biological approaches. The main research methods are the method of interpretation, the method of discourse analysis and random sampling statistical method. It is determined, that the use of cognitive biases to persuade addressees into making purchases is widespread in native advertising, particularly in the form of sponsored content. At least one cognitive bias was identified in 80% of the analyzed advertising articles. The following cognitive biases were identified: bandwagon effect, framing effect in various subclasses, authority effect, emotional reasoning, fear of missing out, narrative fallacy, halo effect, compromise effect, contrast and anchoring effect, confirmation bias, catastrophizing. These cognitive biases involve such linguocognitive mechanisms as framing, imagining in the form of intensification and positivization, focusing, inspiration, involvement in communication and in the game , pseudo-dialogue,

personalization, spin doctoring, catastrophizing, which indicate a synergistic cognitive impact on the addressee.

Keywords: narrative fallacy, emotional reasoning, discourse analysis, framing bias, effective communication, manipulation, media discourse, linguocognitive mechanisms, native advertising, cognitive biases

References (transliterated)

1. Melekhova A. S. Nativnaya reklama kak element digital-kommunikatsionnoi strategii brenda // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2015. № 3. S. 242-245.
2. Wojdynski B. W. Native advertising: Engagement, deception, and implications for theory // The New Advertising: Branding, Content and Consumer Relationships in the Data-Driven Social Media Era. 2016. Santa Barbara, CA: Praeger/ABC Clio. pp. 203-236.
3. Yakoba I. A. Kognitivno-kommunikativnaya parametrizatsiya mediinogo diskurca: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Irkutsk, 2020. 399 s.
4. Yakoba I. A. Kognitivnye iskazheniya kak sredstvo manipulyatsii v novostnom diskurse v sfere informatsionnykh tekhnologii // Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T. 33, № 4. S. 762-771.
5. Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki // Kognitivnye aspekty leksikografii. 1999. № 2. S. 5-13. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.infolex.ru/Interpret.html> (data obrashcheniya 20.12.23).
6. Deik Van T. A. Diskurs i vlast': Repräsentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii: per. s angl. E. A. Kozhemyakina i dr. M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2013. 344 s.
7. Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modelirovaniya na EVM. M.: Izd-vo MGU, 1989. 171 s.
8. Boldyrev N. N., Efimenko T. N. Vtorichnaya interpretatsiya nauchnogo znaniya v diskurse SMI // Medialingvistika. 2022. T. 9, № 4. S. 355-368.
9. Kaneman D. Dumai medlenno... reshaj bystro. M.: AST, 2016. 653 s.
10. Kahneman D., Slovic P., Tversky A, (eds.). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge: Cambridge university press, 2008. 555 p.
11. Yakoba I. A., Glukhova E. S. Manipulyativnyi potentsial kognitivnykh iskazhenii v reklamnykh tekstakh // Kommunikativnye issledovaniya. 2024. T. 11. № 1.
12. Tversky A., Kahneman D. The framing of decisions and psychology of choice // Science. New series. 1981. Vol. 211. No. 4481. pp. 453-458.
13. Druckman J. N. The implications of framing effects for citizen competence // Political Behavior. 2001. Vol. 23. No. 3. pp. 225-256.
14. Levin I. P., Schneider S. L., Gaeth G. J. All frames are not created equal: A typology and critical analysis of framing effects // Organizational behavior and human decision process. 1998. Vol. 76. No. 2. pp. 149-188.
15. Bunčić S., Krstić J., Kostić-Stanković M. Cognitive biases in marketing communication: Influence of anchoring and message framing on consumers' perception and willingness to purchase // Marketing. 2021. Vol. 52. No. 2. pp. 103-117.
16. Leibenstein H. Bandwagon, snob, and veblen effects in the theory of consumers' demand // The Quarterly journal of economics. 1950. Vol. 64. No. 2. pp. 183-207.
17. Secchi D., Bardone E. Socially distributed cognition and intra-organizational bandwagon: Theoretical framework, model, and simulation // International Journal of

- Organization Theory & Behavior. 2013. Vol. 16. No. 4. pp. 521-572.
18. Tatarinov K. A., Belykh E. R., Filatenko E. A. Psichologicheskie aspekty emotsional'noi reklamy // Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psichologiya. 2020. T. 9. № 3 (32). S. 39-42

The specifics of the representation of speech strategies and tactics in educational audio podcasts

Egoshkina Violetta Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Journalism and Media Linguistics, Dostoevsky Omsk State University

55 Mira ave., Omsk, Omsk region, 644077, Russia

 v.egoshkina@yandex.ru

Abstract. The object of the research is educational audio podcasts presented on the platform Smotrim.ru (Radio Mayak audio podcasts): "100 Minutes" (16 issues), "Literary squabbles" (11 issues), "Understand yourself if you can" (15 issues), "Conversations about Literature" (14 issues), "Diary his Wives" (11 issues), as well as episodes of the audio podcast hosted on the Polka.academy platform – "Between the Lines" (7 issues), published from 2021 to 2023. The subject of the study is the pragmastilistic specificity of media texts represented in empirical material. The purpose of the work is to present various interpretations of the term "audio podcast", to consider definitions of the concepts "speech strategy" and "speech tactics", approaches to their classification, as well as to identify and describe dominant communicative strategies and tactics explicated in educational audio podcasts. To achieve the stated goal, methods of content analysis, linguistic stylistic and pragmastilistic analysis of media texts were applied. Despite the fact that audio podcasts are now in demand among the audience and are presented on various platforms, including on the websites of major radio stations and streaming services, this media phenomenon still needs scientific reflection. Thus, the works of Russian researchers have not yet formulated a generally accepted definition of an audio podcast, nor has a unified point of view been developed on how to consider an audio podcast as a new kind of radio or an independent format. In addition, the communicative and pragmatic specifics of media texts explicated in audio podcasts have been studied very little. This determines the relevance and scientific novelty of the research undertaken. As a result of the analysis of empirical material, dominant speech strategies and tactics implementing them were identified. Conclusions are drawn about the stylistic originality of the analyzed media texts.

Keywords: pragmastilistics, media stylistics, media linguistics, media text, media discourse, educational audio podcast, audio podcast, speech tactics, speech strategy, convergence

References (transliterated)

1. Gerasimenko A. S. Radio v seti Internet i podkasting. Sozdanie sobstvennogo podkastinga i radiostantsii v seti Internet. M.: Triumf, 2007.
2. Karpenko I. I. Radioveshchanie v Internete: teoriya, tipologiya, spetsifikasi zhurnalistskoi deyatel'nosti: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2009.
3. Raspopova S. S. Podkasty – eto prosto udobno // Zhurnalista. 2018. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://jrnlst.ru/podcasting> (data obrashcheniya: 05.01.2024).
4. Vitvinchuk V. V., Lavrishcheva M. S. Osobennosti rossiiskikh podkastov (po materialam

- izdaniya «Meduza») // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2019. № 5 (78). S. 544-546.
5. Antropova E. D. Podkastingovoe veshchanie na radio: perspektivy, tendentsii razvitiya // Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovatelei: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh rabot studentov, magistrantov i aspirantov / pod red. A. N. Marchenko. SPb: OOO «Mediapapir», 2021.
 6. Berezhnaya M. A. Chto za chudo-yudo zamorskoe – muzeinyi podkast? // Vremya Muzyey. 2019. Vypusk 2. S. 441-458.
 7. Khasanova L. I. Podkast kak obrazovatel'noe mediasredstvo // Tsifrovoe razvitiye ekonomiki i sotsial'noi sfery Udmurtskoi Respubliki: aktual'nye voprosy i rol' vysshei shkoly: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. A. M. Makarova. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2019.
 8. Rastorgueva E. V., Chutcheva A. V. Audiopodkasty kak sovremennaya raznovidnost' analiticheskoi zhurnalistiki // Mediaissledovaniya. 2020. № 7. S. 230-235.
 9. Malysheva E. G., Rogaleva O. S. Sportivnye podkasty v aspekte dialogicheskoi kommunikatsii // Kommunikativnye issledovaniya. 2022. T. 9. № 4. S. 782-799. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(4). 782-799.
 10. Petrenko O. A., Gorbachev A. M. Potentsial podkastov efirnogo radio v formirovaniii istoricheskogo soznaniya auditorii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2019. № 2. S. 130-134.
 11. Kruglova L. A., Mamedov D. Z. Problemy podkastinga v Rossii // Vestnik NGU. Seriya: Iстoriya, filologiya. 2021. № 6: Zhurnalistika. S. 156-167.
 12. Volnukhina V. I. Podkast kak samostoyatel'naya edinitsa v sovremenном kul'turnom mediaprostranstve // Kul'tura i gumanitarnye nauki v sovremennom mire: Sbornik nauchnykh statei / pod red. O. V. Arkhipovoi. SPb: Nauchno-issledovatel'skii tsentr «Peresvet», 2019.
 13. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyi podkhod): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 1990.
 14. Vinogradov S. I. Kul'tura russkoi rechi: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii / pod red. L. K. Graudinoi, E. N. Shiryaeva. M.: INFRA-M, 1999.
 15. Volkova A. A. Ponyatiya «kommunikativnaya strategiya», «kommunikativnaya taktika», «kommunikativnyi khod» // Kommunikativnye strategii i taktiki v mediadiskurse / Otv. red. N. G. Nesterova. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2011.
 16. Trufanova I. V. O razgranichenii ponyatii «rechevoi akt», «rechevoi zhanr», «rechevaya strategiya», «rechevaya taktika» // Filologicheskie nauki. 2001. № 3. S. 56-65.
 17. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. 5-e. izd. M: Izd-vo LKI, 2008.
 18. Deik van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / Blagoveschensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000.
 19. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoi politicheskoi elity Rossii: dis. ... dokt. filol. nauk. Saratov, 2005.
 20. Arsen'eva T. E. Kommunikativnye strategii i taktiki prosvetitel'skogo radiodiskursa (na materiale programmy «Govorim po-russki»): dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2013.
 21. Nesterova N. G. Fenomen radiodiskursa: sovremennye diskursivnye praktiki: dis. ... dokt. filol. nauk. Tomsk, 2015.
 22. Goikhman O. Ya., Nadeina T. M. Rechevaya kommunikatsiya. M.: INFRA-M, 2007.